

Светлой памяти моих родителей

Афины Васильевны

и

Ивана Панаитовича

посвящается

Виктор Сарианиди

**И ЗДЕСЬ ГОВОРИЛ
ЗАРАТУШТРА**

Оглавление

От Автора	5
Глава I. Споры вокруг Заратуштры	8
Глава II. Бактрия прекрасная, с поднятыми знаменами	26
Глава III. Маргиана мощная, верующая...	57
Глава IV. Священные огни храмов	72
Глава V. Борьба змей и драконов	108
Глава VI. Боги или герои?	128
Глава VII. Древний Пантеон	143
Глава VIII. На широком арийском просторе	156
Эпилог	190

Заказ 98. Тираж 1000 экз. Ротапринт ВНИИЭгазпрома

V.I.Sarianidi

"....And here spoke Zaratustra"

For almost 200 years historians make speculations about the motherland of first world religion — zoroastrism and the birthplace of its prophet — Zaratustra. Some think it was in Iran or Afghanistan, some suppose it was in endless deserts of Central Asia.

The latest archaeological findings in the very heart of the great desert of the Kara Kum shed new light on this problem. It was here among the present lifeless sands and quicksand barhans where the ancient countries so far absolutely unknown to the world science was found. In the sacred book of zoroastrism "Avesta" this country is mentioned under the name "Moourou".

Large-scale and successful archaeological works brought to life ancient temples covered with sand and dedicated to the cult of fire and libations. According to "Avesta" these are the two cults which form the heart of zoroastrism religion. The ethical and philosophical essence of zoroastrism is the fight between the Good and the Evil. This subject is widely represented on the sacred amulets of the local tribes where good snakes fight the evil dragons.

This and some other newest archaeological and linguistic data give the right to assume that in the II mil.B.C. in the Kara Kum desert there existed an original culture of the ancient Eastern type which was closely connected with the advanced centers of those times from India and Iran to Mesopotamia and Asia Minor. The local religious believes and cult rituals alongside the main philosophical ideas find their continuation quite unexpectedly in the zoroastrian religion and in its sacred book "Avesta". We have all the right to assume that the "Moourou" land was one of the most likely centers of the origin of the zoroastrian religion and perhaps the motherland of a new prophet — Zaratustra or Zoroastra.

The book is written in a popular style and hopefully will be popular with a common reader.

Виктор Сарианиди выдвигает и обосновывает новую теорию о возникновении первой мировой религии — зороастризма в Центральной Азии в среде пришлых арийских племен, появившихся здесь в начале II тысячелетия до н.э. На основании анализа новейших археологических открытий и в сопоставлении их с данными современной лингвистики он утверждает, что есть веские основания предполагать родину зороастризма в Бактрии (среднее течение р. Амударья) и Маргиане (Восточные Каракумы). В. Сарианиди предполагает, что именно у этих племен были распространены такие религиозные представления и культовые обряды, которые позднее могли быть заимствованы и использованы в реформированном виде новоявленным пророком Заратуштрой.

Из синтеза новейших археологических фактов и наполодений им сформулирована новая концепция о предполагаемой родине зороастризма, подробно изложенная и обоснованная в книге "И ЗДЕСЬ ГОВОРИЛ ЗАРАТУШТРА", богатая иллюстрированной рисунками и фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

"В.И. Сарианиди наука обязана многими яркими и фундаментальными археологическими открытиями, которые обогатили наши знания в области древней истории и культуры Центральной Азии". Академик Б.А. Литвинский (СССР).

"Исследования археологического материала по "иранскому язычеству", до сих пор малоутешительные, никогда еще так близко не подвели к решению проблемы, как при раскопках в Маргиане". Профессор Ф. Грене (Франция).

"Я думаю, что предложенная в моих недавних работах реконструкция "авестийской географии", основанная главным образом на филологических и исторических источниках, находит теперь подтверждение в археологическом материале". Академик Дж. Ньюли (Италия).

От автора.

"Новую, неизвестную ранее цивилизацию открыли советские археологи на севере Афганистана, в древней Бактрии. Ими открыты полузатопленные песками огромные города и скромные поселки, величественные дворцы и храмы, не уступающие ничем прославленной монументальной архитектуре Ирана и Месопотамии." Уникальная коллекция художественной бронзы, тонкогравированные, нередко сложные по композиции рисунки на каменных амулетах и медно-бронзовых печатях открывают огромные перспективы в изучении духовной культуры, живших здесь во II тыс. до н.э. племен, происхождение которых до сих пор представляет загадку мировой науки."

"Но понадобилось почти 20 лет со времени открытия этой все еще интригующей цивилизации, чтобы она по достоинству была оценена многими современными учеными, так что уже сейчас некоторые из них считают, что Бактрия должна быть включена в список четырех древних цивилизаций Старого Света — Месопотамии, Египта, Индии и Китая."

Все эти и другие лестные эпитеты принадлежат американской прессе, и в частности газете "Бостон Глоб". Редакционная статья этой газеты (от 1 января 1990 г.) посвящена успехам советских археологов, открывших на севере Афганистана ранее практически неизвестную древнюю страну Бактрию.

И это еще не все. "Средняя Азия эпохи бронзы может быть поставлена в один ряд с древними мировыми цивилизациями" — утверждает в этой газете директор всемирно известного музея Пибоди в Гарварде, профессор К.Ламберг-Карловский.

Но начало этому несколько запоздалому старту было положено английским журналом "Иллюстрированный Лондон Ньюс" (один из номеров журнала зимы 1989 г.). Соответствующая статья начинается фразой: "В век компьютеров и освоения космоса трудно было допустить, что на нашей планете имеются места, не исследованные археологией. И все-таки такое место было обнаружено в Бактрии, где они откры-

Виктор Сарияниди выдвигает и обосновывает новую теорию о возникновении первой мировой религии — зороастризма в Центральной Азии в среде пришлых арийских племен, появившихся здесь в начале II тысячелетия до н.э. На основании анализа новейших археологических открытий и в сопоставлении их с данными современной лингвистики он считает, что есть веские основания предполагать родину зороастризма в Бактрии (среднее течение р. Амударья) и Маргиане (Восточные Каракумы). В. Сарияниди предполагает, что именно у этих племен были распространены такие религиозные представления и культовые обряды, которые позднее могли быть заимствованы и использованы в реформированном виде новоявленным пророком Заратуштрой.

Из синтеза новейших археологических фактов и наблюдений им сформулирована новая концепция о предполагаемой родине зороастризма, подробно изложенная и обоснованная в книге "И ЗДЕСЬ ГОВОРИЛ ЗАРАТУШТРА", богато иллюстрированной рисунками и фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

"В.И. Сарияниди наука обязана многими яркими и фундаментальными археологическими открытиями, которые обогатили наши знания в области древней истории и культуры Центральной Азии". Академик Б.А. Литвинский (СССР).

"Исследования археологического материала по "иранскому язычеству", до сих пор малоутешительные, никогда еще так близко не подвели к решению проблемы, как при раскопках в Маргиане". Профессор Ф. Грене (Франция).

"Я думаю, что предложенная в моих недавних работах реконструкция "авестийской географии", основанная главным образом на филологических и исторических источниках, находит теперь подтверждение в археологическом материале". Академик Дж. Ньюли (Италия).

От автора.

"Новую, неизвестную ранее цивилизацию открыли советские археологи на севере Афганистана, в древней Бактрии. Ими открыты полузанесенные песками огромные города и скромные поселки, величественные дворцы и храмы, не уступающие ничем прославленной монументальной архитектуре Ирана и Месопотамии." Уникальная коллекция художественной бронзы, тонкогравированные, нередко сложные по композиции рисунки на каменных амулетах и медно-бронзовых печатях открывают огромные перспективы в изучении духовной культуры, живших здесь во II тыс. до н.э. племен, происхождение которых до сих пор представляет загадку мировой науки."

"Но понадобилось почти 20 лет со времени открытия этой все еще интригующей цивилизации, чтобы она по достоинству была оценена многими современными учеными, так что уже сейчас некоторые из них считают, что Бактрия должна быть включена в список четырех древних цивилизаций Старого Света — Месопотамии, Египта, Индии и Китая."

Все эти и другие лестные эпитеты принадлежат американской прессе, и в частности газете "Бостон Глоб". Редакционная статья этой газеты (от 1 января 1990 г.) посвящена успехам советских археологов, открывших на севере Афганистана ранее практически неизвестную древнюю страну Бактрию.

И это еще не все. "Средняя Азия эпохи бронзы может быть поставлена в один ряд с древними мировыми цивилизациями" — утверждает в этой газете директор всемирно известного музея Пибоди в Гарварде, профессор К. Ламберг-Карловский.

Но начало этому несколько запоздалому старту было положено английским журналом "Иллюстрейтед Лондон Ньюс" (один из номеров журнала зимы 1989 г.). Соответствующая статья начинается фразой: "В век компьютеров и освоения космоса трудно было допустить, что на нашей планете имеются места, не исследованные археологией. И все-таки такое место было обнаружено в Бактрии, где они откры-

ли новую цивилизацию и новую страну с оригинальной культурой древневосточного типа."

Можно было бы и дальше перечислять подобные высказывания мировой прессы, но достаточно и этих, чтобы по достоинству оценить мировую значимость открытий, сделанных советскими археологами в сердце Азии, в ныне пустынных песках левобережья реки Амударьи.

Автору предлагаемой книги посчастливилось принять участие в этих работах и одновременно продолжить их в Маргиане, другой древней исторической области, расположенной на крайнем востоке Туркменистана, среди песков и такыров одной из величайших пустынь мира — Каракум. Как оказалось, и здесь, в древней Маргиане, существовала культура, родственная бактрийской. Таким образом, обе эти страны являются областями распространения новой, ранее неизвестной древней цивилизации.

Более того, вместе они составляли своеобразный мост, соединявший между собой Среднюю Азию, Индию, Иран и далекую Месопотамию. Через Бактрию и Маргиану проходили тяжело груженные караваны. Они несли не только товары, но и осуществляли связь культурных традиций, навыков в древнем ремесле и технологии. Идеи, творческие искания передовых центров находили отклик в Бактрии и Маргиане, способствовали возникновению здесь, на месте, оригинальной культуры. Сейчас стало очевидным, какую большую роль сыграли обе эти страны в древней истории юго-западной Азии.

Но имеется еще один аспект, не оцененный специалистами по достоинству до настоящего времени, и именно ему посвящена предлагаемая книга.

Автор, принимая участие в многолетних и параллельных работах в Бактрии и Маргиане, неожиданно получил в свое распоряжение весь известный по этому региону материал, что позволило ему возможно полно представить уровень развития духовной культуры обитавших здесь племен. Как оказалось, общность прослеживается не только в основных признаках материальной культуры, но, что важнее, и в духовной, в сфере идеологических представлений, культовых обрядов и ритуальных церемоний.

Более того, как теперь становится очевидным, многие основополагающие признаки интеллектуальной жизни и ду-

ховной культуры племен Бактрии и Маргианы, хотя и в несколько измененном, реформированном виде, находят свои впечатляющие соответствия в зороастрийской религии, и в особенности в священной книге зороастрийцев "Авесте". Можно сказать, что основные положения этико — философской системы обитателей этих двух стран как бы продолжают в текстах "Авесты", но, разумеется, в более усложненной форме. Все это и многое другое, с чем читатель может ознакомиться в предлагаемой книге, дало основание выдвинуть и обосновать предположение, что Бактрия и Маргиана могли быть возможной родиной первой мировой религии — зороастризма.

Имеющиеся в настоящее время фактические материалы еще недостаточны для окончательного решения проблемы в целом, но очевидно и то, что эти же данные заставляют пересмотреть многие заключения лингвистов с точки зрения современной археологии. И кто знает, не по этим ли пыльным дорогам брел всеми осмеянный и униженный новоявленный пророк Заратуштра, который через некоторое время станет триумфатором и создателем первой мировой религии — зороастризма?

Автор предвидит многие возражения со стороны не только историков, но и археологов, но уже было сказано великим английским археологом сэром Л. Вулли: "...наши ошибки свидетельствуют о прогрессе науки!"

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, кто в той или иной мере, но с одинаковым энтузиазмом помогал автору при подготовке этой книги к печати. Трудно перечислить всех, кто помогал автору, но было бы несправедливо не упомянуть Кэт Фитцгibbon и Эндрю Халле, оказавших автору неоценимую помощь в подготовке к изданию этой книги.

В неменьшей степени этому способствовали многочисленные консультации профессора В.Лившица, без которых предлагаемая вниманию читателя книга не могла бы быть подготовлена в настоящем виде.

Наконец, автор выражает свою искреннюю благодарность всем тем, кто на протяжении многих лет принимал участие в археологических раскопках в трудных, безводных, условиях великой пустыни Каракумы.

Глава I. Споры вокруг Зороастра

Кто такой Зороастр? Мифическая личность, созданная фантазией неизвестного народа, или реальный человек, основавший первую мировую религию? Когда и где он родился, жил и творил, что сделал, почему имя его, пережив века, дошло до наших дней, а его деяния и в первую очередь проведенная им религиозная реформа до сих пор остаются интригующей загадкой мировой науки? Кто же он, тот, кто еще при жизни получил широкую известность, а вскоре после смерти стал легендарной личностью?

Семь городов спорили за честь считаться родиной "отца истории" Геродота, но, пожалуй, еще больше древних стран претендуют быть родиной Зороастра. До нас дошел лишь полумифический образ пророка, и до самого последнего времени не было полной уверенности, существовал ли он в реальности? Но благодаря кропотливому изучению даже тех скудных данных, что дошли до нас, удалось установить, что Зороастр — вполне конкретная историческая личность. Вопрос о месте и времени его жизни, о его деятельности породил море, если не океан, различных предположений и гипотез — от маленьких статей до толстых книг. По образному выражению одного ученого, "сколько было авторов — столько было и теорий". Добавим от себя еще одну, но основанную не на письменных данных, а на археологических, что позволяет видеть старую проблему в новом аспекте. Но прежде обратимся к данным историков религии, и особенно лингвистов, выводы которых основываются на анализе письменных свидетельств, и в первую очередь на содержании священной книги зороастрийцев "Авесты".

Если суммировать результаты научных исследований многих поколений ученых различных стран мира, то в общих чертах история Зороастра, его учения предстает в следующем виде. Наиболее вероятно, его родина могла находиться на обширной территории, включающей Иран, Среднюю Азию и Афганистан. Лингвисты или, иначе, люди, умеющие читать древние рукописи, попытались сузить этот по истине бескрайний ареал. После долгих научных споров и дискус-

сий они пришли к единому для большинства из них выводу, что исходя из географических названий, упомянутых в "Авесте", родиной пророка может быть территория от современного города Герата и гор Паропамиса, охватывающая оазисы Мерва и простирающаяся вплоть до Аральского моря. Некоторые ученые идут еще дальше. Они считают, что родину Зороастра следует искать в восточном Иране, Бактрии, Маргиане и Сеистане, что, как будет показано ниже, в наилучшей степени согласуется с новейшими данными археологии.

С другой стороны, в "Авесте" неоднократно упоминается народность — "туры", под которой скорее всего подразумеваются кочевники-скифы, всегда находившиеся в неприязненных отношениях с племенами, в среде которых и была создана "Авеста". Языковеды тонко подметили, что в этой священной для каждого зороастрийца книге неоднократно используются местоимения "мы" и "они". В первом случае подразумеваются местные земледельческо-скотоводческие племена, которые называют себя в "Авесте" ариями, во втором — их злейшие враги туры, т.е. скифы-кочевники. И это положение, отмеченное лингвистами, как нельзя лучше согласуется с данными археологии, происходящими в первую очередь из Маргианы, страны некогда располагавшейся в юго-восточных Каракумах, в современном Туркменистане, на границе земледельческих оазисов и бескрайних среднеазиатских степей.

Итак, сейчас с документальной точностью установлено, что составители "Авесты" были знакомы с этой древней страной, которая упоминается в ней под именем Моуру, в персидских клинописных надписях — страна Маргуш, а греческие историки переименовали ее в Маргиану (рис. 1).

Но помимо страны Маргуш в "Авесте" упоминаются и другие области, в частности не менее древняя страна Бахди, которую античные авторы, в первую очередь греческие, называли Бактрия. Для нашей темы обе эти древние страны — Бактрия и Маргиана — представляют первостепенный интерес, так как именно отсюда в самые последние годы был получен большой археологический материал, позволяющий по-новому взглянуть на проблему возникновения зороастризма.

Но имеется еще одна древняя область — Сеистан, расположенная на крайнем юго-западе Афганистана, в то же

время частично заходящая в соседней Иран, которая по мнению лингвистов занимает предпочтительное место среди всех остальных. Во всяком случае, в высшей степени показательным, что независимым путем к такому выводу пришли известный советский востоковед И.М. Дьяконов и выдающийся итальянский ученый Дж. Ньюли. Между этими тремя историческими областями пролегают многие сотни и даже тысячи километров, что как будто является непреодолимым препятствием для высказанной гипотезы. Однако уже давно было отмечено, что Зороастр, не получив признания на своей родине, отправился в изгнание, где, наконец, и приобрел своих первых последователей. Иначе говоря, можно допустить, что родился Зороастр в Бактрии или Маргиане, в то время как сама "Авеста" могла быть составлена в Сеистане. Скучные и отрывочные сведения о личности пророка имеются все в той же "Авесте".

Судя по этим данным, где-то в начале I тыс. до н.э., но не позднее VII в. до н.э., в потомственной жреческой семье родился мальчик. Родители назвали его довольно распространенным, обычным древним именем Заратуштра. "Зар" — это "золотой" или "желтый", а вторая часть этого имени — "уштра" — переводится как "верблюд", с чем согласны все лингвисты. Это могло быть обычное крестьянское имя, обозначающее "обладающий золотистыми верблюдами". Наконец, существует еще один вариант перевода Ж "тот, кто ведет верблюдов", — что как будто находит свое подтверждение в археологических данных, о чем подробнее будет сказано ниже. Как бы то ни было, лингвисты давно подметили, что имя Заратуштра — обычное, лишенное святости имя, которое могли дать реальному человеку, а не мифическому или, тем более, обожествленному существу. Под этим именем с новоявленным пророком познакомились и древнегреческие историки, которые, по аналогии с греческим, переосмыслили и, соответственно, переименовали вторую часть этого древнеиранского имени в греческое "астр" — "звезда". Итак, Заратуштра и Зороастр — это имя одного и того же лица, но в одном случае — на древнеиранском, а во втором — древнегреческом языках. В то время очень часто дети перенимали профессию своих родителей, так что можно допустить, что Зороастр, родившись в потомственной жреческой среде, уже с самого детства стал готовить себя к жреческой профессии,

изучая культовые песнопения и обрядовые церемонии. Да и в "Авесте" он сам называет себя "заотар", то есть профессиональный жрец, в косвенной форме указывая на свое жреческое происхождение, на принадлежность к жреческому сословию. В более поздних частях "Авесты" даже говорить, что он происходит из небогатого рода, был женат и имел двух дочерей. В древнейшей же части "Авесты" Зороастр выступает как проповедник новой веры, как очень живая и реальная личность, борющийся и страдающий человек. Сохранились даже такие бытовые детали, как упоминание об обещании некоего лица подарить ему одного верблюда и десять лошадей, которое тот так и не выполнил.

Если учесть, что у современных зороастрийцев Ирана и Индии "заотаров" начинают обучать уже с пятилетнего возраста, то можно допустить аналогичную ситуацию и для того времени. Судя по всему, в той среде, где родился и вырос Зороастр, письменность еще не существовала, так что подобно многим другим детям уже с самого раннего возраста, мальчиком, будущий пророк посещал храмы, где под руководством жрецов долгими часами запоминал на память длинные, порой "зашифрованные" песнопения и молитвы, которые затем исполнялись при богослужении. Но в противоположность многим своим собратьям по жреческому ремеслу, юный Заратуштра не только запоминал устные литургические тексты, но и глубоко задумывался над их содержанием. Постепенно он реформирует старую религию, которую совсем недавно еще сам изучал под руководством профессиональных жрецов, и начинает выступать с проповедями перед земляками, а затем и жителями соседних деревень. Но на своей родине он так и не получил признания и не обрел последователей.

В конце концов Зороастр вынужден был оставить родину и искать убежища на чужбине. В "Авесте" сохранились достоверные свидетельства этого события, вложенные в уста гонимого пророка. В них слышится живая и глубоко человеческая скорбь:

"В какой земле мне укрыться, куда мне пойти укрыться?
Гонят меня от родных, соплеменников,
Не принимает меня ни община,
Ни живые правители страны,

Как мне добиться, чтобы ты принял меня,
О Мазда Ахура!"

Потерпев неудачу на родине, Зороастр отправляется в изгнание в поисках новых приверженцев своей религии и наконец попадает в древнюю страну, правителем которой был некий Виштаспа. В науке существует много различных, порой взаимоисключающих теорий о местоположении этой страны, но наиболее вероятной представляется либо Бактрия, либо Сеистан. Судя по "Авесте", именно здесь новоявленный пророк сумел добиться своей главной цели: правитель этой области не только заинтересовался новой религией, но и приблизил к себе ее автора. Заратуштра сумел увлечь Виштаспу своими страстными проповедями, так что последний оказывает ему сначала свое покровительство, а затем и сам становится ревностным его последователем. С этого момента резко меняется судьба как самого Зороастра, так и его нового учения. Начинается триумфальное шествие первой мировой религии — зороастризма. Виштаспа не только сам принимает новое вероучение, но и призывает к этому всех своих подданных. И вот уже вскоре практически все население этой древней страны становится зороастрийским, а затем новая религия постепенно распространяется в соседние области, находя себе все новые сотни и тысячи приверженцев. Сохранилось даже предание, что по приказанию Виштаспы текст "Авесты" еще при жизни Зороастра был записан золотом на 30 тысячах бычьих кож, которые затем якобы были уничтожены Александром Македонским при взятии и сожжении Персеполя.

Как бы то ни было, именно здесь, в стране Виштаспы, начинает Зороастр читать свои проповеди, которые с жадным вниманием запоминали и заучивали на память те, кто желал перейти в новую веру. Проповеди, с которыми он выступал перед народом, много позднее и будут записаны в особую книгу "Авесту", составив ее самое древнее ядро под названием "Гаты". Позднее, через многие века, в "Авесту" будут включены обрядовые и литургические тексты, собрания религиозных установлений и жреческих законов. Именно поэтому название "Авеста" в буквальном переводе означает "основа", то есть основной текст священной книги зороастрийцев.

С точки зрения современного человека трудно представить себе, как можно запомнить и сохранить в памяти все эти многочисленные стихотворные тексты, повторяемые и передаваемые устно без искажений в течение многих веков, пока они не были записаны — почти через тысячу лет после того, как их произнес Зороастр. Но лингвисты уже доказали, что в зороастризме существовал настоящий культ слова, когда искажение "святых слов" считалось страшным грехом, что в конечном счете подтверждает достоверность дошедшего до нас текста "Авесты".

По существу, Зороастр не создал новую, а лишь реформировал старую, существовавшую до него местную восточно-иранскую религию, представляющую собой политеизм или, иначе, многобожие. Местные племена поклонялись богу договора Митре, богине воды и плодородия Анахите, богу войны и победы Веретрагне и т.д. Здесь существовали уже сложные религиозные обряды, и в том числе связанные с культом огня и опьяняющего ритуального напитка типа хаомы. Широко были распространены сложные мифологические представления и эпические сказания, основанные на борьбе добрых и злых существ, которые позднее были включены в новое вероучение и получили дальнейшее развитие.

Пожалуй, самая главная реформа состояла в том, что вместо множества старых божеств Зороастр ввел главное, высшее божество под именем Ахура Мазда, объявив себя его пророком. Название Ахура Мазда переводится как "Владыка Мудрость" или "Мудрый Господь" — высший всезнающий бог, бог-творец, олицетворяющий собой правопорядок, божественную справедливость.

В противовес благу Ахура Мазде Зороастр ввел его постоянного оппонента бога Анхра Майню, или Ахримана, олицетворяющего собой силы зла и тьмы. Оба бога имеют свои воинства, между которыми идет постоянная и бескомпромиссная война. Первоначально, по мысли новоявленного пророка, Ахура Мазда являлся единственным творцом всего сущего на земле, порождением которого помимо прочего являются не только добрые духи, но и дух зла, что до сих пор не находит удовлетворительного объяснения со стороны специалистов. В самом деле, казалось бы достаточно того, что существует верховный бог Ахура Мазда, которому подчиняется все сущее на земле, но вместо этого с его согласия суще-

ствует и бог зла, что предполагает извечную борьбу между ними. В древнейших проповедях "Авесты" Зороастр говорит: "Я хочу сказать о двух изначальных духах сущего — я говорю о духах благом и злом: ни поучения, ни помыслы, ни даже выбор (между добром и злом), ни слова, ни даже деяния, ни лица, ни души их — (все) различно."

До сих пор исследователи задаются вопросом, каким образом в учении Заратуштры наряду с добрым богом Ахурой Маздой появился злой дух Ахриман? Прямого ответа в самой "Авесте" нет. Возникает вопрос — зачем ему понадобилось вводить двух равных антиподов? И здесь все специалисты единодушны во мнении, что это было сделано пророком сознательно, так как новое учение буквально пронизано идеей дуализма или, иначе, двойственности, раздвоенности, существования двух независимых, самостоятельных начал. Мы еще будем иметь возможность убедиться, что эта дуалистическая идея была глубоко заложена в представлениях местных восточноиранских племен. На этих традициях скорее всего и был воспитан сам Зороастр в пору его юношеских лет, что, естественно, не могло не сказаться при создании нового учения.

Дуализм присущ и другим религиям, как например христианству или исламу, но там зло появляется с ведома и попустительства всемогущего бога. Иное дело зороастрийская религия, где изначально, "от века", сосуществуют два начала: доброе и злое. Ахура Мазда может все, но не в его власти уничтожить раз и навсегда его извечного врага Ахримана.

Вот как формулирует эту генеральную идею сам Зороастр: "Два изначальных духа, близнецы, открылись мне во сне. У них два образа мысли, речи и действия: благой и злой. Среди этих (двух духов) тот, который совершает благодеяние, следует праведному выбору, а не тот, кто творит зло! С тех пор, как эти два духа встретились, они положили начало жизни и не-жизни; что касается конца (т.е. страшного суда), то злым уготованы мучения, а праведным — (царство) Благой Мысли."

Вместе с тем Заратуштра постоянно подчеркивает, что главным божеством является Ахура Мазда, что как будто вступает в противоречие с дуалистической концепцией, сформулированной им самим. Крупнейший современный ис-

следователь "Авесты" итальянский ученый Дж.Ньоли устраняет кажущееся противоречие между монотеизмом и дуализмом, допуская, что Ахриман не другой бог, а всего лишь дух разрушения.

В свою очередь, прекрасный знаток "Авесты" советский ученый В.А.Лившиц считает, что религия зороастризма монотеистична с точки зрения Ахура Мазды как единственного божества, но она дуалистична с точки зрения возможности выбора человеком между "добром и злом". Причем этот выбор зависит от желания каждого верующего, что в конечном счете определяет судьбы всего мира, так как от конкретных поступков людей зависит сам исход борьбы добра со злом.

Итак, правда и добро воплощены в Ахура Мазде, которому противостоит дух зла и лжи Ахриман. Согласно Зороастру, человек от рождения свободен в выборе между добром и злом, но он должен сам выбрать добро и быть на стороне Ахура Мазды и всегда бороться со злом. У каждого из них есть свое воинство: у Ахура Мазды — добрые ангелы-хранители, а также добрые гении или, иначе, фравашы, у Ахримана это — злые дэвы. О них в "Авесте" говорится, что "Заратуштра загнал под землю всех дэвов, которые ранее ходили по земле в человеческом облике". Теперь же они обитают под землей, в горах, пещерах, но главное — там, где стоит постоянный холод. Дэвы противостоят добрым фравашам, олицетворяя собой зависть, старость, похоть, засуху, зиму и вообще все плохое. Каждому доброму началу соответствует дурное — постоянная борьба между ними и составляет сущность бытия. Вчитаемся в соответствующее место текста "Авесты", где Ахура Мазда говорит о сотворении земли: "Первой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Арьянэм Вайнах у доброй Даитьи (Амударьи), тогда против него создал смертоносный Ахриман рыжую змею и зиму, творение дэвов, десять месяцев там зимних и два летних... Второй из лучших местностей и стран сотворил Ахура Мазда Гаву, где живут согдийцы (междуречье Амударьи и Сырдарьи), тогда против нее создал смертоносный Ахриман скати (вредное растение)... Третьей из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Моуру (Мерв), могучий, правоверный. Тогда против него создал смертоносный Ахриман марда и витуша. Четвертой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура

Мазда, Бахди (Бактрию), прекрасную, с поднятыми знаменами..."

Далее перечисляются другие страны, расположенные в Средней Азии и Афганистане, но точное местоположение которых пока не установлено. Для нас особого интереса заслуживает тот факт, что в "Авесте" упоминаются Мерв и Бактрия, причем яркие эпитеты, которые характеризуют эти древнейшие исторические области, указывают на их особое положение среди остальных. Это находит подтверждение на новом и во многом оригинальном археологическом материале, происходящем именно из этих двух конкретных областей.

Согласно зороастрийской этике, человек не мог быть пассивным созерцателем жизни. Во вселенской, поистине космической борьбе добра и зла человек должен играть активную роль и, сделав выбор между правдой и ложью, возложить на себя всю ответственность за свой жизненный выбор. Зороастр выработал и сформулировал священную триаду праведных, т.е. последователей Ахура Мазды: "добрые помыслы, добрые речи, добрые дела", - в противоположность чему триаду неверных, соответственно, составляли "злые помыслы, злые речи, злые дела".

Главной добродетелью зороастрийцев считалось занятие земледелием и скотоводством. Доказательством тому служат слова "Авесты": "Корень веры почитания Мазды... - хлебопашество, кто возделывает хлеб, тот возделывает правду, тот движет вперед веру. Когда появляется зерно, дэвы потеют, когда появляется мука, дэвы начинают вопить, когда появляется хлеб, дэвы пугаются еще больше."

Хорошими, добрыми, положительными считались общечеловеческие добродетели, такие как честность, верность клятве и т.д. Особо уважительное отношение существовало к земле, огню и воде, чистоту которых следовало оберегать, как собственное тело.

Культовая обрядность зороастризма предусматривала опьяняющий напиток — хаому, пресную лепешку и, предположительно, особое мясное блюдо. Богослужение совершалось перед огнем, причем кроме главного жреца были и его помощники, как например: готовящий хаому, подносчик культовых предметов, охранитель огня и т.д. Хотя конкретный характер обрядовых церемоний еще не совсем ясен, не-

обходимым культовым атрибутом был "барсман" — пучок прутьев.

Погребальные церемонии запрещали осквернение земли трупами и предписывали особые обряды, когда умершего зороастрийца сначала следовало выставить на высокое место, чтобы птицы и звери очистили кости от мяса. После очищения костей их собирали и складывали в специальные места, чаще всего в керамические урны — оссуарии. Правда, как считают специалисты, этот обряд стал господствующим не сразу, а с течением времени.

Сохранившиеся части "Авесты" не только рисуют этико-религиозные верования зороастрийцев, но и позволяют реконструировать социальную жизнь того общества. Много сделано в этом плане В.А.Лившицем. В первую очередь именно благодаря его трудам мы можем представить картину общественного строя индоиранских племен. Основу этого общества составляла патриархальная семья, во главе которой стоял патриарх, буквально — "глава, хозяин дома", одновременно он являлся и религиозным судьей в пределах своей семьи. Имеются в "Авесте" сведения и о типах домов, выстроенных из сырцового кирпича, освещение которых осуществлялось через световые люки в крышах. Интерьеры домов рядовых общинников отличались предельной простотой: невысокая лежанка с подстилкой и подушкой. Обедневшие соплеменники шли в услужение в богатые семьи, становились "поденщиками", а в ряде случаев в конце концов включались в состав семьи, на которую трудились.

Родственные дома-семьи образовывали род, проживающий в родовом поселке. Небольшие родовые общины вели совместное хозяйство. Во главе таких родов стояли старейшины — "господин, хозяин рода", выполнявший как светские, так и религиозные функции. Для нашей темы особенно ценны данные "Авесты", согласно которым родовые поселки входили в состав более крупных объединений — территориальных общин, что хорошо согласуется с археологическими данными, а в конечном счете — с социальным строем Бактрии и Маргианы накануне зарождения зороастрийской религии.

Наряду с рядовыми общинниками имелись уже богатые, выделившиеся семьи, жившие в укрепленных крепостях типа тех, что теперь раскопаны в Бактрии и Маргиане. Су-

ществовали и народные собрания, состоявшие из советов старейшин или, иначе, "собраний лучших людей". Территориальные общины составляли союз племен, а последние — саму страну. Во главе такого объединения стоял "владыка всех областей", власть которого ограничивалась народным советом. Наряду с ним имелся религиозный глава и одновременно судья — "заратуштротэма", буквально — "наиболее подобный Заратуштре". Одним словом, общество "Авесты" выступает как классовое, что с необходимостью предполагало существование богатых и бедных, имущественную дифференциацию, но ничто, кажется, еще не указывает на существование подлинной царской власти.

Возникает закономерный вопрос — почему именно Зороастр стал основателем новой религии, которая вскоре станет мировой? Была ли это какая-то исключительная личность, стоявшая выше всех, существовавших до него? Думается, и до него были не менее выдающиеся личности, не уступавшие Зороастру ни в интеллектуальном развитии, ни в ораторских способностях. Но в условиях племенной раздробленности и межобщинной вражды, усиливаемой постоянной угрозой набегов кочевников и скотоводов среднеазиатских степей, настоятельно требовалась сильная централизованная власть, к чему и призывал в своих проповедях Зороастр. Нужна была выдающаяся личность, которая бы выступила с идеей политического и религиозного единства, и именно таким человеком оказался Зороастр. В области религиозной реформы он заменил многобожие единобожием, выделив Ахура Мазду в качестве верховного бога. В политической жизни он постоянно призывал своих последователей к установлению сильной власти, которая бы оградила человека от угрозы постоянной опасности. В "Авесте" сохранились его слова, обращенные к Ахура Мазде: "Когда же, о Мазда, вместе с правдой и властью придет мир, дарующий добрую жизнь и пастбища? Кто даст нам покой от кровожадных приверженцев лжи? Пусть завоюют убийцы и губители от деяний правителя. Пусть это даст покой оседлым родам!" Таким политическим правителем, способным принести людям мир, пророк считал своего благодетеля Виштаспу. Со временем зороастризм стал видоизменяться, причем все шире в новое учение стали включаться старые, традиционно местные народные верования. Так, в поздней редакции "Авесты" появляются

гимны, воспевающие дозороастрийских богов и мифологических персонажей.

Для нас особый интерес представляет факт, уже давно подмеченный лингвистами: в первых проповедях Зороастр резко выступал против культового опьяняющего напитка хаомы, но потом, увидя, что местные племена упорно держатся за свои древние традиции, он был вынужден уступить, включив этот ритуальный напиток в культовые церемонии. Но и при этом он решительно выступал против обычного бытового пьянства, свидетельством чего является все та же "Авеста", сохранившая его обличительные речи.

Специалистами уже было подмечено, что за религиозной оболочкой множества гимнов и проповедей живо чувствуются насущные и назревшие к тому времени требования общества. Одним словом, как уже говорилось, созревшие исторические предпосылки, требовавшие скорейшего практического осуществления, в какой-то степени обусловили и появление такой личности, которая бы разрешила вставшие противоречия. И такая личность появилась в образе Заратуштры — человека бесспорно выдающегося, способного к критическому анализу всего устаревшего и вместе с тем — к широкому философскому обобщениям. Ярким свидетельством тому служит этико-философская концепция Зороастра, и в частности его знаменитая триада: добрая мысль, доброе слово, доброе дело — которой неукоснительно должны были следовать все без исключения зороастрийцы. И хотя среди ряда исследователей существует мнение, что Зороастр был выразителем интересов нарождающегося богатого сословия, этическая доктрина его отражает ярко выраженные общечеловеческие ценности и демократизм, свойственные многим ранним народным религиям мира.

В самом деле, зороастризм требовал от его последователей чистоты и порядка, призывал к состраданию и благодарности родителям, к заботе о семье, к выполнению взятых на себя обязательств, к помощи единоверцам, к труду, к умножению всех и всяческих благ. Хотя зороастризм и считал, что судьба каждого предопределена роком, он предоставлял человеку свободу выбора жизненных позиций, так как только от самого человека зависит, куда попадет душа после его смерти.

Моральные основы зороастрийца были строго регламентированы: он не мог отказать в помощи единоверцам, брату, соплеменникам, должен свято чтить свои традиции, совершать ритуальные очищения и т.д. Особую святость должны были проявлять зороастрийцы по отношению к огню, воде, земле, постоянно заботясь об их чистоте. Специалисты, изучающие "Авесту", отмечают, что к числу добродетелей относится безупречная честность по отношению даже к своим врагам, а также постоянная щедрость к бедным и обездоленным.

Естественно, что Зороастр не мог обойти вопрос о космическом мироздании. Время и пространство бесконечны, причем пространство делится на две части — на бесконечный свет, где обитает добро, и бесконечную тьму — область зла. В бесконечном времени имеется последний, конечный, замкнутый отрезок времени продолжительностью в двенадцать тысяч лет, который в свою очередь делится на четыре равных периода. Первый период характеризуется предсуществованием вещей и идей, когда Ахура Мазда создает лишь прообразы всего того, что будет создано на земле, но в конце этого периода, на границе света и тьмы появляется Ахриман, который сразу же становится владыкой зла.

Во второй период Ахура Мазда создает мир — появляются небо, звезды, луна и солнце, но с этого момента и начинается война между ним и Ахриманом. Последний создает себе армию дэвов и вторгается в мир, создает кометы, планеты и метеоры, то есть тела, не поддающиеся регулярному циклу и вносящие хаос в мировую гармонию, созданную Ахура Маздой. Космическая борьба между ними обозначает борьбу двух начал: движутся небесные тела, пробиваются ручьи и речки, растут цепи гор, но вторгшийся на небосвод Ахриман тут же выступает против гармонии и миропорядка. На земле он создает вредных животных, загрязняет воду, насыщает смерть на первого человека, путает регулярные и размеренные движения звезд на небе, от которых, согласно зороастризму, зависит дождь и в конечном счете урожай земледельцев.

Земля представляется круглой, небо имеет три сферы, соответственно, звезд, луны и солнца, причем выше сферы солнца находится рай, место обитания бога Ахура Мазды. Внизу располагается противоположное, темное, царство —

"место плохого бытия" или, иначе, царство мертвых. Между раем и преисподней — место смешения добра и зла, т.е. сфера жизни.

Третий период знаменуется появлением пророка Заратуштры, это время героических деяний древнеиранских бо- жеств, царство золотого века, когда нет "ни жары, ни холода, ни старости, ни зависти".

Последний, четвертый, период (после Заратуштры) длится три тысячи лет, когда людям каждую тысячу лет должны являться три спасителя, соответственно, трое сыновей Зороастра, последний из которых воскресит мертвых, победит Ахримана, после чего наступит очищение мира "потоком расплавленного металла", и только то, что останется после этого, "обретает вечную жизнь". Но жизнь состоит из благого и злого, поэтому следует всячески избегать зла, не осквернять источники жизни ни физически, ни морально, что, кстати сказать, является отличительной чертой зороастризма в целом.

Хотя история зороастризма вырисовывается еще в самых общих чертах, имеются веские основания предполагать, что к середине I тыс. до н.э. новая религия широко распространяется по всему Ирану, пока не становится официальной религией персидской державы Ахеменидов. С этого момента начинается победное шествие зороастрийской религии, которая постепенно становится мировой. В последующую, парфянскую, эпоху все большее значение приобретают местные древнеиранские верования и культы, доказательством чего могут быть и документы, найденные археологами в Нисе, неподалеку от Ашхабада. Как считают некоторые специалисты, именно в это время предпринимаются попытки зороастрийских жрецов кодификации или, иначе, систематизации "Авесты" и даже редактирования отдельных ее частей. Но и при этом главной все же оставалась устная традиция, на основании которой несколько позднее, скорее всего в IV в. до н.э., была произведена запись священного свода текстов "Авесты".

Парфянское царство сменяется государством Сасанидов, и вместе с этим с самого начала получает дальнейший расцвет зороастрийская религия. Жрецы занимают чрезвычайно высокое место в этом государстве, а храмы огня возводятся в самых разных уголках страны. Зороастризм стано-

вится государственной религией, нетерпимой к иноверцам, и казалось, наступил золотой век новой религии. Но в начале VII в. н.э. сасанидский Иран завоевывают арабы, которые принесли с собой новую, мусульманскую, религию. На первых порах завоеватели достаточно терпимо относились к другим религиям, и в частности к зороастрийской, но постепенно картина меняется, и начинаются все большие гонения. Идет насильственное насаждение ислама, разрушаются зороастрийские храмы и алтари, на месте которых строятся мечети. Правда, до середины IX в. н.э. исламизация носила больше формальный характер, жрецы откупались от мусульманских правителей взятками и дорогими подарками. Зато позднее отмечается повсеместное принудительное обращение в ислам, которое принимает самые жестокие формы.

Антагонизм между мусульманами и зороастрийцами доходит до крайних пределов, начинаются жестокие преследования и погромы, так что отдельные группы, а потом и целые зороастрийские общины вынуждены эмигрировать в основном в Индию. Сохранилось даже полуполюгендарное свидетельство, что переселенцы около ста лет скрывались в горах, после чего с большими трудностями достигли персидского залива, где наняли судно и после длительных перипетий достигли области Гуджерат в Индии. Из священных книг парсы-эмигранты взяли с собой только самые нужные — тексты "Авесты".

Уже вскоре на своей новой родине зороастрийцы, которых в Индии называли парсами, возвели храм огня, для чего в Иран были посланы гонцы, которые привезли оттуда необходимую утварь и священный пепел. Но прошло 250-300 лет, и парсы Гуджерата забыли свой язык. Они обжились на новом месте и даже преуспели, особенно в торговле, так что вскоре, к XIII в., они расселяются по другим частям Индии, но сохраняют постоянную связь между собой. И хотя каждая расселившаяся община имела свой совет и свою администрацию, все они были тесно связаны с Гуджератом, где находился единственный храм огня.

Если парсы обрели в Индии вторую родину, то их земляки в Иране терпели все большие притеснения. Особенно катастрофически сказалось на их судьбах монгольское нашествие, когда были окончательно разгромлены и разрушены их храмы, а священные тексты, включая "Авесту", уничтоже-

ны. Постепенно все больше зороастрийцев переходит в ислам, а оставшаяся часть переселяется на окраины Ирана, по преимуществу на восток страны, в области Иезд и Керман, где их застали первые европейские путешественники. С того времени и до настоящего связи между этими иранскими зороастрийцами и парсами Индии никогда не прерывались. Но несмотря на гонения и всевозможные лишения, зороастрийцы как Ирана, так и Индии оставались стойкими приверженцами своей веры, продолжали следовать традиционным ритуалам и обрядам, хотя со временем в них вкрадывались, пусть второстепенные, отличия. Так, парсы Индии, принося в жертву скот, отказались от жертвоприношений коров, считающихся священными у местного населения.

Следует признать, что на своей истинной родине, в Иране, зороастрийцы находились во много более тяжелых условиях. Еще в XVIII в. иранский шах Солтан-Хусейн издал указ о насильственном обращении зороастрийцев в ислам, так что значительная часть их под страхом смерти была вынуждена перейти в новую веру, а отказавшихся подчиниться пытали и казнили. В результате таких изуверских методов, когда почти все оставшиеся храмы и алтари огня были разрушены, уцелели лишь немногие зороастрийцы. Все это создавало обстановку, при которой зороастрийцы старались изолироваться и не допускать иноверцев быть свидетелями их обрядов и молений.

Положение парсов в Индии было более благополучным, и хотя они платили специальный налог за право исповедовать свою религию, постепенно они вошли в доверие к правителям империи Великих Моголов. Хотя последние были мусульманами, они тем не менее благосклонно относились к местным зороастрийцам. В этом отношении особенно прославился султан Акбар, устраивавший публичные диспуты между представителями разных религий, и в том числе привлекая зороастрийских жрецов. По его приглашению из Ирана прибыл в Индию зороастрийский ученый-богослов, который привез с собой много рукописей и документов.

В XVIII в. в Бомбее складывается большая прослойка парсов-купцов, а богатые зороастрийцы даже скупили большие участки земель в центре Бомбея, где возвели для себя роскошные особняки, окруженные большими земельными наделами. Если зороастрийские общины Индии все более

процветали, то иное положение было у их единоверцев в Иране, которые по-прежнему испытывали жестокие гонения со стороны мусульман. Им запретили заниматься ремеслом, так что на их долю оставалось лишь занятие садоводством, мелкой торговлей, но и здесь им запрещалось заниматься торговлей определенными продовольственными товарами, особенно мясом. Зороастрийцы должны были носить одежду темного цвета или желтых тонов. В официальных иранских документах их называли гебры, что означает "неверный", лишняя раз подчеркивая приниженное положение зороастрийцев на их исконной родине. Одним словом, тяжелая судьба постепенно разбрасала их по всему свету, но главным образом, как уже говорилось, в Индию, где в настоящее время их насчитывается около 100 тыс. человек. Помимо этого в Пакистане имеется примерно 5 тыс. парсов, а в Канаде — 3 тыс. человек; много меньше, но имеются зороастрийцы в США, Англии, Австралии, Шри Ланке, Адене, Гонконге, Сингапуре, Китае. По данным крупнейшего знатока зороастризма М.Бойс, сейчас в мире проживает всего около 130 тыс. зороастрийцев.

Как ни покажется парадоксальным, но наши знания о зороастрийцах и их священной книге "Авесте" попали в Европу не из их колыбели — Ирана, а из Индии. Как мы уже писали, изгнанные со своей родины парсы эмигрировали в эту страну, которая всегда отличалась большой веротерпимостью. Переселившиеся в Индию парсы составили довольно замкнутые общины, ревниво оберегая свои религиозные верования и традиции, ревностно исполняя культовые ритуалы, записанные в "Авесте". Не исключено, что эта священная книга еще долго бы оставалась неизвестной науке, если бы в середине XVIII в. молодой французский ученый Антекиль Дюперрон случайно не наткнулся в библиотеке на рукописи с загадочными письменами. Как оказалось, это были разрозненные листы из "Авесты", попавшие из далекой Индии в Европу, и в частности во Францию. Заинтересовавшись письменами, любознательный молодой ученый начинает их изучать, но убедившись, что его знаний восточных языков для этого недостаточно, он решает отправиться в саму Индию и на месте попытаться разгадать загадочные письмена. После долгого, а порой и опасного, морского путешествия А.Дюперрон в конечном счете достигает Индии, где начинает с энту-

зиазмом и энергией молодого исследователя изучать у индийских ученых санскритский язык. Счастливый случай свел его с парсами, потомками тех зороастрийцев, которые бежали от насильственной исламизации в Индию.

А.Дюперрону первому из европейцев удалось завоевать доверие парсов, которые постепенно стали раскрывать ему ранее ревниво оберегаемые тайны своей религии. В конце концов А.Дюперрон научился читать тексты "Авесты", а также переводы и комментарии на среднеперсидском или, иначе, пехлейвийском языке, который широко употреблялся в зороастрийской литературе сасанидского Ирана.

Во Францию он вернулся нагруженный сундуками, заполненными древними рукописями, и в первую очередь пожелтевшими от времени страницами "Авесты". Началось многолетнее изучение текстов — изнурительный, порой казался безуспешный труд, но который через семь лет завершился подлинной научной сенсацией — полным изданием "Авесты". Однако научный подвиг сначала не получил заслуженной оценки лингвистов. Многие ученые скептически отнеслись к переводу, а были и такие, которые подозревали А.Дюперрона в бессовестной подделке и фальсификации. И хотя он был избран членом французской академии, умер он в нищете и безвестности. Но прошло почти двести лет с того времени, а научный мир помнит и ценит А.Дюперрона, оставив в забвении имена тех, кто своим излишним критицизмом все же не смог помешать ему совершить подлинно научный подвиг. Как бы то ни было, "Авеста" оказалась переведенной на многие языки мира, так что впервые появилась возможность ознакомиться со все еще загадочной и интригующей многие мировые умы зороастрийской религией.

Еще сравнительно недавно древняя история Бактрии оставалась неизвестной. Понадобились годы усилий, чтобы хоть в общих чертах наметить основные линии, характеризующие становление оседлоземледельческой жизни в этом, казалось бы, глухом, заброшенном уголке юго-западной Азии. Сведения эти еще и теперь во многом отрывочны и недостаточны, но их исключительная значимость для нас подчеркивается тем, что древняя Бактрия упоминается в "Авесте", как одна из главных областей, где зародился зороастризм.

Ныне безлюдная, полузанесенная песками, пустынная бактрийская равнина, расположенная на севере Афганистана, во II тыс. до н.э. представляла собой настоящий рай для древних земледельцев. Многоводные реки, берущие начало в северных предгорьях Гиндукуша, несли свои воды, обогащенные намывным лессом, на бактрийскую равнину. Такие реки как Сари Пуль, Хульм, и в особенности Бахаб, прорывались далеко на север, теряясь в песках левобережья Амударьи. Плодородные земли по берегам этих рек, и в частности в дельтовых веерах, представляли оптимальные условия для занятия древним земледелием. Огромные массы воды, насыщенные плодородным илом, широким веером разливались весенними паводками по бактрийской равнине, и нужен был самый минимальный труд земледельца, чтобы получать здесь обильные урожаи пшеницы и ячменя.

Однако вплоть до II тыс. до н.э. по еще не совсем ясным для нас причинам на левобережье Амударьи бродили, переходя с места на место, лишь охотники и рыболовы, почему-то упорно не желавшие перейти к, казалось бы, спокойной и обеспеченной жизни оседлых земледельцев на рядом расположенной бактрийской равнине.

В то время тугайные заросли вдоль рек еще изобиловали животными, водоплавающей птицей и рыбой, составляющей легкую добычу охотников и рыболовов. Видимо, для местных обитателей не было жизненно важных стимулов, которые бы заставили их отказаться от, хотя и трудного, но традиционного охотничье-рыболовческого полубродячего

быта и перейти к оседлому образу жизни. И это в то время, когда не только в передовых центрах Древнего Востока, но и в соседних южных областях Средней Азии уже чувствовалась существенная нехватка пригодных для земледелия площадей, заставляющая сниматься с места целые племена в поисках новых орошаемых земель.

Поиски свободных плодородных земель логически должны были привести к освоению бактрийской равнины, где, повторяем, в изобилии имелись плодородные, вполне пригодные для ведения земледельческого хозяйства земли. Видимо, вследствие именно таких причин мы и застаем здесь уже во II тыс. до н.э. первые оседлоземледельческие поселки, основанные пришлым народом. Мы не знаем еще с точностью, откуда они пришли и где находилась их бывшая родина. Но одно является бесспорным: путь колонистов бактрийской равнины пролегал с запада на восток — из современного Ирана в северный Афганистан. Пока с определенной долей вероятности можно утверждать, что обширная область древнего Хорасана, расположенная у южной оконечности Каспийского моря, являлась тем промежуточным пунктом, через который в поисках новых земель хлынули далее на восток большие группы родственных племен, а то и целые племенные союзы. Путь их проходил по узкому, местами трудно проходимому горному коридору вдоль современной советско-афганской пограничной территории. С севера от этого пути тянулись безводные области юго-восточных Каракумов, и в первую очередь, бадхызские пески и Карабильская возвышенность. С юга путь колонистов ограничивался недоступным скальным щитом предгорий Гиндукуша, так что единственный удобный проход пролегал вдоль глубокого русла реки Кайсар.

В древности, как и сейчас, река эта протекала в глубоком каньоне, что в сильной степени затрудняло использование ее для искусственного орошения. Зато двигаясь вдоль этой магистральной речки, колонисты всегда имели питьевую воду, а главное, основное направление русла четко тянулось с запада на восток, естественным путем соединяя между собой Хорасан и Бактрию. И видимо не случайно, как только река Кайсар из горных теснин предгорий Гиндукуша вырывается наконец на простор великой бактрийской равнины, уже сразу же здесь, около селения Давлестабат, при впадении

в нее реки Ширин Тагао, мы встречаем первые поселки древних земледельцев. Несмотря на специальные поиски, на всем протяжении горных теснин от Герата до Маймене памятников древнеземледельческой культуры археологам пока не встречалось. Но лишь небольшая часть колонистов решила обосноваться у слияния рек Кайсар и Ширин Тагао — археологами здесь найдено всего несколько небольших рядовых поселков. Оторванное от своей метрополии, заброшенное на самый край тогдашнего цивилизованного мира пришлое население на первых порах еще неуютно чувствовало себя на новом месте. Желание защитить себя вынуждало их строить крепости с толстыми оборонительными стенами, усиленными боевыми башнями. В случае военного вторжения жители этого небольшого оазиса всегда были в состоянии укрыться и переждать опасность за крепостными укреплениями.

Люди, обитавшие на этом месте, вели земледельческо-скотоводческое хозяйство, выращивая пшеницу и ячмень на прилегающих к их поселкам землях, занимаясь домашним скотоводством и отчасти охотой. Древние обитатели давлетабатского микрооазиса являлись пионерами освоения великой бактрийской равнины. Однако пригодных для земледелия районов здесь было недостаточно для широкого их освоения большой массой иммигрантов, которые в поисках все новых орошаемых площадей двигаются далее в восточном направлении.

Миновав шиберганский оазис, где также осела часть переселенцев, свидетельством чего являются памятники у селения Кизил Аяк, расположенные около города Шибирган, они наконец достигают бактрийских равнинных земель, где в древности широким веером растекались многочисленные протоки дельты реки Балхаб. Извечный дух первооткрывателей привел наконец скитальцев в обетованные земли великой бактрийской равнины. Здесь были все условия для оседло-земледельческой жизни, так что нужно было только приложить свои знания и навыки в освоении новообретенной родины. И колонисты с завидной энергией взялись за устройство своего каждодневного быта на новом месте, следуя старым традициям их бывлой родины.

Тот документально установленный факт, что до прихода этих племен на бактрийской равнине не было никаких следов древнеземледельческой жизни, весьма показателен.

Он свидетельствует, что пришельцы не были завоевателями, так как здесь еще некого было завоевывать и, более того, что иммигранты, кто бы они ни были, пришли сюда со своими чадами и домочадцами, с обозами, тяжело груженными домашним скарбом, и сидящими на них немощными стариками и еще несмышленными детьми. Ясное дело, такими караванами невозможно пройти через горные кряжи, только межгорные, речные долины были пригодны для их колесного транспорта, и недаром их маршрут, маркируемый вновь открытыми археологическими памятниками, проходил именно по долине реки Кайсар, которая протекала в широтном направлении через ряд промежуточных речных долин, соединяя между собой восточный Иран и северный Афганистан.

Но еще раньше, где-то в районе города Герата, произошло разделение пришлых племен, часть которых, резко повернув на север, по речным долинам рек Кушка и Мургаб проникает на территорию современного Туркестана. Возможны были и иные направления, идущие из Ирана в пределы Туркмении, доказательством чему служит могильник, недавно обнаруженный у селения Тахта Базар, но главным оставался путь по реке Мургаб. Все это с бесспорностью свидетельствует об огромных масштабах миграции родственных племен в начале II тыс. до н.э. с территории восточного Ирана в южный Туркменистан (Маргиана) и северный Афганистан (Бактрия).

Хотя Бактрия отделена от Маргианы многими десятками и сотнями километров пустынных, непригодных для обживания территорий, общность происхождения этих племен предопределила дальнейший сходный путь развития их культуры на новом месте. По существу, во всех главных признаках культура и Маргианы, и Бактрии эпохи бронзы — одна и та же, свидетельством чего служат результаты современных археологических раскопок, которые можно определить как бактрийско-маргианский археологический комплекс. В этом плане особенного значения заслуживают данные так называемой бахистунской надписи.

...Неподалеку от современной иранской деревушки, слева от караванной дороги, на отвесной, недоступной скале на высоте свыше 100 метров сохранилась древняя скальная надпись и барельеф. Это знаменитая бахистунская надпись, составленная 25 веков назад по личному повелению ахеме-

нидского "царя царей" Дария на древнеперсидском, эламском и аккадском языках.

Как бы заглядывая через века вперед, Дарий заканчивает многострочную надпись предупреждением будущим поколениям не разрушать ее, а, напротив, охранять по мере своих сил. И в самом деле, по этой людной дороге проходили армии иранских государей, пылили фаланги войск Александра Македонского, шли полчища арабских завоевателей и, наконец, солдаты обеих мировых войн. Все они с любопытством взирали, закинув вверх головы, на непонятные и загадочные уже для воинов Александра Македонского клинописные строчки, а барельефы нередко становились мишенью для солдат, стрелявших по ним просто так, для забавы, в минуты коротких привалов.

Но ни вандализм солдатни, ни безжалостное время не смогли уничтожить бесценное свидетельство древних. До сих пор под косыми лучами солнца на скальной плоскости четко прослеживаются клинописные строчки, где среди других стран и народов упоминаются и среднеазиатские, некогда входившие в состав мировой ахеменидской державы. В частности, говорится здесь о Бактрии и стране Маргуш, что представляет для нашей темы первостепенный интерес.

Повествуя о своих блистательных победах над подвластными странами и народами, Дарий, в частности, упоминает восстание в стране Маргуш, которое было подавлено его бактрийским наместником. Заканчивается описание этого события несколько неожиданно: "Говорит Дарий царь: затем страна стала моей. Вот что мной сделано в Бактрии".

Это место бахистунской надписи уже давно привлекало внимание ученых, которые вполне справедливо заключили, что в это время страна Маргуш являлась составной частью Бактрии. Все, что мы теперь знаем о доахеменидской Бактрии и Маргиане, приводит нас к выводу, что это единство восходит к еще к более древнему времени, чуть ли не на тысячу лет раньше, чем это было высечено на бахистунской скале.

Все сказанное дает право предположить существование огромного по тем временам бактрийско-маргианского объединения. Есть все основания думать, что попав в сходные экологические условия и обнаруживая общность исторического происхождения, жители этих стран ведут в целом сходный образ жизни, вне зависимости от того, где располагались

их поселки — у дельтовых протоков реки Мургаб или в низовьях реки Балхаб.

Но вернемся в Бактрию. Глина и вода — основной строительный материал Азии — в изобилии находился под самыми ногами пришельцев. Уже вскоре сотни тысяч сырцовых кирпичей, отформованных в стандартных прямоугольных формах, штабелями сушились на солнце. В наиболее удобных местах, вблизи от проточной воды и будущих вспаханных полей, возникают десятки и сотни многокомнатных домов, образующих бесчисленные поселки. Стены таких домов, возведенные из сырцового кирпича, тщательно обмазываются глиняной штукатуркой. Деревянные двери, укрепленные на каменных подпятниках, надежно закрывали входы в новые дома, а маленькие окошки, хотя и скупое, но все же освещали интерьеры комнат.

Каждая семья строила себе дом из нескольких комнат специализированного назначения. В спальнях комнатах прямо на полу устраивались прямоугольные очаги-выкладки, обведенные глиняным валиком. Засыпанные внутрь их угли, наподобие современных среднеазиатских сандалов, обогревали спящих на протяжении всей ночи. В небольших кухнях устраивались очаги, слегка приподнятые над полом, со специальными выкружками для прочного укрепления котла при варке пищи. Наконец, в гостинных комнатах возводились массивные, тщательно обмазанные штукатуркой пристенные каминь с дымоходом, устроенным внутри стены, и то, что уже в то время помещение отапливалось не по-черному, свидетельствует о высоком уровне строительного дела.

Каждый поселок состоял из несколько десятков, а то и сотен таких многокомнатных домов, что безусловно требовало определенной регламентации повседневного быта и не в последнюю очередь устройства дренажа. Свидетельством тому служит канализационная система, открытая археологами на одном из таких рядовых поселков. Сточные воды выводились из поселка посредством специальных составных гончарных труб. Вставленные друг в друга и глубоко спрятанные под землю с некоторым наклоном в сторону околицы, они с успехом выполняли свою роль, выводя сточные воды за пределы поселка, способствуя сохранению чистоты внутри поселения.

Как правило, поселки древних земледельцев не имели обводных стен и были неукрепленными. Вместе с тем дома отдельных наиболее зажиточных и влиятельных семей были подобны крепостям, надежно защищавшим обитателей поселка в минуты опасности. Одно такое укрепленное поселение раскопано в дашлинском оазисе, наиболее густонаселенном, насчитывающем в пору своего расцвета около 50 крупных и мелких поселений. Одно из них, условно обозначенное как Дашлы-1 представляет собой прямоугольную в плане крепость. Ее оборонительные стены возведены из сырцовых кирпичей. По углам расположены округлые в плане башни, дополнительные башенки располагаются вдоль всего периметра стен. Особого интереса заслуживают расположенные по середине стен, сближенные между собой башни, видимо, фланкировавшие в древности въездные ворота. Об огромном труде, вложенном в возведение крепости, можно судить по тому, что ширина обводных стен варьирует от 3 до 4 м при предположительной высоте в 8-10 м. И опять нельзя не отметить высокую культуру строительной техники, когда для возведения башен до 7-8 м в диаметре, использовалась особая и сложная кладка кирпича, позволявшая вывести круговые башни.

Тип прямоугольной крепости с угловыми башнями для столь раннего времени нигде, кроме как в Бактрии и Маргиане, более пока не известен, что лишний раз подчеркивает существование особой школы древнего зодчества. Трудоемкие и дорогостоящие сооружения крепостей типа Дашлы-1 указывают на выделение из массы рядовых общинников более зажиточных лиц, вернее сказать, кланов, сумевших сосредоточить в своих руках определенные богатства и, как следствие, власть, хотя бы в пределах родного поселка.

Изобилие плодородных земель и водных источников на первых порах вполне удовлетворяло потребности пришельцев. Однако уже вскоре бурный рост народонаселения постепенно привел к тому, что со временем опять наступила нехватка свободных участков для земледелия. В результате рядом с Дашлинским оазисом возникают новые оазисы, основанные выходцами из соседних районов. Следует думать, что водный дебит этих оазисов был все же невелик, и скорее всего этим объясняется факт освоения новых земель, но уже на правобережье реки Амударьи, на территории современного

южного Узбекистана, и в первую очередь в Сурхандарьинской области. Располагаясь по обе стороны великой среднеазиатской реки, эти родственные бактрийские племена на первых порах не порывают культурно-исторических связей между собой. Свидетельством тому является близкая культура, обнаруженная археологами при раскопках памятников эпохи бронзы на этой смежной территории северного Афганистана и южного Узбекистана. Да это и понятно, если учесть, что древние поселки по обеим сторонам Амударьи разделяет расстояние не более 40-50 км. В древности реки объединяли людей, и есть все основания предполагать существование на этой территории одного древнего народа.

Так в общем виде представляется история сложения и образования Древней Бактрии — страны загадочной и оригинальной культуры, которой суждено было вплоть до античного времени играть значительную роль в истории этой части древневосточного мира. На основании археологических раскопок перед нами предстает богатая и процветающая страна. Тучные пастбища в изобилии предоставляли корм многотысячным стадам домашних животных. Плодородные земли при сравнительно небольших затратах труда обеспечивали обильные урожаи зерновых, что способствовало спокойной жизни местных племен. Наличие излишка продуктов питания, в свою очередь, давало возможность существованию и развитию ремесел и домашних промыслов, способствовало формированию прослойки профессиональных мастеров. Доказательством тому служат многочисленные изделия, отмеченные высоким уровнем мастерства.

Излишек продуктов или, иначе, прибавочный продукт поступал в общественную пользу всего племенного объединения, возможно даже союза племен. Он давал возможность возводить культурно-административные публичные сооружения, ремонтировать их и содержать обслуживающий персонал. О существовании, характере и размерах таких культово-административных зданий мы можем сейчас судить по результатам раскопок в пункте Дашлы-3, в так называемом дашлинском оазисе памятников эпохи бронзы.

Как оказалось, здесь рядом, на расстоянии каких-нибудь 100 м, располагались два монументальных сооружения, построить которые под силу было лишь большому коллективу людей, что исключает принадлежность их какому-нибудь

астному лицу, а указывает на их общественное и публичное значение.

При отсутствии письменных данных судить об общественных отношениях можно по характеру погребальных приношений. Как правило, свои кладбища древние бактрийцы устраивали на окраине родных поселков. Десятки, сотни, то и тысячи погребений составляют такие могильники. Захоронения производились в глубоких, вертикально идущих вниз ямах, у дна которых устраивались нишки или, иначе, подбои, куда помещалось тело покойника. Нередко труп заворачивался в циновку и затем укладывался в пустую нишу, вход которой закладывался крупными комьями земли, кирпичами или камнями. После этого сама вертикальная яма засыпалась землей, место специально отмечалось на поверхности, чтобы со временем, при очередных захоронениях, не нарушить более старую могилу. Возможно, это были простые земляные холмики-насыпи или какие-то другие знаки, не сохранившиеся до наших дней.

В настоящее время в Бактрии раскопаны тысячи таких могил, но не встречено ни одной, которая бы грандиозностью устройства могильного сооружения, пышностью погребальных приношений, обрядом захоронения резко отличалась бы от обычных рядовых могил. Конечно, судя по тем же погребальным приношениям, можно с уверенностью судить о разной степени зажиточности и влияния тех или иных бактрийцев. Так, например, в могиле бедняка мы встречаем всего несколько глиняных горшков, к тому же нередко снятых с кухонной полки и бывших в долгом употреблении. Тогда как в других могилах костяки буквально утопают в изящных заупокойных сосудах, нередко стопками уложенных друг в друга. Различные изделия художественной бронзы (зеркала, булавки, туалетные флаконы), всевозможные украшения, бережно помещенные в могилы, должны были сопровождать владельцев в загробный мир, где им, как и в реальной действительности, уготовлено было особое место среди всех остальных. Словом, бактрийское общество уже было разделено на бедных и богатых и находилось на пороге становления классового общества и государства.

Вообще захоронения предоставляют в руки археологов массу различной, порой единственной, информации о духовной жизни древних, письменность которых до нас не дошла.

Так, например, среди тех же захоронений неожиданно оказались могилы с обычными погребальными приношениями, но без скелетов. Это так называемые кенотафы, символические захоронения людей, умерших на стороне, далеко от родного дома. В таком случае родственники устраивали мнимые, символические погребения в полном соответствии с заупокойными ритуалами, но, естественно, без усопшего. И таких кенотафов было немало, что косвенным образом может свидетельствовать не только о дальних путешествиях местных купцов, но и о военных экспедициях, предпринятых далеко за пределами самой Бактрии.

Наконец, среди обычных захоронений встречены погребения, в которых помимо заупокойных приношений имелось лишь скопление костей аккуратно сложенных на дне могильной ямы, что исключает предположение о нарушении их грызунами; при этом может недоставать ряда костей (а иногда и черепа). Это так называемые частичные, или фракционные, захоронения, предполагающие сложные заупокойные ритуалы. Тело умершего сначала выставлялось на специальное возвышение, и лишь после того, как хищные птицы и животные очищали кости от плоти, они, заботливо собранные родственниками, помещались в могилы. Естественно думать, что на таких возвышениях выставлялось сразу по несколько трупов, костяки которых, распадаясь, перемешивались между собой, частично растаскивались хищниками, так что в результате родственники вынуждены были захоранивать частично сохранившиеся скелеты. Реконструируемый таким образом погребальный обряд удивительно близко перекликается с заупокойными ритуалами последователей зороастризма, и есть определенные основания предполагать истоки последнего в погребальных обрядах типа тех, что практиковались у древних бактрийцев. Правда, здесь не отмечены керамические урны — оссуарии, но в последние годы высказано предположение, что подобные оссуарии свойственны лишь позднему зороастризму.

Безусловно исключительного внимания заслуживают ритуальные захоронения баранов, нигде более вне Бактрии, а теперь и Маргианы, пока не отмеченные. Всего известно несколько таких захоронений, как правило, молодых баранов, аккуратно уложенных в специальные могильные ямы на боку, в чуть согнутой, но в целом естественной позе. Подобно

человеческим захоронениям, в погребения баранов положены многочисленные заупокойные приношения в виде разнообразной посуды, в одном случае перед мордой животного была поставлена ваза с куском бараньего бока. Налицо сложные идеологические представления бактрийцев, связанные с почитанием животных, и в частности, с культом барана. Забегая вперед, отметим, что не случайно на многих памятниках древнебактрийского прикладного искусства, и в первую очередь туалетных и косметических изделиях, мы встречаем бесчисленное множество вариантов изображения этого животного.

Благочестивые бактрийцы заботливо относились к умершим родственникам и почти всегда помещали заупокойные приношения. За прошедшие тысячелетия дожди и ветры размыли и развеяли верхние части бывших могильных насыпей, так что местами сосуды, каменные и металлические украшения оказались на современной поверхности и стали легкой добычей местных крестьян. Соблазн кладоискательства оказался сильнее извечного суеверного страха перед мертвыми, и тысячи южно-бактрийских могил в последнее десятилетие оказались разграбленными и безнадежно пропавшими для науки. Безопасно пролежав тысячелетия под землей, бывшие погребальные приношения сразу были проданы и осели в частных коллекциях безвестных коллекционеров и заезжих туристов из многих стран мира. Но даже то немногое, что удалось спасти археологам, потрясло научный мир разнообразием и великолепием древней культуры Бактрии эпохи бронзы. Керамика, художественный металл, печати, каменные амулеты, разнообразные украшения — вот далеко не полный перечень изделий, найденных в таких могилах. Обратимся к краткому обзору этих предметов, дающих представление не только о материальной, но и духовной культуре Бактрии эпохи бронзы.

На каждом древнем поселении обломки некогда безнадежно разбитой посуды составляют наиболее массовый вид находок. Не являются исключением из этого правила и оплывшие холмы Бактрии, поверхность которых буквально усыпана обломками древней посуды. Но какой! Едва ли не наиболее популярными были сосуды сложных, порой вычурных, форм в виде стройных ваз на высоких ножках. Они поразительно напоминают современные вазы для фруктов,

так что, видимо, не случайно получили в научной литературе название "ваза для фруктов". Кстати отметим, что, несмотря на такое внешнее сходство, назначение подобных ваз было более широкое, так как внутри них археологи нередко находят кости животных, то есть остатки мясной пищи.

Глядя на разнообразные по форме керамические сосуды, приходится поражаться, насколько требовательны были хозяйки древности к своим орудиям труда. Разных размеров, а порой и форм, чайники, котлы и сковородники предназначались для каждодневного употребления. Более тонкая и деликатная посуда сохранялась для особых случаев и включала кубки на высоких стройных ножках, миски, графины, сосудники — вот далеко не полный ассортимент посуды древних бактрийцев. Гончары-мастера в совершенстве овладели техникой обработки мягкой глины, из которой они изготавливали десятки экземпляров всегда высококачественных сосудов. Под мерное вращение гончарного круга из их рук выходили все новые и новые полуфабрикаты, которые после сушки обжигались в сложных по конструкции двухъярусных гончарных горнах. Как правило, бактрийские гончары почти ничем не украшали свою продукцию, сосредоточив свое внимание на выработке все более вычурных керамических форм. Лишь в редких случаях они покрывали сосуды красной краской или просто палочкой, а то и щепкой, наносили какой-нибудь незамысловатый знак вроде кружка или креста, значение которых для нас остается не совсем ясным.

Помимо гончарного ремесла широко развито было и металлургическое производство. Археологам посчастливилось найти мастерские по выплавке меди, причем в одном случае найден был ковш, в котором застыл так до конца и не расплавленный металл. В другой мастерской рядом с печью, прямо на полу, стояла глиняная форма для отливки массивного топора. О большой ценности металла свидетельствует и другая находка — частично переплавленное лезвие кинжала, что лишний раз подтверждает мысль о том, как бережно относились к металлу древние. Пришедшие в негодность металлические изделия не выбрасывались, а, напротив, сохранялись и шли на переплавку. Хотя и местные племена уже хорошо были знакомы с бронзой, приплав олова к меди отмечается в редких случаях, в основном из бронзы (сплав меди и олова) изготавливали боевое оружие и орудия труда, а на

украшения шла более мягкая медь. Очевидно, что естественные залежи олова были редки или отсутствовали в самой Бактрии, что заставляло использовать другие припавы, чаще всего мышьяк и свинец.

Как бы то ни было, металлическое производство (несмотря на ограниченность природного сырья) характеризуется весьма высоким технологическим уровнем. Древние металлурги хорошо знали свойства разных видов металла — варьируя присадки, они добились изготовления достаточно прочной продукции. Специалисты, изучавшие бактрийские металлические изделия, считают, что по всей вероятности, древние литейщики еще не умели сознательно создавать хорошо отработанную рецептуру сплавов. Однако эмпирически они различали свойства сложных сплавов меди с мышьяком и свинцом. И используя закрытые глиняные формы, мастера добивались изготовления весьма прогрессивных для своего времени типов изделий, и в первую очередь боевого оружия и орудий труда.

В этом плане особый интерес вызывают бронзовые серпы, слегка изогнутые, с зубчатым (а не гладким) лезвием. В системе Древнего Востока в это время известны, в основном, серпы с гладким лезвием, так что бактрийские экземпляры демонстрируют более прогрессивный тип, честь изобретения которого принадлежит местным мастерам. Более того, ручки таких серпов имеют загнутые концы — для более прочного крепления деревянной рукоятки. Изобретенные неизвестным бактрийским мастером много столетий назад серпы с зубчатыми лезвиями, почти не изменившись, дожили до нашего времени, демонстрируя наиболее совершенный тип этого вида орудия труда.

Мы не знаем с точностью, как выглядели местные жители, но можем утверждать, что мужчины уже брили (или, по крайней мере, подбрасывали) бороды и усы. Свидетельством тому служат изящные металлические бритвы с прямым лезвием и слегка отогнутой ручкой. И опять бактрийские образцы демонстрируют новую, наиболее совершенную форму-прототип современных опасных бритв.

Весьма разнообразны по формам были топоры, являвшиеся по преимуществу боевым видом оружия. Здесь имеются топоры проушные, вислообушные, топоры-тесла, топоры втульчатые — причем широкое разнообразие форм может

указывать на их узкую специализацию по назначению, свидетельствуя вместе с тем о творческих поисках местных мастеров в их стремлении выработать наиболее удобные типы своих изделий.

Среди известной коллекции бактрийских топоров (рис. 3, 4) выделяются парадные, церемониальные, представляющие исключительный интерес: по своим оригинальным формам они находят параллели на весьма отдаленных территориях, намечая тем самым реальные историко-культурные связи. В этом плане показательны массивные бронзовые топоры, обухи которых отлиты в форме "петушиного хвоста". В системе всей Передней Азии точно такие топоры известны лишь только в юго-западном Иране среди знаменитых луристанских бронз. Характерная форма подобных топоров настолько показательна, что исключает элемент случайного совпадения и указывает на реально существовавшие связи между этими древними и столь отдаленными регионами. Пока еще трудно раскрыть конкретный механизм предполагаемых связей: это могли быть местные копии с луристанских оригиналов, попавших в Бактрию вместе с бродячими кузнецами или купцами-тамкарами. Но не исключено и то, что топоры с обухом в виде "петушиного хвоста" могли принести с собой первые колонисты бактрийской равнины со своей былой родины, и в таком случае в косвенной форме намечается маршрут миграции этих племен из юго-западного Ирана в Бактрию.

Но при всех возможных вариантах остается непреложным факт: бактрийские мастера не рабски копировали иранские прототипы луристанских бронз, а, напротив, творчески перерабатывали старые формы, привнося в них новые элементы. Блестящим свидетельством тому служит уникальный топор, встреченный в одной из могил Древней Бактрии. Обух его отлит в виде "петушиного хвоста", а лезвие — в виде погрудной мужской фигуры. Округлое лицо с маленькими глазами и прямым носом впервые знакомит нас с внешним обликом древнего бактрийца. Непомерно пышный головной убор, украшенный завитками, охватывает прямоугольную рамкой лицо с подобранными под головной убор волосами. Это безусловно не бытовой, а культовый или церемониальный топор, употреблявшийся в качестве символа власти, наподобие более поздних скипетров. В таком случае он демон-

стрирует не только высокий уровень художественной обработки металла, но и многоступенчатую социальную структуру местного общества эпохи бронзы (рис. 5, N 2).

Уникален топор, скорее всего происходящий из разграбленных могил Бактрии и купленный на антикварном рынке Кабула и ныне являющийся украшением Метрополитен Музея в США. Это явно церемониальный серебряный с позолотой топор, бесспорно являющийся шедевром древнебактрийской тореvтики. Лезвие его отлито в виде дикого кабана, а обух — львopodobного крылатого хищника с птичьими лапами (рис. 6). На голове сохранился небольшой рог, на подбородке — загнутая борода, — характерные детали фантастического существа, изображение которого имеется на серебряных бактрийских печатях, о чем подробнее будет сказано ниже. Втулку топора украшает демоническое существо в виде крылатой человеческой фигуры, увенчанной двумя птичьими головами. Руки с птичьими лапами расставлены в стороны и упираются: одна — в кабanyю морду, а другая удерживает за горло львopodobное чудовище. Фигура обнаженная, лишь бедра окутаны повязкой, ноги опять же заканчиваются птичьими лапами. Крылатый демон с человеческим телом, птичьей головой и лапами наиболее распространен был в искусстве Сирии. Нередко он восседает на троне, иногда борется с реальными или фантастическими существами. Подмечено, что львopodobные крылатые существа типа изображенного на обухе бактрийского топора часто являлись символом иранских династий конца III тыс. до н.э. От себя добавим, что антропоморфные крылатые, с птичьими головами персонажи в Бактрии выступали в роли едва ли не главных, и уж во всяком случае наиболее популярных божеств местного пантеона. Не приходится сомневаться, что не только этот, но и большинство других топоров, судя по их художественному оформлению, имели явно не бытовое, а культово-церемониальное значение, отмечая высокий ранг в местном бактрийском обществе их владельцев. Кроме всего прочего на это указывает и тот документально установленный факт, что лезвия их всегда умышленно затуплены, а не заострены, как это должно быть у обычных бытовых топоров.

Обоюдоострые наконечники копий, ножи и кинжалы красноречиво свидетельствуют о бурных, порой трагических, периодах в истории местных племен. Но и в эти изделия

бактрийские мастера, используя уже веками выработанные прототипы оружия, вносили элементы творческих новшеств. Так, стержни, на которые насаживались деревянные и костяные рукоятки, они делали не прямыми, а витыми, что безусловно повышало прочность их крепления с рукоятью. Казалось бы, простой технический прием, но он пока более нигде не отмечен, что лишний раз выделяет Бактрию в самостоятельный и оригинальный центр древней металлообработки.

Но бесспорно исключительных успехов достигли бактрийские мастера в изготовлении металлических украшений, и в особенности ювелирных изделий. Можно без преувеличения сказать, что лучшая половина местного общества — бактрийские модницы — едва ли не большую часть времени уделяли своим туалетам. Десятки, если не сотни, медных зеркал, туалетных флаконов, булавок сопровождали усопших в "потусторонний мир", заботливо сложенные в качестве заупокойных приношений в могилы. Повышенный спрос на металлические украшения стимулировал не только количественное их увеличение, но и заставлял мастеров придавать этим изделиям все более совершенные формы, украшая их всевозможными скульптурными наводнениями и декоративными орнаментами. Эти произведения бактрийских мастеров привлекают внимание не только как памятники искусства, но в них нашли выражения и древние верования создававших их людей. Последнее обстоятельство представляет первостепенное значение, так как позволяет до какой-то степени заглянуть в духовный мир человека, язык которого не дошел до нас.

Раскопки древних захоронений Бактрии показали, что вместе с покойными в могилы помещались личные вещи, и в том числе миниатюрные косметические флаконы. Самые простые из них имеют форму округлого, ничем не украшенного флакончика с высоким и узким цилиндрическим горлом. Этот наиболее массовый вид флаконов, свсего рода ширпотреба, имелся едва ли не в каждой семье. Наряду с такими, существовали и уникальные, представляющие шедевры древнелитейного дела (рис. 7). Вот один такой флакон — с туловом, украшенным тремя рельефно выступающими головками бычков с изогнутыми рогами и маленькими ушками. Округлое тулово другого флакона декорировано тремя рельефно выступающими головками горных козлов с туго закрученными спиралью рогами, шеи их гордо изогнуты. Мягкая

пластика живого тела и реализм исполнения — вот что в первую очередь отражают эти скульптурные изображения.

Выдающихся успехов достигли мастера, сумевшие создать формы, по которым изготавливались зооморфные флаконы, отлитые в виде пустотелых фигур животных. Керамические зооморфные сосуды достаточно хорошо известны во многих странах Древнего Востока, однако лишь бактрийские ювелиры, одни из немногих, отважились изготовить их металлические реплики. Отлитые в виде животных, полые внутри они имеют на спине высокие узкие горлышки точно такой же формы, что и простые флаконы (рис. 8, N 1). Один такой сосудик изображает горного козла с вытянутой и слегка повернутой в сторону шеей, небольшими ушами и длинными саблеобразными рогами, загнутыми назад. Длинное тело, полое внутри, с высоким цилиндрическим горлом на спине и загнутым вверх коротким хвостом опирается на чуть изогнутые, непропорционально массивные ноги с выделенными копытами (рис. 9, N 1, 2).

Другой зооморфный флакон, происходящий из одной частной коллекции, отлит в виде быка: небольшая голова из длинной, слегка изогнутой шее украшена рельефными миндалевидными глазами и большими рогами. Мощное, несколько неуклюжее, полое внутри тело животного сохранило на спине вытянутую цилиндрическую горловину с расширенным венчиком. Длинный хвост опущен вниз, короткие ноги переданы достаточно реалистично с выделенными коленными суставами передних и бабками задних ног. Еще один териоморфный флакон отлит в виде спокойно стоящего козла: небольшая бородатая головка с заброшенными на спину короткими, но круто загнутыми рогами.

Среди таких косметических флаконов выделяется один, тулово которого украшено рельефно выполненной, явно сюжетной композицией. В центре изображен козел, сидящий в кресле, перед которым стоит обезьяна, подносящая ему питье в кубке. Сзади изображен большой пифос, и рядом — еще одна обезьяна с маленьким сосудом в руках, как бы зачерпнувшая питье из пифоса. За спинкой кресла — опять обезьяна, смотрящая на сидящего козла (рис. 10, N 1).

Во втором, верхнем, регистре показана обезьяна, пытающаяся нанести удар, предположительно, убегающему волку, как бы отгоняя его прочь от участников всей этой компо-

зиции. Рядом имеется рисунок бутона мака, указывающий, что это не простая "банкетная сцена", а композиция, связанная с культовыми возлияниями, когда само галлюциногенное питье готовилось из экстракта мака.

Подобные "банкетные сцены" достаточно широко представлены в глиптике и Месопотамии, где участниками их, как правило, выступают реальные люди. И лишь в знаменитых царских могилах Ура была обнаружена цилиндрическая печать, на которой восседающему на троне льву с кубком в лапе предстоящий перед ним козел подносит сосуд с питьем.

Однако основные персонажи бактрийского флакона — обезьяны — более всего характерны для глиптики не Месопотамии, а Анатолии, Сирии и Египта, прямо указывая, что этот мотив попал в Бактрию из далекой Малой Азии вместе с приходом сюда новых племен в начале II тыс. до н.э.

К особому типу изделий относятся несколько бронзовых статуэток, изображающих обезьяну с детенышем на спине. Наиболее реалистичная, исполненная с величайшим мастерством, ныне хранится в Метрополитен Музее и изображает обезьяну, сидящую на корточках с согнутыми ногами и опущенными вниз руками. Мордочка ее с круглыми глазами и большими ушами отличается поразительным реализмом, тело сплошь покрыто черточками, изображающими шерсть. На спине ее удобно устроился детеныш, плотно обхватив мать за плечи. Другая фигурка из того же музея изображает обезьяну на корточках со скрюченными ногами, одна лапа опущена вниз, вторая придерживает какую-то поклажу на спине, предположительно, сосуд типа бурдюка. Подобно описанной и эта сохранила весьма реалистично выполненную мордочку, а обе они более всего напоминают тонкотелую обезьяну из рода лангуров вид хануман, кстати сказать, изображенных также на ажурных печатях Бактрии (рис. 9, N 3).

Помимо зооморфных, явно туалетных, флаконов известны были уже и медные сосуды, употреблявшиеся в быту наиболее зажиточных бактрийцев. Наряду с медными кубками, мисками, сковородками изготавливались уже и редкие ювелирные сосуды, нередко украшенные богатым орнаментом. Так, из разграбленных могил Бактрии происходит золотой кубок, точно повторяющий по форме аналогичные керамические, но украшенный по венчику золотыми же фигурками птиц (рис. 9, N 4).

Трагична судьба золотых и серебряных сосудов, попавших в антикварные лавки Кабула и происходящих, по-видимому, из хищнических раскопок могильников Бактрии эпохи бронзы. Все они безвозвратно погибли для науки, затерявшись в частных коллекциях мира, но, к счастью, сохранились фотографии многих из них — единственные документы, подтверждающие подлинность самих находок. Так, имеется фотография одного серебряного сосуда цилиндрической формы, украшенного рельефными изображениями, нанесенными в два яруса (рис. 11). В верхнем регистре в ряд сидят человеческие фигуры, изображенные в одинаковой позе: в профиль, с большими выступающими глазами, подчеркнутыми изогнутыми бровями. Волосы на головах подхвачены своеобразными косынками, концы которых на затылке свободно спадают вниз. Правые руки опущены, так что видны лишь округлые плечи, левые руки согнуты и свободно покоятся на коленях, ноги задрапированы своеобразными юбками, декорированными горизонтальными полосами.

Изображение двух людей отличается от других позой и одеждой — видимо, они являются главными. Один из них поднес к губам кубок, другой, с обнаженным торсом, касается своего лба. Между ними — корзина с фруктами и две вазы. Все остальные персонажи изображены со сложенными на коленях руками, в длинных одеяниях типа месопотамских "канакоз", у всех правое плечо задрапировано, левое — обнажено. У всех, кроме того, кто с кубком — у него все наоборот. Французский ученый П.Амье видит в этой сцене изображение обычного культового ритуала с жертвенными возлияниями и жертвоприношениями богам. Но другой исследователь — М.Потье — склонна связывать изображенную сцену с обрядами посвящения, упомянутыми в индийской Упанояне. Доказательства тому она усматривает в сохранившихся описаниях этого обряда в "Авесте", когда посвящаемый ребенок или юноша одет в специальные одежды. Предполагается, что вся эта сцена на кубке изображает религиозный обряд, характерный для индоиранских племен — обряд посвящения юношей в учеников жрецов, который сопровождался культовыми пиршествами.

Изображение во втором, нижнем, регистре условно можно назвать "сценой пахоты". Здесь мы видим две пары быков, обращенных рогатыми головами навстречу друг дру-

гу. Имеющиеся изображения позволяют расшифровать общее содержание нижнего регистра следующим образом: два пахаря, крепко ухватив за рукояти пахотное орудие типа сохи, которую тянет пара быков, взрыхляют землю. В центре — фигура самого сеятеля, разбрасывающего семенное зерно во вспаханную землю. Иконография фигур, стилистические особенности всей композиции обнаруживают влияние искусства передовых центров Востока, и в первую очередь ирано-месопотамского региона. Изображение сцены пахоты еще раз подчеркивает, какое большое значение придавалось земледельческим работам в жизни индоиранских племен. Отражение этого находим в "Авесте", в которой есть такие выражения, как "прилежное сеяние хлеба является основой религии Мазда", прилежный селянин — это "верный приверженец веры", который своим трудом "радует землю самой великой радостью" и, наконец, "земля вовсе не рада, если вместо того, чтобы быть засеянной, долгое время остается неводеланной, она хочет доброй пахоты." И недаром дни пахоты были днями отправления религиозных обрядов, очень пышных, сопровождаемых подношением даров и жертвоприношениями в присутствии жрецов. Таким образом, вся сцена на этом кубке является проявлением религиозной жизни людей, полностью соответствуя письменным текстам "Авесты" и "Ригведы".

Из тех же разграбленных могил Бактрии происходит еще один серебряный кубок со сценой охоты. Корпус кубка украшен композицией, включающей целую процессию, состоящую из девяти гончих собак, удачливого охотника со слугой, согнувшимся под тяжестью убитого животного, предположительно антилопы. Сцену замыкает оруженосец со связкой дротиков, переброшенных через плечо. Налицо своего рода "королевская охота", где местный правитель в окружении слуг и своры борзых возвращается с удачной охоты (рис. 11).

Но конечно не серебряные, а медные сосуды являлись наиболее распространенной продукцией бактрийских мастеров. Следует особо отметить, что многие такие медные сосуды с точностью копируют свои керамические прототипы. Из Бактрии происходят глубокие миски с прямыми бортиками и округлым дном, соусники с полусферическим корпусом и длинным сливом. Все они находят свои соответствия среди

металлических сосудов, некогда составлявших погребальные приношения могильников Шахдада в восточном Иране.

Среди изделий художественной бронзы наибольшей популярностью пользовались булавки и туалетные палочки, предназначенные для нанесения косметики. Все они, независимо от назначения, имеют фигурные навершия, но разные рабочие концы: у булавок они заостренные, у туалетных палочек, напротив, утолщенные, каплевидной формы, что в наилучшей степени отвечает их назначению — для нанесения краски на тело (рис 12).

Как правило, и булавки, и косметические палочки имеют навершия, выполненные с разной степенью мастерства. Наиболее простые заканчиваются навершиями в виде заостренных конусов, полусфер, шишечек, уплощенных лопаточек, а сами стержни нередко изогнуты спиралью. Более усложненные навершия отлиты в виде четырехлопастных розеток или, наоборот, плоских, вырезанных в виде ступенчатого креста фигур. Особый, более пока нигде, кроме Бактрии, не встреченный тип фигурных наверший в виде многолепестковых разеток демонстрируют булавки. Пока нигде помимо Бактрии не засвидетельствованы и булавки с навершиями из двух кружков, посаженных на короткие ножки, соединенных со стержнем булавки поперечной перекладиной.

Но не эти довольно простые по оформлению булавки составляли славу бактрийских мастеров. Много фантазии и таланта они вложили в оформление наверший металлических булавок скульптурными фигурками птиц и животных. Чаще всего такие булавки заканчиваются скульптурной, обобщенно выполненной, почти не моделированной головкой животного, увенчанной рогами и торчащими в стороны ушами. На других, более тщательно изготовленных образцах, можно видеть горбоносую морду горного барана с рельефно выполненными глазами и закрученными вниз толстыми, мощными рогами.

Наряду с такими прототипами животных бактрийские мастера изготавливали навершия в виде целых зооморфных скульптурок. Обычно это скульптурные фигурки в виде мирно отдыхающих козлов, уютно свернувшихся на круглом постаменте в верхней части булавок, но их головы на длинных, плавно изогнутых шеях всегда запрокинуты вверх и увенчаны мощными рогами. Как правило, одиночные скульп-

турные фигурки животных показаны в спокойной статичной позе, и лишь в единичных случаях они изображены достаточно экспрессивно, стоящими в настороженной позе, с вытянутой шеей и маленькой изящной головкой.

Выделяются булавки, навершия которых оформлены в виде сжатого кулака с четко моделированными пальцами. В единичных случаях пальцы держат бутон цветка или крепко сжимают в кулаке баранов или козлов. Здесь же отметим, что в одном случае тонко моделированная рука держит в изящно вытянутых пальцах четырехлепестковый бутон, предположительно мака. В тех случаях, когда булавки или косметические палочки сохранили скульптурные навершия птиц, последние чаще всего изображены в спокойной сидящей позе, реже — с распластанными крыльями, причем в отдельных случаях загнутые клювы могут передавать образы, скорее всего орлов.

Наконец, отдельные металлические булавки и косметические палочки сохранили парные скульптурные навершия мирно отдыхающих козлов или баранов с круто загнутыми назад рогами, головы их с обобщенно выполненными мордами посажены на длинные шеи.

Но бесспорно выдающимся образцом изделий художественной бронзы является навершие с парой сидящих горных козлов, головы которых, согласно бактрийским канонам, обращены в противоположные стороны. Морды животных сохранили рельефно выделенные округлые глаза и лепесткуши, головы их венчают длинные винтообразные рога, возможно, действительно указывая на изображение винторогих козлов — животных, до сих пор встречающихся в скалистых предгорьях Гиндукуша. Здесь же отметим близкое по типу навершие, которое украшает булавку, найденную при раскопках поселения Шортугай в Бадахшане. Не исключено, что, подобно многим другим изделиям, и эта булавка отражает бактрийское художественное влияние, если не является импортом.

Всего несколько булавок сохранили фигурные навершия с композиционными изображениями. Так, навершие одной из них отлито в виде коровы, ласково облизывающей прильнувшего к ней теленка, другой — овцы, склонившейся головой к ягненку, стоящему между ее ног.

В единственном экземпляре известна косметическая палочка со слегка изогнутым стержнем и каплевидным утолщением на конце. Навершие отлито в виде головы бородатого быка с глазами человека, небольшими загнутыми внутрь рогами и торчащими в стороны ушами, близко напоминающая хорошо известные изображения быков-андрокефалов в Иране, и особенно Месопотамии. Исключительного значения заслуживает одна такая булавка, происходящая из разграбленных могил Бактрии, навершие которой украшено двумя борющимися человеческими фигурками. Почти обнаженные партнеры цепко обхватили друг друга. Сцену, аналогичную этой, мы можем увидеть на бортике одного культового сосуда из тех же могил Бактрии.

Если большая часть металлических булавок и косметических палочек Афганистана происходит из хищнических раскопок могильников и с точностью не паспортизирована, то этот недостаток восполняется находками из строго научных раскопок северной Бактрии. Здесь в могильнике Сапалли в Узбекистане встречены все основные типы булавок, и в том числе со скульптурным навершием в виде азиатского муфлона. Изображение животного отличает предельная степень реалистичности в передаче мускулатуры тела, ребер, косматой бороды, изогнутых рогов, небольшого хвоста. В той же северной Бактрии из могильника Джаркутан происходят две булавки: одна с навершием в виде стоящего муфлона, другая — лежащей в спокойной позе овцы. Показательны для бактрийской коллекции булавки, происходящие из юго-западного Ирана, с навершием в виде сидящего козла с круто закрученными длинными рогами, и в особенности булавка с навершием в виде кулака с зажатой в нем фигуркой птицы. Последняя булавка полностью исключает элемент случайного совпадения и, возможно, является импортом из Бактрии.

Среди погребальных приношений Бактрии встречены изделия не совсем ясного назначения, как например бронзовый стержень, заканчивающийся скульптурной головкой животного (рис 13, N 2). В другом случае — бронзовая тренога, ножки которой заканчиваются копытами, а сверху — диском. Это как бы своеобразная подставка, предположительно предназначенная для культовых целей (рис 13, N 1).

Среди известных зеркал — простых медно-бронзовых дисков — имеется небольшая группа с ручками в виде стили-

зованной обнаженной фигуры. Голова ее — диск зеркала, руки упираются в бока. Помимо Бактрии, в Белуджистане известно одно подобного типа зеркало, ручка которого отлита в виде женской фигуры с подчеркнутой грудью и опущенными вниз руками; и это зеркало, как и бактрийские, входило в состав погребального инвентаря.

Но имеется среди коллекции бактрийских зеркал уникальная группа, включающая всего несколько образцов, более нигде пока неизвестных в пределах всей Передней Азии (рис. 14).

Первое из них представляет собой зеркало, отлитое вместе с боковой ручкой, конец которой заострен, так что, возможно, в древности имелась деревянная или костяная обкладка. С одной стороны диск гладкий, а с обратной — сохранил гравированную плоскость в виде сплошных завитков и волнистых линий, скорее всего имитирующих волны. Ближе к ручке имеется рельефный налп — выступающий кружок с высоким навершием в центре, однако сильная коррозия препятствует удовлетворительному объяснению смыслового назначения налпа. Напротив него, на ровной глади зеркала выступает верхняя часть спины, шея и массивная вытянутая голова с выделенными ноздрями и выпуклыми глазами, близко напоминающая гиппопотама.

Следующее зеркало сохранило чеканный узор в виде сплошных волн и скульптурное украшение из двух фигур. Почти в самом центре диска имеется изображение пары выступающих наверх изогнутых рогов, принадлежащих скорее всего быку. Напротив — рельефное изображение извивающейся змеи с выделенной и слегка приподнятой копьевидной головкой. Подобно вышеописанному зеркалу и на этом образце мы также имеем взаимосвязанную, скорее всего тематическую, композицию, когда из водной пучины на поверхность всплывает бык, навстречу которому устремляется легко скользящая по воде змея.

Третье зеркало также сохранило чеканную гравировку в виде волн и рельефные изображения: ближе к ручке — пирамидальный, прямоугольный в плане выступ, перед ним — сильно распластанная фигура лягушки и подковообразный, с расширением на одном конце предмет неясного назначения.

Четвертое зеркало- круглое, с четко выделенным бортиком по краю, единственное из известных, которое не имело ручки. Его лицевая сторона гладкая, обратная плоскость сохранила чеканный узор в виде все тех же волн и два рельефных изображения в центре. Одно из них сильно корродировано и почти полностью разрушено. Второе читается более определенно: это свернувшаяся в кольцо змея с поднятой головой, как бы нацеленная на возвышающийся перед ней предмет. Наконец, пятое зеркало сохранило на поверхности диска четыре выпуклых изображения, из которых с четкостью читаются лишь две птицы.

Уникальные зеркала Бактрии со скульптурками не имеют пока себе аналогий, и можно допустить, что они являются чисто местным изобретением. Это тем более кажется убедительным, если учесть, что в бактрийско-маргианском центре широко распространена была практика украшения изделий прикладного искусства композиционными, явно повествовательными сюжетами, отражающими устно-поэтическую традицию местных племен. Думается, не случайно при этом повторяются изображения змей и лягушек- персонажей, занимавших особое место в религии местных племен.

Из тех же разграбленных могил Бактрии происходят массивные (до 35 см в диаметре) свинцовые изделия, условно называемые "гириями". В верхней части они имеют ручку и украшены прорезными, ажурными орнаментами в виде крестов, пирамидок, зубчатых кружков и т.д. Точное назначение их неизвестно, но нахождение их в могилах указывает на особое, скорее всего культовое, назначение (рис. 15).

Из могил Бактрии происходят медно-бронзовые, в одном случае — серебряные, загадочные изделия, отдаленно напоминающие сабли или гарпуны, один конец которых загнут, а другой — сужен и явно служил для насадки рукояти. Известно всего несколько экземпляров, причем близкие, если не идентичные, по типу изделия встречены в могильниках Сирии и Ирана, но там они выполнены более художественно и относятся к рубежу III-II тыс. до н.э. Ирано-месопотамские гарпуны являются прототипами бактрийских, причем последние демонстрируют упрощенные копии, выполненные по западным оригиналам. Более сложен вопрос о конкретном назначении гарпунов. Преднамеренно тупые, плоские края лезвий полностью исключают их применение в качестве ре-

жущих орудий или оружия, так что церемониальная функция их кажется наиболее вероятной. Близкие по типу изделия можно видеть в руках богов и героев, главных персонажей месопотамской глиптики, не оставляя сомнений в их особом, скорее всего престижном, значении. Судя по тяжелому весу, они по-видимому служили символом власти, знаками отличия правящей элиты, находившейся на самой верхней ступеньке социальной лестницы Бактрии эпохи бронзы. После смерти таких лиц вместе с ними в могилы могли помещаться и их знаки отличия, что часто практиковалось в древности.

Все металлические навершия, или втоки, происходят из разграбленных могил, однако, к счастью, два таких изделия встречены при научных раскопках могильника эпохи бронзы в северной Бактрии (Узбекистан). Оба они расположены около черепа умершего и скорее всего служили втоками, или навершиями, насаженными на деревянные ручки. Весьма показательно одно такое бронзовое навершие, отлитое в виде головы лошади, посаженной на пустотелую, слегка изогнутую шею. Морда животного дана весьма обобщенно, но с выделенными ноздрями и примитивно трактованными в виде кружков глазами. Заостренные уши заложены назад, грива заплетена. В еще большей степени на подобное элитарное назначение указывает бронзовое навершие, отлитое в виде головы кабана, с выделенным пятачком-носом, изогнутыми вверх клыками и большими, рельефно выполненными глазами. Как и в остальных образцах, внутри сохранились остатки дерева от рукояти. По общему стилю и протому лошади, и голова кабана близко напоминают изделия так называемых луристанских бронз, что скорее всего отражает общую традицию их изготовления.

Из могил Бактрии происходят и в высшей степени оригинальные изделия, условно названные "составными статуэтками", причем известно всего несколько экземпляров. Характерным признаком этих фигур является то, что они сделаны из двух материалов — черного стеатита и белого известняка: тело и головной убор — из черного стеатита, а голова и руки — из белого известняка (рис. 16).

Как правило, фигуры изображены в сидячем положении, облаченные в длинные пышные одеяния, сходные с месопотамскими. Лица тщательно проработаны, большие овальные глаза с выделенными зрачками подчеркнуты сверху

изогнутыми бровями, окрашенными черной краской. Носы сильно выступающие, рот — с толстыми чувственными губами, тонко прорисованы уши, череп голый, так как всегда увенчан головным убором.

С разными вариациями, но все составные статуэтки передают образ сидящей женщины со спокойно сложенными на коленях руками, в пышных одеяниях типа кринолинов, украшенных резными "язычками". Лица статуэток однотипны, но головные уборы различны. В одном случае это гладкая повязка, охватывающая голову высоко вверх, в другом, напротив, глухой головной убор типа колпака или тюрбана. Выделяется статуэтка с высоким головным убором прямоугольной формы, сзади доходящим до самых плеч. Причем контрастное сочетание белого и черного камня очень эффективно. Составные статуэтки Бактрии уникальны и лишь отдаленные параллели им можно найти в искусстве Ирана. Думается, что иранские составные статуэтки явились прототипами для бактрийских, хотя и претерпели здесь некоторые стилистические изменения. Помимо Бактрии и Ирана обломок такой статуэтки найден в Маргиане, что весьма знаменательно. Таким образом можно считать, что изготовление составных статуэток было занесено из Ирана в Бактрию и, добавим, в Маргиану, что в свою очередь указывает на общность культовых представлений племен всех этих регионов.

Особую группу составляют каменные коробочки, всегда выточенные из темного стеатита в форме почки (рис. 8, N 4). Низкий бортик украшен нацарапанным острым инструментом орнаментом, чаще всего в виде цепочки треугольников, реже — растительного узора. Назначение их с точностью не определяется, однако судя по всему, это были не бытовые, а скорее всего культовые изделия. Как правило, они встречались либо в могилах, либо в храме, как это с документальной точностью установлено при раскопках бактрийского монументального сооружения в пункте Дашлы-3. И кто знает, не выполняли ли они роль необходимых атрибутов при гаданиях, как это, например, практиковалось в более позднее античное время — по внутренностям животных, и в первую очередь по почкам.

Показательно, что дно одной из коробочек сохранило следы стертости до дырки, — в косвенной форме это может указывать на то, что в них перетирали какие-то вещества. В

одной из таких коробочек были обнаружены следы охры, что позволяет видеть в них действительно специфические изделия. Показательны также стеатитовые коробочки в форме почки, а полумесяца, что скорее всего связано с астральными представлениями. В последние годы стеатитовые коробочки в виде почки найдены в Маргиане и Белуджистане, а все вместе они отражают существование общих культовых атрибутов, используемых при ритуалах, что в конечном счете указывает на сходные верования народов, проживавших во II тыс. до н.э. в этой части юго-западной Азии. Возможно, в будущем они могут быть найдены и в смежных районах, и в первую очередь в восточном Иране. Но независимо от окончательного решения вопроса о первоначальном центре их происхождения, в Бактрии они нередко украшаются типично местными мотивами. Свидетельством тому служат гравированные изображения змееподобных драконов с бородами, а в одном случае — рогом на голове (рис 16, N 2). Они всегда показаны в явно агрессивной позе: с широко разинутой зубастой пастью, злыми глазами и высунутым языком. Змеи и драконы занимали едва ли не главное место в культовой символике Бактрии. Изображение их на таких коробочках играло роль оберегов. Думается, что устрашающий вид змееподобных драконов должен был охранять содержимое самих коробочек. В одном случае изображен скорпион, также занимавший особое место в древних верованиях. Одним словом, культовое, а не обычное бытовое назначение подобных коробочек, употреблявшихся при обрядовых церемониях, представляется и наиболее вероятным. Змееподобные драконы Бактрии с извивающимся туловом, уплощенной бородастой, увенчанной рогом головой, по общепринятому мнению, ближе всего напоминают месопотамских, откуда они скорее всего и попали в Бактрию и Маргиану. В Месопотамии они являются неизменными атрибутами бога Нингизиды, а в Сузах — бога Иншушинак, причем сходство их с бактрийскими изображениями вполне очевидно, что не оставляет сомнений в происхождении бактрийских от ирано-месопотамских прототипов.

Видимо, также культовым целям служили миниатюрные стеатитовые сосудики в виде мелких мисочек с невысокими бортиками. В одном случае бортики такого сосудика сохранили гравированные рисунки змееподобных драконов,

головы которых украшают рога и небольшие бородки, близко напоминающие аналогичные на бактрийских сосудах в виде почка.

Нетрудно представить себе, как, сидя на корточках в отблесках горящих храмовых алтарей, жрецы и служки тщательно перетирали гадательные снадобья в каменных коробочках-почках и мелких мисочках с гравированными на них рисунками драконов.

Возможно, к этой же группе изделий относится небольшой пузатый стеатитовый сосудик, украшенный вставками в виде сердечек. Сосудик был без дна и имел сбоку специальное отверстие, что лишний раз указывает на его особое, не бытовое назначение.

Среди других каменных сосудов выделяются вазочки на высоких стройных ножках, но с непропорционально маленькими резервуарами, что как будто полностью исключает их обычное, бытовое назначение. Точно так же особое значение имеют миниатюрные сосудики типа закрытых чашечек с различными гравированными орнаментами, а в единичных случаях — украшенные лазуритовыми и костяными инкрустациями.

Возможно, культовыми предметами являются каменные конусики "пешки" и "столбики", круглые и четырехгранные в сечении, в единичных случаях украшенные бирюзовыми и лазуритовыми вставками. Относительно близкие типы изделий известны в восточном Иране, и особенно Маргиане, где они были встречены при раскопках храма Тоголок-21 и, судя по всему, использовались в культовых целях.

Особую группу составляют каменные, преимущественно стеатитовые, флаконы с гравированными геометрическими и растительными орнаментами, среди которых выделяются изображения, напоминающие бутоны мака. Бесспорно особое место занимает флакон, все четыре стороны которого сохранили изображения, предположительно мака, и, наконец, расположенных друг против друга человеческих фигур: одна из них почти стерта, на другой — набедренная повязка. На дне флакона имеется круглое отверстие, закрытое пробкой.

Исключительный интерес для реконструкции былых культовых представлений имеет флакон, все четыре стороны которого украшены однотипным рисунком крылатой женщи-

ны, стройной и грациозной, стоящей в лодке, причем с обеих сторон от нее располагаются два цветка, видимо мака (рис. 13, № 5). Лицо ее тонко профилировано, на голове начальная лента, образующая своеобразный венок; грудь обнажена, нижняя часть фигуры в длинной, драпирующейся юбке.

Культовыми являлись так называемые миниатюрные колонки — изделия в виде столбиков высотой 40-50 см, выточенные из мраморовидных пород камня. На торцах у них гладко отшлифованные пазы, в единичных случаях концы их охватывают серебряные обоймы. Назначение колонок остается неясным, но обнаружение их археологами в могилах и храмах указывает на их особые, не бытовые функции. Добавим, что помимо Бактрии они известны еще в восточном Иране, Туркмении и Белуджистане. Особенно показателен факт обнаружения большого количества миниатюрных колонок в одном из храмов Маргианы, как это с документальной точностью установлено при раскопках поселения Тоголок-21. Здесь же отметим одну такую колонку из Бактрии. Выточенная из черного камня, она оказалась склеенной из двух частей, причем вся поверхность ее была инкрустирована вставками из белого камня в форме полукругов.

Хотя при научных раскопках древних памятников Бактрии не были встречены навершия булав, судить о их существовании можно по некоторым данным. Так, на антикварном базаре Кабула появились каменные и медные навершия булав, и в том числе украшенные резными орнаментами в виде извивающихся лент, возможно имитирующих змей.

Наиболее впечатляющим экземпляром среди бронзовых наверший является одно, украшенное девятью рельефно выступающими вперед головами баранов с круто закрученными ребристыми рогами. Можно не сомневаться, что навершия булав являлись символом престижности как светских, так и, в особенности, религиозных лиц, отмечая их высокий статус в местном обществе.

Среди бактрийских находок особое значение заслуживают медные, серебряные и золотые раструбообразные изделия. Это трубочки, открытые с двух сторон: мундштук конусовидный, противоположный конец — раструбообразный, корпус округлый. На одном таком серебряном экземпляре трубка украшена тремя женскими головками. Вне Бактрии такие трубочки известны еще в иранском Хорасане, причем,

хотя точное назначение их неизвестно, культовое представляется наиболее вероятным.

Заканчивая общий обзор древностей Бактрии эпохи бронзы можно сделать несколько в высшей степени знаменательных выводов. Общий комплекс материальной культуры Бактрии с бесспорностью свидетельствует, что это была высокоразвитая страна с оригинальной культурой древневосточного типа, близкой культуре Маргианы, что скорее всего объясняется общностью происхождения их населения. Вместе с тем вполне отчетливо выделяются связи, уводящие через иранский Хорасан в восточный Иран и далее в западном направлении вплоть до Сузианы, а в опосредствованной форме — в Месопотамию.

Наряду с этим определенно можно говорить и о культово-религиозной общности Бактрии, в первую очередь с Маргианой, а затем Ираном вплоть до северной Месопотамии. Сказанное не только не исключает, а предполагает культурно-исторические связи, уходящие в Белуджистан и, возможно, в долину реки Инд. Но пока эти линии связей прослеживаются в самой общей форме, что в первую очередь объясняется их сравнительно слабой изученностью в археологическом отношении.

Глава. III. Маргиана мощная, верующая

Таинственная Маргиана, страна, расположенная на крайнем востоке Туркменистана, в Каракумах, давно вызвала интерес историков древности. Однако вплоть до начала 44 в. все наши сведения о ней носили во многом отрывочный и полуполюгендарный характер. Было известно из древнеиранских клинописных данных, что где-то здесь располагалась страна Маргуш, или Маргиана греко-римских историков. По этим же данным считалось, что это была богатая и процветающая страна, земля которой славилась фантастическим плодородием. Но все эти сообщения были окутаны дымкой прошедших веков, где часто правда переплеталась с вымыслом и фантазией.

Может быть именно поэтому, уже вскоре после того, как Средняя Азия вошла в состав Российской империи, любитель старины генерал А.В.Комаров обратил внимание на величественные развалины в древнем Мерве, неподалеку от современного города Мары. Взяв солдат и рассыпав их цепочкой по всей длине памятника, он приказал им собирать все, что лежит на поверхности и привлекает их внимание. В результате генерал стал обладателем великолепной коллекции монет, гемм, статуэток, различных украшений античного времени.

Летом 1904 года американская археологическая экспедиция, получив разрешение на проведение раскопок в Туркменинии, совершила разведывательный маршрут в Маргиане. Тщательно осмотрев развалины средневекового Мерва под современным названием Султан Кала и рядом расположенного античного поселения Гяур Кала, американцы отважились отправиться вглубь юго-восточных Каракумов. Прodelав трудный, многодневный маршрут, они к северу от Султан Калы и Гяур Калы, в контактной зоне песков и такыров обнаружили много памятников более древнего времени. Так им удалось впервые установить, что в древности жизнь существовала не только в пределах оазисов южного Туркменистана, но и дальше, в песках, в пустыне Каракумы.

Как сейчас становится ясно, маршрут этой экспедиции затронул лишь краевую часть бывших маргианских оазисов, относящихся лишь к эпохе раннего железа. Да это и понятно, если учесть, что памятники этой и последующих эпох представлены высокими, видными издалика холмами, в то время как более древние, относящиеся к эпохе бронзы, затеряны далеко за песчаными барханами и, по преимуществу полузасыпанные песками, слабо выражены в рельефе всхолмлениями. Словом, подлинная страна Маргуш эпохи бронзы оставалась неизвестной и в качестве достойного приза еще ожидала своих первооткрывателей. Однако, несмотря на последующие маршрутные поездки археологов в древнюю Маргиану, носившие эпизодический характер, поселения эпохи бронзы открыты здесь не были.

Прошли десятилетия. В послевоенные годы в республике была организована Южно-Туркменистанская Археологическая экспедиция, которая развернула широкие археологические исследования на юге Туркменистана. Здесь на предгорной равнине, у подножия мощных скалистых гор Копет Даг высились десятки, если не сотни, бугров. Из года в год отдельные отряды этой экспедиции проводили маршрутные разведки и раскопки все новых таких бугров, результаты которых превзошли самые смелые ожидания специалистов. Оказывается, вдоль предгорий Копет Дага цепочкой тянутся большие и малые бугры, отмечая места бывших древних поселений и деревушек. Все дальше вглубь веков уходила история племен, некогда обитавших на юге Туркменистана. Более того, стало ясно, что памятники, раскопанные американцами в начале века, являлись заштатными, периферийными поселениями, наряду с которыми существовали уже подлинные столичные памятники. Так, западной столицей южного Туркменистана являлась Намазга депе, располагавшаяся в районе нынешнего города Каахка. Это огромное поселение площадью в несколько десятков гектаров вмещало много тысяч жителей, обитавших здесь на протяжении многих сотен лет. К сожалению, большая часть памятника занята современным кладбищем, что лимитирует проведение раскопок, но и то, что уже раскопано здесь, с бесспорностью указывает на столичный характер Намазга депе.

Восточная столица, Алтын депе, расположена на крайнем юго-востоке Туркмении, у селения Меана и ненамного

уступает по площади западной столице. Многолетние и планомерные раскопки здесь привели к открытию замечательных памятников, в том числе дворцов и храмов.

Наконец, между этими двумя столицами у железнодорожной станции Душак высятся мощные многометровые бугры поселения Улуг депе, памятника также явно столичного облика. Между этими тремя центрами располагаются многочисленные, но небольшие по площади поселения, отмечающие места небольших деревушек, не идущих ни в какое сравнение со столичными центрами.

Многолетние раскопки на памятниках предгорий Копет Дага с документальной точностью установили, что здесь находился один из немногих центров мира, где человек уже в VI тыс. до н.э. переходит от тяжелой и утомительной бродячей жизни охотников гор и пустынь к спокойной жизни оседлых земледельцев. Постепенно, в течение веков, вдоль предгорных речушек и ручьев возникают все новые поселки, обитатели которых живут в домах, построенных из сырцовых кирпичей, выращивают на прилегающих к поселениям полях ячмень и пшеницу, разводят домашний скот.

К рубежу IV-III тыс. до н.э. южная Туркмения уже представляла собой процветающую страну, тесно связанную с соседним Ираном вплоть до Месопотамии. Трудолюбие местных племен и плодородие почв позволяли получать высокие, несколько раз в году урожаи, а обеспеченная жизнь способствовала увеличению народонаселения. Не исключено, что слава о плодородных землях предгорий Копет Дага послужила стимулом к притоку сюда нового населения из соседних стран и, в первую очередь из древнего Ирана.

Как бы то ни было, но уже в IV тыс. до н.э. все удобные для земледелия участки вдоль предгорных речушек оказались занятыми, и люди отваживаются заселять все более отдаленные районы, как например бассейн древней реки Теджен. Здесь, у современной железнодорожной станции Геоксюр на бывшем дельтовом веере реки Теджен были открыты и раскопаны многие памятники далекого энеолитического времени. Геоксюрская группа памятников, или геоксюрский оазис, был изучен всесторонне, и до сих пор он является едва ли не эталоном наиболее полно изученного микрорегиона. Результаты этих многолетних работ оказались поучительными еще и потому, что с бесспорностью свидетельствовали об

обживании древним людьми не только предгорий, но и речных долин, некогда далеко уходивших на север от Копет Дага.

Бурный расцвет местной культуры наблюдается в эпоху бронзы на протяжении всего III тыс. до н.э. В это время территория южной Туркмении обживается максимально: от мисрианского плато на крайнем юго-западе до Келифского узбоя (вдоль Амударьи). Казалось, здесь не осталось ни одного района или участка, которые не были бы обжиты древним человеком. Все соответствующие пункты были закартографированы и взяты на учет, после этого археологи приступили к составлению археологической карты древностей Туркмении — трудоемкая, но необходимая работа, которая продолжается и в настоящее время.

Казалось бы, выявлены все основные памятники Туркменистана, но маршрут разведки 1953 года к северу от развалин старого Мерва опроверг такие предположения. Как оказалось, здесь, в контактной зоне песков и такыров древней Маргианы, около давно заброшенных колодцев Тахирбай Маргианы, около давно заброшенных колодцев Тахирбай расположено поселение эпохи поздней бронзы, которое было названо Тахирбайским поселением. Стало очевидным, что здесь, в Маргиане, жизнь началась не в античное и даже не в раннежелезное время, а много раньше, в эпоху бронзы, то есть во II тыс. до н.э. И хотя еще многие годы древности Каракумов не изучались археологами, они не забывали об этом. Наконец в 1972 году Институтом Археологии АН СССР была организована специальная Маргианская археологическая экспедиция, объектом исследования которой стали юго-восточные Каракумы. Позднее к этим экспедиционным работам подключились археологи из Академии наук Туркменской ССР. В результате удалось установить, что во II тыс. до н.э., здесь, в бассейне древней дельты Мургаба, располагалась целая страна. С документальной точностью удалось доказать, что современная река Мургаб, которая сейчас протекает через город Мары, несколько тысяч лет назад имела иное направление и терялась слепыми протоками в Каракумах, непосредственно к северу от городов Мары и Байрам Али. Как оказалось, река Мургаб, как и все долинные реки Средней Азии, постоянно размывала свой левый берег, в результате чего за прошедшие века постепенно менялось и основное направление русла. Медленное, незаметное с первого взгляда

перемещение русла постепенно приводит к изменению общего ее направления, так что за прошедшие 4-5 тысяч лет река Мургаб отклонилась от своего русла западнее на 15-20 км.

Затухающая дельтовая часть реки несла вместе с собой массу плодородного ила, а забор воды на поля не требовал сложных ирригационных сооружений, что представляло собой оптимальные условия для ведения древнеземледельческого хозяйства. Весной, когда во время таяния снегов в горах начиналось половодье, вода в избытке доходила до дельтового веера реки Мургаб, широко разливаясь на поля древних земледельцев. Со временем появилась возможность регулировать подачу воды на поля, для чего строились небольшие запруды, плотины и выводные арыки. Более того, благоприятные географические условия этой части юго-восточных Каракумов исключали устройство многокилометровых каналов, наподобие тех, что строились в Месопотамии или Египте (рис. 17).

Во время раскопок в заброшенных очагах найдены угли, специальное определение которых показало, что они являются остатками водолюбивых деревьев, которые могли расти только по берегам постоянно текущих протоков. Вместе с тем в тех же древних очагах были встречены некогда сожженные кусты саксаула, типично пустынных растений, что с документальной точностью указывало на расположенную неподалеку от оазисов пустыню. Одним словом, страна Маргуш во II тыс. до н.э. вырисовывалась как процветающая, богатая страна, обильная водой, с богатой тугайной растительностью по берегам дельтовых протоков многоводной реки. В густых тугаях во множестве водились дикие животные и пернатые, костные остатки которых также были встречены при раскопках археологами, ярко свидетельствуя о богатых трофеях тогдашних охотников. Плодородные почвы, расположенные между дельтовым веером, создавали оптимальные условия для занятий земледелием, и, хотя до нас дошли лишь обугленные зернышки, можно с уверенностью предполагать, что закрома местных общинников ломились от обильных урожаев пшеницы и ячменя. Заливные луга с богатой растительностью служили надежной кормовой базой для ведения домашнего скотоводства. Сотни и тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота паслись на луговых пастбищах, разнообразя ежедневное меню местных жителей. Словом, чрезвычайно благоприятные экологические условия были по до-

стоинству оценены людьми, заложившими здесь основы земледельческого хозяйства.

Так что же представляла собой эта страна?

Многолетние археологические исследования доказали, что во II тыс. до н.э. на этой обширной по тем масштабам территории располагались десятки и сотни больших и малых поселений. Как правило, это были обычные сельские поселения, неукрепленные, со множеством домов, располагавшихся вдоль длинных улочек. Если не все, то большинство зданий было выстроено из сырцовых, высушенных на солнце кирпичей. Стены помещений изнутри обмазывались штукатуркой из смеси глины с саманом, полы были глинобитные с тонкими, глиняными же промазками. Наряду с такими неукрепленными поселками появляются уже настоящие крепости — прямоугольные, с мощными оборонительными стенами и угловыми башнями они служили местом обитания выделившейся знати. Во время опасности здесь могло укрыться большое количество людей. Но в массе своей поселения не имели обводных стен, что в косвенной форме может указывать на отсутствие внешней агрессии. В целом же все поселения Маргианы до деталей копируют бактрийские, в чем конечно же отразились общие принципы архитектуры и строительного дела.

Среди всех без исключения поселений Маргианы резко выделяется Гонур, общей площадью свыше 20 гектар, видимо, действительно являвшийся столицей в системе всей страны (рис. 18). Памятник состоит из огромного, неукрепленного поселения, в центре которого располагается прямоугольной формы кремль. Стены кремля с завидной точностью ориентированы по странам света. Почти квадратной формы, с общими размерами 125 на 120 м, кремль сохранил высокие (до 3 м) внешние стены метровой толщины. По всем четырем углам кремля располагались башни, но не круглые, как в обычных крепостях, а прямоугольные. Внутренняя сторона внешней стены членилась на равные отрезки. Раскопки кремля лишь только начались и далеки от завершения. Но уже сейчас можно утверждать, что это остатки бесспорно монументальной архитектуры. Внутри кремля располагались обширные залы и внутренние дворики, соединявшиеся между собой переходами и широкими коридорами, а вместе они образовывали анфиладу помещений культового и светского

назначения. Если предположение о столичном назначении Гонура справедливо, то можно допустить, что раскопанный кремль являлся резиденцией правителя страны Маргуш, где могла находиться администрация, управляющая всей страной. Осталось добавить, что кремль располагался на вершине естественного холма, доминируя над всем поселением, причем у подножия его находилась огромная площадь — возможное место общественных собраний, своего рода форум древних маргушцев.

Рядом с Гонур дepe, на южном от него холме, была раскопана крепость. Анализ показал, что она была возведена по единому плану: площадь крепости около 130 на 125 м. Обводные внешние стены неширокие (от 3 до 4,5 м), усилены круглыми угловыми башнями. В середине северного фасада — центральный вход в крепость, оформленный с обеих сторон выступающими пилонами. Вдоль северной обводной стены располагаются чрезвычайно узкие, длинные камеры, перекрытые сверху на уровне одного метра от пола (там, где это удалось установить) сводчатыми перекрытиями. Подобные камеры встречены в храме Тоголок-21, а также в бактрийском храме Джаркутан, однако их точное назначение остается не совсем ясным (рис. 19).

К этому же первому, основному, периоду относятся частично раскопанные помещения в юго-западном углу крепости. Центральный часть этого комплекса составляет своеобразный двор с обводными коридорами. Среди примыкающих к этому двору помещений выделяется одно, явно складское, в котором стояли в непотревоженном виде огромные сосуды типа пифосов, верхние части которых оказались запечатанными глиняными буллами. На буллах сохранились одинаковые оттиски: амулет с изображением на одной стороне змеино-крылатого дракона, а на другой — птицы с распущенными крыльями и повернутой назад головой. Подобные каменные и медные амулеты с точно такими же изображениями известны не только в Маргиане, но и в Бактрии.

Выделяется еще одно помещение, расположенное рядом с центральным двором, этого раннего периода. Его западная стенка оказалась покрыта белой гипсовой обмазкой, но не сплошь, а в виде трех треугольников, сужающихся книзу и заканчивающихся, соответственно, тремя мисками, вкопанными в пол и также обмазанными изнутри гипсом в не-

сколько слоев. Гипсовое заполнение сосудов было проанализировано профессором Московского Государственного Университета Н.Р.Майер-Меликян. В сосудах, под гипсовыми обмазками обнаружены были семена конопли, веточки эфедры и пыльца мака, что дает право сопоставить это помещение с "белой комнатой" из храма Тоголок-21, в которой производилось приготовление культового галлюциногенного напитка типа сомы-хасмы (рис. 20).

Думается, что вся эта монументальная архитектура является лишь частью более обширного здания, связанного в первую очередь с культовыми возлияниями, до определенной степени напоминая храм Тоголок-21. На их взаимную функциональную близость указывают и три сильно обожженные изнутри камеры, близко напоминающие алтари храма огня Тоголок-21.

Во второй период, на уже накопившихся к тому времени мусорных слоях, почти в центре крепости было сооружено здание крестообразной конфигурации с круглыми угловыми башнями, полами внутри. От середины каждой из четырех сторон отходят выступы прямоугольной формы с узкими проходами, ведущими в круглые же башни. Хотя раскопки этого здания еще далеки от завершения, по внешнему контуру оно достаточно близко к бесспорному храму огня тепе Нуши Джан, но почти на тысячу лет древнее его. Даже если назначение этого здания на Гонур депе окажется иным, сходство в архитектурном плане с мидийским храмом Нуши Джан весьма показательно и скорее всего свидетельствует об их общем происхождении из одной древней архитектурной школы.

Обратимся к древним поселениям.

На окраинах древних поселений были открыты кварталы керамистов: следы их пребывания, дошедшие до нас — гончарные горны. Горны представляли собой прямоугольные в плане, двухъярусные печи, состоявшие из нижней топки и верхней камеры обжига. Обе эти части, расположенные друг над другом, разделял под с множеством мелких сквозных отверстий, через которые горячий жар из топки попадал в камеру обжига с приготовленными для обжига полуфабрикатами. Самые древние печи имели в нижнем ярусе опорный столб, поддерживающий камеры обжига, но постепенно местные гончары вырабатывали более прогрессивную конструкцию печей. Со временем они научились возводить ложносвод-

чатые перекрытия, не требовавшие опорного столба, для этого на боковые стенки наклонно друг к другу ставили кирпичи, между которыми закреплялся замковый кирпич. Вся эта конструкция обмазывалась толстым слоем глины и вместе с жаропроходными отверстиями служила подом обжигательной камеры. Отсутствие опорного столба внутри топки резко увеличивало ее полезную площадь, что позволяло максимально загружать ее дровами, и это в конечном счете резко увеличивало эффективность работы горнов подобной конструкции. Этот тип керамических печей оказался настолько производительным, что почти не изменился через прошедшие тысячелетия и дожил до настоящего времени.

Местные гончары в совершенстве владели секретами своего ремесла. Специально приготовленная, тонкоотмученная и очищенная от ненужных примесей глина служила благодатным материалом для изготовления разнообразных по форме и назначению сосудов. Здесь были чайники с длинными носиками, кубки и вазы на высоких, стройных ножках, соусники, миски, чашки. Они отличались исключительным изяществом форм и пропорций, были сделаны на гончарном кругу, позволявшем мастерам — виртуозам изготавливать подлинные шедевры керамического искусства.

То, насколько хорошо гончары знали технологические свойства податливой мягкой глины, основного материала их продукции, показывает следующее наблюдение. Вся посуда, предназначенная для приема пищи, помимо изящества форм и изумительной тонкости стенок, отличалась еще хорошим качеством глины без каких-либо примесей. И, наоборот, изготавливая посуду более грубую, такую как котлы, сковородки — посуду, которой предстояло стоять на огне, мастера-гончары добавляли в глину специальные примеси, повышавшие жароустойчивые качества кухонной посуды. Владея в совершенстве техникой гончарного производства, мастера все свое внимание направляли на отделку форм, почти ничем не украшая свои изделия. Исключением являются редкие сосуды с нацарапанными рисунками, но всегда одного сюжета: козел, стоящий у дерева. Иногда это два козла, стоящие по бокам дерева, а все вместе они чрезвычайно близко напоминают ирано-месопотамские мотивы, где такие же козлы стоят, как полагают, у "древа жизни". Еще более редки сосуды, носики которых изготовлены в виде рогатых голов живо-

тных, чаще всего быка, — декоративный прием, представленный в древней керамике соседнего Ирана.

Хотя вся посуда местных гончаров была светлых тонов: от розового до светло-зеленого — существовали единичные сосуды черного цвета с заполированной поверхностью, что было более широко распространено в северном Иране. Возможно, сосуды черного цвета являлись импортом. Из многих поселений происходят обломки ритуальных сосудов со скульптурными фигурками птиц, людей, животных, рептилий и земноводных, причем один такой целый сосуд был найден на поселении Тоголок-1.

Камнерезное искусство достигает в Маргиане высокого уровня и документируется большим количеством изделий, выточенных из мягкого стеатита. Здесь помимо амулетов так называемого мургабского стиля имеются биконические наперстки, бусы с кружковым орнаментом, миниатюрные сосудики с зубчатым орнаментом, ритуальные сосуды, выточенные в виде почки и так далее. Мраморовидные камни светлых тонов использовались для изготовления каменных сосудов, и в том числе небольших вазочек с мелким резервуаром на непропорционально длинной ножке, наподобие бактрийских. Судя по одному резному стеатитовому обломку, существовали здесь и так называемые составные статуэтки бактрийского типа.

Хотя медно-бронзовые изделия уже широко вошли в повседневный быт маргушцев, все еще использовались кремневые, тщательно отшлифованные наконечники стрел лавровидной или подтреугольной формы.

Характерной особенностью южной Туркмении, начиная с глубокой древности, являлось существование у местных племен богатой антропоморфной пластики. Известны великолепные образцы таких древних божков и здесь, хотя почему-то распространены они были крайне неравномерно. Подобно южно-туркменистанским племенам во многих (но далеко не во всех!) оазисах Маргианы встречены небольшие, до 10-15 см высоты, плоские терракотовые статуэтки, по преимуществу женские. Женщины изображены в сидячем положении, головы их с преувеличенно большими глазами и огромными носами увенчаны либо сложными головными уборами, либо настоящими коронами. Как правило, все они имеют широко расставленные в стороны руки, на плечах некото-

рых из них нацарапаны какие-то загадочные знаки. Наряду с женскими, но в меньшем количестве, имелись мужские терракотовые фигурки с ярко выраженными признаками пола, они, скорее всего, являлись божками местного пантеона.

На этом фоне несколько озадачивает то, что в некоторых оазисах Маргианы, несмотря на многолетние поиски, не встречено было ни одной антропоморфной статуэтки. Такие оазисы как бы повторяют ситуацию, наблюдаемую в Бактрии, где практически не были известны антропоморфные статуэтки, но зато широко были распространены культовые сосуды. За этим документально установленным фактом скрываются специфические особенности культовых воззрений жителей Маргианы и Бактрии. Если вспомнить, что в Маргиане антропоморфные статуэтки с точностью копируют южно-туркменистанские предшествующего времени, то станут очевидными не только преемственность культовых воззрений, но и их генетическое родство. В таком случае можно допустить, что микрооазисы Маргианы, обитатели которых использовали антропоморфных божков, скорее всего, были основаны выходцами из предгорий Копет Дага. Наоборот, жители микрооазисов, которые подобно Бактрии, не использовали в своих культовых представлениях антропоморфную пластику, скорее всего, пришли с иранской стороны. Не исключено, что первоначально эти два обряда существовали параллельно друг с другом, причем широкая веротерпимость постепенно могла привести к смешению двух родственных по существу, но разных по культовой обрядности верований. Свидетельством этого являются микрооазисы Маргианы, на которых археологам посчастливилось найти как антропоморфные фигурки южно-туркменистанского типа, так и ритуальные сосуды бактрийского типа. И здесь к месту будет отметить, что, пожалуй, лишь зороастрийская религия, особенно на раннем, начальном, этапе, не признавала антропоморфных божеств, так как зороастрийцам было чуждо идолопоклонство. Недаром в "Авесте" даже Ахура Мазда выступает как божество бестелесное и лишь много позднее в религии ахеменидского Ирана он стал изображаться в виде верховного бога ассирийцев.

Металлические медно-бронзовые изделия страны Маргуш пока известны в ограниченном количестве и представлены длинными обоюдоострыми ножами и кинжалами и, пред-

положительно, наконецниками копий и церемониальными топорами. Украшения также отливали из ярко-желтой меди в форме длинных булавок с фигурными навершиями в виде голов животных, бутона и сжатого кулака, прямые соответствия которым имеются в Бактрии. Миниатюрные косметические флаконы, круглые зеркала с ручками, браслеты, серьги дополняют набор туалетных украшений модников и модниц страны Маргуш. Достаточно широко были распространены в местной среде и медные ажурные печати, обычно с геометрическим, реже зооморфным изображением, среди последних выделяется круглая печать в виде вихревой розетки, составленной из птичьих головок, близко напоминающих печать, происходящую с другого конца тогдашнего мира Дильмуна, страны, располагавшейся около Персидского залива. Столь же показательны массивные медные печати с изображением свастики, напоминающие близкие рисунки древней Индии. Наконец, из ряда поселений происходят фигурные печати с изображением то зайца, то козла, то хищника кошачьей породы, а в отдельных случаях — и людей.

Особую коллекцию составляют каменные амулеты так называемого мургабского стиля, подробный обзор которых будет дан ниже вместе с бактрийской глиптикой. Наконец, подобно Бактрии и здесь, в Маргиане, существовали печати-цилиндры месопотамского типа с гравированными на них сюжетными композициями. На поселении Таип археологам посчастливилось обнаружить два, казалось бы невзрачных, обломка обочных сосудов, поверхность которых оказалась украшенной оттисками-прокатками таких цилиндрических печатей, сделанных еще по сырой глине. Обожженные в горне, они сохранили нам оттиски от еще не найденных цилиндров-печатей.

В полном согласии с погребальными обрядами Бактрии, и здесь умерших хоронили на специальных, расположенных рядом с родными поселками кладбищах, реже — в руинах уже заброшенных к тому времени поселений. Как правило, умерших хоронили в скорченном положении, на боку, преимущественно головой на север. Детей нередко хоронили в сосудах или простой ямке, но бережно прикрытой сверху большим обломком от былого сосуда. Наряду с такими существовали фракционные, или частичные захоронения, которые к моменту раскопок представляли собой кучу разроз-

ненных, но аккуратно сложенных костей. Третий тип погребений составляют так называемые кенотафы — могилы умерших далеко от родных поселков, так что в них мы не находим скелетов, а лишь погребальные приношения.

Раскопки могильников выявили разные погребальные конструкции, среди которых выделяются прямоугольные гробницы, возведенные из сырцового кирпича. Первоначально гробницы были пустотелыми и лишь позднее оказались засыпанными в результате обрушивания сводов. Погребальные приношения включают большое количество целых сосудов, в меньшей степени — оружие и украшения в виде бус, браслетов, зеркал, серьг, косметических флаконов, булавок, каменных амулетов.

Как и в Бактрии, здесь практиковались захоронения молодых баранов, которые лежат в гробнице на боку, головой на север, в окружении погребальных сосудов. Захоронение подобно захоронению людей, но тело человека заменено бараном. Это говорит о том, что данное животное имело особое значение в жизни местных племен.

В результате многолетних археологических исследований страна Маргуш эпохи поздней бронзы выступает как процветающая, многолюдная область с высокоразвитой земледельческой культурой древневосточного типа. Учитывая высокий уровень профессионализма гончаров и древних металлургов, требовавший специальных знаний, можно предполагать, что ремесло уже выделилось в особую отрасль древнего хозяйства. Иными словами, появилась прослойка людей, которые большую часть своего времени занимались не сельским хозяйством, а ремеслом, профессиональные навыки которого оставались неизвестными непосвященной массе рядовых общинников. Общество Маргианы уже далеко продвинулось вперед в своем социальном развитии, но пока нет прямых данных, указывающих на существование здесь по-настоящему классового государства.

Итак, Маргиана вместе с Бактрией представляли собой отдельные автономные регионы, каждый из которых, в свою очередь, состоял из нескольких структурно-объединенных между собой микрооазисов. В этом отношении в высшей степени показательны строки "Авесты", где говорится о четырехступенчатой системе организации: "дома-семьи" в совокупности составляли "родовые поселения", а те, в свою оче-

редь — "племена" и, наконец, "область, страну". В целом такая организационная система приложима ко многим древним обществам, однако в пределах Средней Азии лишь Бактрия и Маргиана демонстрируют существование родовых поселений, объединенных не столько кровным родством, сколько взаимно соседскими экономическими связями. Иными словами, каждый отдельный ирригационный оазис Маргианы представлял собой территориально-соседскую общину, а вместе они образовывали федерацию племен или, иначе, "страну", как она упоминается в "Авесте". В Маргиане не было подлинных городов с высокими цитаделями. То же самое относится и к Бактрии, эти две исторические области более всего из всех известных соответствуют тому общественному устройству, которое окружало в реальной жизни безызвестных составителей священной книги зороастрийцев.

В той же "Авесте" неоднократно упоминаются скотоводческие племена, которые вели непримиримую и постоянную борьбу с оседло-земледельческим населением оазисов, что опять-таки хорошо согласуется с археологическими данными Бактрии, и в особенности Маргианы. Стоянки скотоводческих племен, обнаруженные рядом поселения оседлых земледельцев говорят об их тесных взаимных контактах.

В этом плане исключительного внимания заслуживает упоминание греческим историком Геродотом скифских племен, которые назывались амюргийскими. Академик В.В.Струве провел огромную аналитическую работу по сопоставлению между собой древних терминов и современных названий. В результате он пришел к выводу, что название "скифы амюргийские" восходит к древнеперсидскому — "скифы-амурга", а последнее, скорее всего — к имени реки Мургаб, или в древнем варианте Мюргаб, что, в свою очередь, переводится как "мюрг" — "вода". На основании проделанной работы ученый пришел к выводу: "С именем реки Мюрг, надо думать, и связано древнее имя оазиса Мары — Маргуш, Маргиана".

Приведенные данные, интересные сами по себе, приобретают еще большую ценность в свете того, что скифы амюргийские в древнеперсидских надписях также упоминаются как скифы хаомоварга или, иначе, как скифы, хаому изготавливающие. По заключению лингвистов имеется фонетическое сходство или, иначе, сходство в звуках между именами

Хаомоварга и Амюргиями. Очевидно, что еще во времена древнеперсидского царя Дария уже было известно, что восточные скифы знали, приготавливали и употребляли галлюциногенный напиток под названием хаома. Не исключено предположение, что у скифов, традиционных скотоводов, были распространены такие напитки, изготавливаемые, по-видимому, на основе брожения кисломолочных продуктов. Тесное соседство этих скифов с населением оседло-земледельческой Маргианы и, видимо, Бактрии по необходимости приводило к обмену сведениями, и таким образом рецепт приготовления этого напитка мог от скифов перейти к земледельцам. Не этим ли объясняется способ приготовления напитка хаомы из растений и молочных продуктов, как это свидетельствуют "Авеста" и "Ригведа", отражая в конечном счете две традиции в изготовлении хаомы и сомы?

Но и в таком случае следует иметь в виду, что все наши письменные данные о Маргиане и скифах мы черпаем из клинописных надписей древнеперсидских писцов. Последние жили и творили преимущественно в Персеполе — столице ахеменидской державы, расположенной на крайнем западе Ирана, за многие тысячи километров от тех стран, которые упоминали писцы в своих трудах. С точки зрения этих писцов описываемые ими события протекали где-то там, за пределами цивилизованного мира. Сведения, ими получаемые, окрашивались полуполюгендарной дымкой фантазии их информаторов. Все это заставляет с большой осторожностью относиться к имеющимся письменным данным, но за неимением других они пока являются для нас единственными и бесценными свидетельствами. Сопоставление письменных свидетельств с данными археологии, их взаимная корреляция и взаимный контроль обещают в будущем новые открытия на пути изучения зороастрийской религии.

Все предшествующее изложение свидетельствует о развитой культуре Бактрии и Маргианы, но сведения о ней будут неполны без знакомства с памятниками уникальной монументальной архитектуры. Они позволяют говорить о существовании особой бактрийско-маргианской школы зодчества.

В пункте Дашлы-3 открыт так называемый круглый храм — монументальное сооружение с очень сложной планировкой (рис. 21). В центральной части всего комплекса располагается круглое в плане здание диаметром 40 м. Обводная галерея с девятью башенками выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, полностью изолированный от прилегающих далее по периферии помещений. Поперечные перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, но всегда сообщающихся через проходы с башенками. Обводная галерея выполняла роль той промежуточной зоны, которая изолировала круглое здание, подчеркивая его особое культовое назначение.

Внутри круглого здания вдоль обводного коридора сохранилась не совсем ясная по назначению застройка в виде небольших глухих помещений — своеобразных камер. Остальные помещения центральной части не оставляют сомнений относительно их особого назначения.

Два из них, расположенные перпендикулярно друг к другу, имеют принципиально сходную планировку: в торцовой части — возвышение-суфа, отграниченная от остальной комнаты двумя фигурными пристенными пилястрами. Стены этих помещений сохранили глухие ниши, близко напоминающие "слепые окна" храма огня Нуши Джан в Иране, где они были устроены в наосе (главном помещении храма), причем здесь же находился ступенчатый алтарь огня. Не исключено, что такими алтарями являлись сложной конфигурации очаги, устроенные наверху ступенчатой платформы. В другом помещении в стенах — фигурные ниши, часть которых сохранила золу. Интерьеры всех помещений центрального комплекса имели обмазку из тонкоотмученной глины характер-

ного желтоватого цвета, нанесенной в несколько слоев. На полу находилась "миниатюрная колонка" и стеатитовый сосудик в форме почки (рис. 22).

Под верхними полами центральных помещений археологи обнаружили более древние, в которых были устроены небольшие ямки-лунки, сплошь заполненные сожженными костями животных и древесными угольками. Показательно, что стенки ямок-лунок не сохранили никаких следов воздействия огня, доказывая тем самым, что кости были сожжены "на стороне" и лишь затем насыпаны в лунки. Обнаружение в этих же помещениях очагов-алтарей наталкивает на мысль о их культовом назначении. Не исключено, что ритуальные животные (как правило, мелкий рогатый скот: козы, бараны), приведенные на закалывание, закалывались жрецами и затем жаривались на очагах-алтарях. После ритуальных трапез кости аккуратно собирались храмовыми служителями и по завершении культовых церемоний засыпались в специально вырытые лунки. Следует отметить, что зороастризм не отвергал культовых жертвоприношений животных. Зороастр выступал лишь против хищнического истребления скота в чрезмерно больших размерах. В этом плане показательно, что в указанных небольших ямках-лунках имелись, в основном, только кости мелких рогатых животных.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагается серия помещений бесспорно бытового назначения: вкопанные в полы крупные сосуды для хранения зерна и воды, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки. Выделяется, возможно, несколько обособленных жилых микрокомплексов, каждый из которых сохранил помещения различного назначения, группирующихся вокруг вытянутого внутреннего двора. В одной комнате такого комплекса имеется кухонный очаг, в другой — вкопанные в пол сосуды. Показательно, что это были не глухо изолированные и полностью отграниченные друг от друга жилые комплексы. Наоборот, широкие проходы ведут в смежные комплексы. Все вскрытые комнаты обнаруживают следы многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их состоит из обычных мусорно-зольных остатков, столь характерных для бытовых поселений.

По внешнему фасаду сооружения идет широкая, а главное прямая, стена, у основания которой проходил ров с водой. Можно предполагать, что весь этот архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный обвод стен, дающий в плане гигантский квадрат с примерными размерами 130-150 м в стороне, у основания которого проходил глубокий ров, наполненный водой. Центральное круглое здание играло сакральную роль: здесь проходили культовые церемонии и располагались помещения особого назначения, где совершались ритуальные обряды. Иное впечатление производит планировка участка, располагавшегося далее по периферии вокруг центральной части, где проживали обитатели, связанные с самим храмом. Это могли быть жрецы, храмовые служки. Размеры жилой части, по сравнению с храмом, огромны, и можно предположить, что населена она была, в основном, рядовыми общинниками, напоминая до определенной степени храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока.

Сходное назначение предполагается для месопотамских храмов, где между двух колец овальных в плане стен, предположительно, находились дома священников; в других случаях святилища и дома служителей культов объединены между собой и обнесены вокруг широкой стеной. Хотя трудно судить о характере самих обрядов, думается, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них не последнюю роль. Отметим, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами, где совершали жертвоприношение богам, нередко устраивались обширные кухни, являвшиеся важной частью храмового комплекса. В месопотамских храмах сохранились тексты, упоминающие "вечерние и утренние трапезы". Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами, проходившими в ярких отблесках пылающих алтарей, были распространены в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, которую играл огонь, а также по тому, что здание имело форму круга, священного для многих народов мира, это мог быть храм огня. Применительно же к рассматриваемому региону, связь круга (солярийный культ) и алтаря (огненная космология) может быть сопоставлена с индоиранскими представлениями, нашедшими отражение в "Ригведе" и "Авесте". Более того, сочетание в планировках

культовых сооружений квадрата (символ четырех сторон света) и круга (символ солнца) может рассматриваться как священная ритуальная диаграмма, представляющая вселенную и бытие. В целом же храм на Дашлы-3 выступает как бесспорно общественное культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей дашлинского оазиса. Стремление отгородиться от внешнего мира — наиболее характерная черта его общего планировочного принципа. Налицо та же стадия развития культовых зданий, когда храм мыслится как сакральное, уединенное место, обитель божества. Применительно к Дашлы-3 этому назначению более всего соответствует центральная часть круглого здания.

Уже первые известия о раскопках круглого храма вызвали большую дискуссию о его конкретном назначении. С самого начала исследователи обратили внимание на один отрывок "Авесты", где говорится о строительстве культового сооружения, круглого в плане, окруженного тремя кольцами стен с тремя, шестью и девятью проходами в них. В центральной части находилось "семь мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней", во втором кольце — жилье людей, в третьем — скот. Иначе говоря, важность пространства повышается к центру здания, где встречаются божества со смертными: "Собрание устроил создатель Ахура Мазда там с бесплотными существами". Налицо как бы словесное описание общей планировки храма Дашлы-3. Думается, что монументальные здания типа этого храма могли служить прообразом сооружений, описанных в "Авесте". И, может быть, не случайно первое кольцо стен круглого храма Дашлы имеет три прохода, и, хотя мы не знаем, сколько их было в других частях комплекса, — судя по их много большему размеру, там имелось более, чем три прохода.

Второе монументальное сооружение было выявлено в том же пункте Дашлы-3 рядом с круглым храмом. Здесь в первый период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общим размером 88 на 84 м и центральным внутренним двором размером 40 на 48 м. Во второй (промежуточный) период дворец перестает существовать, а в восточной части двора складывается небольшое периферийное поселение. Рассматриваемое монументальное сооружение возведено из сырцового кирпича, стены с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой желтоватого цвета.

Отличительной чертой всей архитектуры является чрезвычайно большое количество пилястр (в ряде случаев ступенчатых), особенно по внешнему фасу, часть которых имела конструктивное значение, выступая как контрфорсы, другая играла чисто декоративную роль в общем оформлении всего здания. В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились перекрытия, с бесспорностью свидетельствуя о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов. Общая планировка всех четырех фасов построена на принципе симметрии и взаимного абсолютного сходства, некоторым отклонением от этой нормы предстает южный угол, где имеется предвратное сооружение, состоящее из трех вытянутых помещений. Среднее из них сохранило внешний проход, оформленный с обеих сторон пилястрами, в полу имеется узкая длинная канава, видимо водосток (рис. 23).

Особый интерес представляют завершения внешних углов всего здания, образованные за счет широких поперечных соединительных стен. По-видимому, помимо центрального входа имелись узкие проходы по углам всего здания, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами. Как видно, в первоначальном виде план комплекса был симметричен: все четыре фаса повторяли друг друга. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров, достигающий местами 10-метровой ширины при глубине в 3 м, как бы ограждая все здание от внешнего мира.

Почти квадратный двор окружен со всех четырех сторон обводными коридорами с встроенными поперечными стеночками, образующими глухие отсеки. По середине каждого обвода имелось по одному проходу, ведущему в Т-образные коридоры. В свою очередь, из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соответственно соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение длительного периода существования комплекса некоторые из проходов закладывались и в месте них пробивались новые.

Енутри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются три строительных микрокомплекса, имевшие особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения, среди которых одно играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и уже

из него — в соседние помещения, из которых, в свою очередь, вход ведет во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались между собой двумя проходами, позднее оказавшимися заложёнными. Выделяется центральное помещение с глубокими нишами или, иначе, слепыми окнами, пристенной суфой-возвышением. В его западной стене имелся проход, оказавшийся заложённым при возведении следующего сооружения, в свою очередь также включавшего три помещения. Здесь также имеется свой вестибюль, причем два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых одно является центральным. Интерьер последнего украшен фигурными нишами, идущими от самого пола и покрытыми тонкоотмученной штукатуркой в несколько слоев, то есть все теми же слепыми окнами. Ниши пропорциональны, что свидетельствует о существовании у местных архитекторов особого модуля. У западной стенки на полу устроен очаг-выкладка, но без следов обожжения. У северной — пристенная суфа-возвышение. Подобно рядом расположенному круглому храму, и здесь под верхним полом находился более древний — с углубленными в материк ямками-лунками, заполненными обожженными костями мелкого рогатого скота и угольками. Сами лунки не несут следов воздействия огня, близко напоминая аналогичную картину, отмеченную для ритуальных помещений круглого храма. Все помещения имеют полы, выстланные регулярной кладкой кирпича, причем в главном помещении находилась каменная миниатюрная колонка того же типа, что и в круглом храме.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить ее необычность — чрезвычайно узкие коридоры, в которых не всегда мог протиснуться даже один человек. Создается впечатление, что они имели ложный характер, не несли никакой функциональной нагрузки, являясь следствием того запланированного архитектурно-ритуального канона, который должен был неукоснительно соблюдаться в зданиях подобного назначения. Организующим ядром комплекса являлся внутренний двор, который через обводные коридоры сообщался со всеми четырьмя фасадами всего комплекса. Два другие микрокомплекса — у западной и, особенно, южной стен двора, скорее всего, имели культово-церемониальное назначение своего рода святилищ, на что указывают их однотипная планировка, а также интерьеры, украшенные

нишами, в ряде случаев фигурными, и суфы-возвышения, всегда устроенные вдоль северных стен. Думается, что это было здание культового назначения, предположительно храм, где могла находиться местная администрация, возможно, совершавшая и культовые обряды. И однако это не опровергает вероятности того, что храм мог быть посвящен и другим культам.

Рассматриваемые монументальные здания характеризует строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбиавший однообразие плоскостей; плоские перекрытия сочетались со сводчатыми. Все это придавало зданию особую торжественность, которой были лишены обычные частичные дома. Оба эти здания не случайно располагались рядом, так как выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Как видно, уже в эпоху бронзы в Бактрии сосуществуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — квадрат. Такое сочетание не является случайным, свидетельством чего служат монументальные сооружения Бактрии последующего ахеменидского времени типа Алтын-10, Ат-Чапар, Кутлуг тепе. Открытие этих зданий культового назначения имеет принципиальное значение для предположения о существовании особой бактрийской школы монументального зодчества.

В этом плане особый интерес представляет монументальное круглое здание Кутлуг тепе с центральным помещением и алтарем у стены, явно продолжающее архитектурные традиции, которые были заложены в планировке круглого храма Дашлы-3 (рис. 24).

Если оба храма в пункте Дашлы-3 располагаются в южной Бактрии, то теперь обнаружено одно такое монументальное сооружение в северной Бактрии, в Джаркутане (Узбекистан). Это прямоугольное здание с размерами 60 на 45 м обнесено по краю чрезвычайно широкими обводами стенами с единственной башней в восточной стене. Здание делится на парадную и подсобно-хозяйственную части. Парадная, явно культовая, часть много больших размеров, чем подсобная, и соединена с ней при помощи очень длинного коридора, расположенного в южной части всего комплекса (рис. 25).

Доминирующее положение в системе комплекса занимает высокая кирпичная платформа, которая к моменту рас-

копок сохранилась до полутора метров высоты, причем считается, что первоначально ее высота достигала 2,5 м. Предполагается, что на верху платформы под перекрытием, стоявшим на колоннах, находился главный алтарь, "...разрушенный до основания к моменту раскопа". Платформа с предполагаемым главным алтарем с трех сторон обведена стеной, а с четвертой, открытой, выходила к специальному помещению, где, как считается, могла храниться священная зола. В северной части парадной половины располагаются в ряд узкие камеры, с юга к которым пристроена небольшая платформа с алтарем на верху. В прилегающем дворе выявлена дорожка, выстланная галькой и идущая от платформы с алтарем к чрезвычайно длинному коридору, соединяющему парадную и подсобную части между собой.

Подсобно-хозяйственная часть состоит из ряда помещений, среди которых выделяется обширный двор, частично застроенный во второй период, а также предполагаемая винодельня со специальными желобами в полу, обмазанными толстым слоем гипса, и небольшими резервуарами. Ниже будут приведены данные маргианских храмов, где близкие по типу помещения были связаны с приготовлением не вина, а одурманивающего напитка хаомы, что документируется анализами органических остатков. На особое назначение винодельни указывает также и тщательная отделка интерьера, сохранившего местами следы побелки и голубой краски.

В другом помещении были устроены вытянутые в ряд, цепочкой, восемь углубленных камер, сильно обожженных изнутри и определяемых как медеплавильные очаги. Независимо от окончательного суждения о их назначении, показательна их определенная близость к "огненным камерам" на площадке с платформами маргианского храма Тоголок-21, где на дневной поверхности рядом с ними также были встречены медные корольки, о чем подробнее будет сказано ниже.

Храм Джаркутан вполне обоснованно определяется как храм огня, что, однако, не исключает и других культов, имевших, возможно, подчиненное, второстепенное значение.

Как бы то ни было, впервые мы имеем для одной исторической области — Бактрии — сразу три монументальных здания, явно храмового назначения, и все — принципиально отличной друг от друга планировки. Вспомним, в пункте Дашлы-3 круглый храм основан на сочетании круга и квад-

рата, второе здание, включающее центральный, внутренний двор, окружено Т-образными коридорами вдоль всех четырех фасов. Наконец, Джаркутан опять демонстрирует принципиально отличную планировку, состоящую из двух различных по функциональному назначению частей, когда в силуэте здания доминирует центральная платформа с предполагаемым чартаком наверху. А между тем назначение по крайней мере двух храмов Бактрии — круглого храма и Джаркутана — в качестве храмов огня представляется наиболее вероятным.

Заканчивая обзор монументальной архитектуры Бактрии, следует остановиться на здании особого, скорее всего также культового назначения, раскопанном на Тилля тепе, около города Шибегана, но относящемся к иному культурно-историческому кругу, чем вышеописанный (рис. 26). В результате раскопок удалось установить, что в древности на рубеже II-I тыс. до н.э. на этом месте, на естественном двухметровом холме, по хорошо продуманному плану была возведена сплошная кирпичная прямоугольной конфигурации платформа шестиметровой высоты. Таким образом, вместе с холмом, на котором она была возведена, платформа возвышалась над окружающей поверхностью на высоту около восьми метров. По внешнему краю платформа была обнесена мощной кирпичной стеной, усиленной угловыми башнями округлых очертаний; дополнительные башни были устроены вдоль всего периметра стен. В середине северного фаса стены имелся центральный вход, к которому, по всей видимости, подходил пандус. Наверху платформы было построено монументальное сооружение, пережившее несколько перестроек. В самый первый период здесь располагался огромный квадратный зал общими размерами 15 на 15 м, с четырех сторон которого шел обводной коридор, соединявшийся с центральным залом общим проходом. В свою очередь, сам обводной коридор через специальные проходы соединялся с башнями внешней оборонительной стены. Возможно, в центральном зале находились какие-то культовые сооружения, однако к моменту раскопок они не сохранились, так как уже вскоре общая планировка здания претерпела существенные перестройки. В первую очередь были снесены внутренние стены центрального зала, так что оказались уничтоженными сами обводные коридоры, а на освободившейся обширной площад-

ке внутри внешних обводных стен теперь был устроен обширный девятиколонный зал общей площадью около 400 м. Высокие, квадратной формы колонны сложены из сырцового кирпича и обмазаны сверху толстым гладким слоем глиняной штукатурки. Колонны в зале располагались тремя рядами, по три в каждом ряду, внутренние стены были украшены массивными пристенными пилястрами. В центре девятиколонного зала, прямо напротив входа, на полу располагался алтарь со слоем плотной, слежавшейся золы. Девятиколонный зал через общий проход соединялся со вторым помещением меньших размеров, с четырьмя колоннами внутри.

К моменту раскопок далеко не полная высота колонн достигала 4 м, так что можно легко представить, как величественно выглядело в древности все сооружение, вознесенное на высокую платформу. Крыша, поддерживаемая колоннами, создавала полумрак в помещениях, и лишь в центре главного зала, в алтаре, мерцало пламя огня.

Но перестройка храма на этом не ограничивалась. По прошествии достаточно длительного времени, когда алтарь обсыпался и растрескался от воздействия жара, он был почти полностью срублен и заложен сверху сырцовыми кирпичами, причем поднялся общий уровень пола девятиколонного зала. В это же время к стенам были пристроены лежанки-суфы, а интерьер зала застраивается помещениями неправильной косягольной конфигурации.

В результате при коренной перестройке изменилась не только планировка, но, по-видимому, и назначение всего здания. Былой девятиколонный зал теряет свой первоначальный монументальный облик, симметричность прямых линий заменяется косоугольными помещениями, нередко с кривыми, небрежно сложенными стенками. Вместо обширного девятиколонного зала мы теперь видим серию небольших помещений, группирующихся вокруг внутреннего зала. Несмотря на перепланировку всего здания, одновременно с этим внешние оборонительные стены укрепляются и одеваются в мощный кирпичный футляр. Очевидно, что сооружение не забрасывается и не приходит в упадок, но видоизменяются его планировочные принципы и, возможно, конкретное назначение. Теперь это, может быть, уже не культовое здание, а резиденция местного правителя.

Заключительный период существования монументального здания знаменуется грандиозным пожаром, в огне которого гибнут помещения, и обрушивается балочное перекрытие главного зала, состоявшее из длинных толстых бревен. В огне пожарища гибнет все здание Тилля тепе, причем по некоторым наблюдениям, эта катастрофа, возможно, связывается с насильственным включением Бактрии в середине I тыс. до н.э. в систему мирового ахеменидского государства.

Но вернемся к монументальным сооружениям Бактрии эпохи бронзы, и в первую очередь к храмам в пункте Дашлы-3. Исключительного значения заслуживают планировочные принципы этих монументальных зданий, традиции которых находят глухие отзвуки в "Авесте". Два крупнейших немецких специалиста, такие как Б. Брентьес и К. Иеттмар, независимо друг от друга пришли к единому мнению, что круглый храм Дашлы-3 из всех известных памятников более всего связывается с авестийской легендарной крепостью, которую построил первочеловек Иима. К этому выводу присоединяется и финский ученый А. Парпола, прямо отметивший, что "это соответствие очень близкое". Не ограничившись этим замечанием, он дополняет это сходство с данными "Ригведы", где упоминается форт, состоящий из трех concentрических сооружений, соответствуя трем мирам и вместе с тем золоту, серебру и меди. Точно так же, так называемый дворец в пункте Дашлы-3 специалистами связывается с мандалами или, иначе, с местом, где проходила коронация вселенских монархов индоиранских правителей. Так, Дж. Туччи, специалист с мировым именем, описывает мандалу как дворец, по середине каждой из четырех сторон которого, помещения образуют фигуру в форме буквы Т, что как бы словесно характеризует планировку второго монументального здания в пункте Дашлы-3.

Таким образом, монументальные сооружения в пункте Дашлы-3 большинством специалистов ставятся в связь с индоиранскими племенами: с их верованиями и культовой обрядностью, нашедшей свое отражение в "Авесте" и "Ригведе".

Вместе с тем в настоящее время появились данные, исходящие из Маргианы, памятники которой в еще большей степени находят свои соответствия в культовых обрядах индоиранских, арийских племен, как они рисуются по "Авесте" и "Ригведе". Имеются в виду результаты раскопок памят-

ника Тоголок-21 — невзрачного, почти не выраженного в рельефе, казалось бы навечно скрытого за высоченными барханами. Расстояние между двумя небольшими всхолмлениями едва достигало 200 м. Северное из них представляло собой обычное, рядовое поселение с большим количеством битой керамики на поверхности и с остатками гончарных горнов на окраине.

Второе, расположенное южнее, выглядело еще более невзрачным. Но однажды археологи попали сюда после того, как прошел сильный дождь. Дождь закончился накануне, и под жаркими лучами солнца, как на проявленном негативе, стали проступать подсыхающие стены, оплывшие руины которых обычно выглядят серо и однообразно. Как известно, сырцовые кирпичи медленнее отдают влагу, и поэтому, когда под лучами солнца начинает подсыхать земля, на светлом фоне оплывов начинают проступать былые стены зданий. На этот раз "проявилась" стена четырехметровой ширины, которая к тому же сохранила округлые в плане, мощные оборонительные башни. Стало очевидным, что это необычное сооружение, отличное от рядовых поселков, какие в изобилии были открыты в предшествующие годы в древней стране Маргуш.

В результате работ было установлено, что это монументальное сооружение было возведено наверху небольшого, до одного метра высотой, естественного возвышения. В качестве строительного материала использован сырцовый, высушенный на солнце, прямоугольной формы кирпич со средними размерами 44x24x12 см. К моменту раскопок сохранность комплекса была очень плохая: в результате естественных процессов дефляции стены комплекса оказались смытыми, так что сохранившаяся высота их в среднем достигала не более 50-70 см, а местами былые полы оказались на дневной поверхности холма.

В истории существования памятника отмечаются три основных периода. В первый, и главный, период здесь, но уже по предположительно готовому плану, было возведено огромное монументальное сооружение — храм, которое претерпело несколько этапов перестроек и ремонтов, но в рамках основного периода. Во второй период, когда храм пришел в упадок, а возможно, и совсем был заброшен, его краевые части были использованы рядовыми общинниками, которые приспособили былые строения для своих жилищ, частично

застроив их помещениями жилого и хозяйственного назначения. Показательно, что эти застройки бытового назначения практически не затронули центральную часть памятника или, иначе, крепость. В третий период и рядовые общинники ушли отсюда, а бывшие помещения их были приспособлены под кладбища. Судя по тому, что могильные ямы перерезают основания бывших стен, кладбище здесь образовалось, когда многие помещения уже находились в руинах.

С самого начала строители обвели естественный холм гигантским прямоугольником внешних стен с общими размерами 140 на 100 м, точно ориентировав их по странам света. Ширина этой внешней стены достигает 2,5 м, так что, по мнению специалистов, бывшая высота достигала 5-6 м. По углам были устроены круглые, а по периметру — полукруглые, полые внутри башни, но никаких следов кирпичных лестниц обнаружено не было (рис. 27).

В северо-западном и северо-восточном углах внешней обводной стены были устроены две специально выделенные площадки бесспорно особого назначения (рис. 28).

Первая из них, "площадка с платформами", сохранилась очень плохо — можно судить лишь о главных ее чертах. Здесь прямо в материке были устроены две кирпичные платформы прямоугольной формы, из которых лучше сохранившаяся, южная, имеет по краю невысокую кирпичную оградку с двумя нишами и проходами. Тот факт, что оградка платформы выложена из одного ряда кирпича, указывает на ее небольшую высоту при самом строительстве. Иначе говоря, это могла быть открытая платформа с оградкой по краю, с одним проходом и двумя нишами, но не имеющая бытового назначения. Вторая платформа — много худшей сохранности, но и она первоначально имела оградку.

Рядом с ними, и тоже в материке, выпущено пять прямоугольных камер, вытянутых цепочкой в ряд и сильно обожженных изнутри. Эти алтари огня не имеют внизу отверстий-продухов, что начисто исключает их бытовое назначение (рис. 29, N 9). К моменту раскопок они оказались специально сплошь засыпаны рыхлой землей, так что лишь на дне имелись явно зольные прослойки. В одной из камер был обнаружен амулет, изготовленный из гретого стеатита, с гравированным изображением лежащего животного, предположительно с какими-то знаками над его спиной. В целом площад-

ка с платформами, скорее всего, являлась местом, где проходили культовые церемонии, связанные с длительным горением огня.

Вторая, так называемая алтарная, площадка сохранила пол, выложенный сплошь регулярной кладкой кирпича, на которой располагаются несколько взаимосвязанных помещений, особое назначение которых подчеркивается тем, что не только их стены, но и полы сплошь покрыты белоснежной гипсовой обмазкой, местами в несколько слоев. Перед этим небольшим комплексом помещений, с северной стороны, располагаются двор и два круглых, но разных размеров, алтаря, связанные с помещениями двумя общими проходами.

Меньший (рис. 29, N 1) алтарь представляет собой круг, сложенный из кирпичей на высоту около 0,5 м, он оказался заполненным толстым слоем слежавшейся золы белого цвета и заложеным, как бы запечатанным сверху, аккуратной кладкой кирпича в один ряд. Стены и пол сохранили следы слабого влияния огня, что не идет ни в какое сравнение с вышеописанными алтарными камерами.

Более сложен вопрос о конструкции второго алтаря (рис. 30). С самого начала в материке была вскрыта огромная круглая яма, стены которой изнутри были выложены кирпичами. Почти на трехметровой глубине этой ямы разводили ритуальный огонь — к моменту раскопок сохранился слой чистой золы. Сверху этот слой был тщательно обмазан слоем глины, на котором затем были построены две кирпичные стены, перекрещивающиеся в центре, образуя четыре сегмента. В каждый из сегментов было поставлено по пять огромных пифосов, причем все вверх дном, среди которых выделяется один маленький чайник, но не с одним, а с двумя носиками, точно соответствуя аналогичным, происходящим из могил северного Афганистана.

Вся эта крестообразная конструкция сверху была полностью засыпана чистым песком на толщину около 0,5 м и затем снова обмазана глиняной обмазкой, за которой идет слой золы, исключая центральную часть. Возможно, что этот центральный круг отмечает место, где стояла переносная жаровня, на которой совершались жертвенные ритуалы, связанные с огнем, свидетельством чего и является зола, рассыпанная вокруг центральной части.

Наконец, в последний период устраивается алтарь, покоящийся на нижележащих слоях, но не с горизонтальным, а с углубленным чашевидным дном с небольшой ямкой в центре, заполненной золой и угольками. Показательно, что на протяжении всего времени существования алтаря вход всегда был один и вел в рядом расположенное помещение. Обращает на себя внимание "пятно" диаметром около одного метра, в виде тонкой корочки от какой-то засохшей жидкости, включающей следы жира, расположенное у самого входа, на поверхности кратерообразного дна алтаря. Подобно рядом находящемуся малому алтарю, и этот оказался сплошь заложённым, как бы запечатанным внутри, кирпичами. Аналогичную картину можно было видеть на тепе Нуши Джан, где к моменту раскопок алтарь также оказался заложённым сырцовыми кирпичами.

Судя по засохшему "пятну" у входа в большой алтарь и обнаружению здесь же костяной трубочки с гравированными человеческими глазами, употреблявшейся для культовых возлияний, думается, что сам алтарь был связан с культовыми возлияниями. Осталось добавить, что на полу помещения, непосредственно примыкавшего к большому алтарю, находилась крупная стеатитовая многолучевая розетка, выполнявшая роль эмблемы; точно такая же, но более тщательно изготовленная, происходит из разграбленных могил Бактрии. Нас не должно смущать то, что раскопанные здесь алтари не вытянуты вверх, а, напротив, очень низкие — крупнейший специалист зороастрийской религии М. Бойс прямо отмечает, что зороастрийские алтари были невысокие и располагались "на уровне глаз сидящего человека".

Но вернемся к общей планировке всего комплекса. Как мы помним, первая внешняя ограда Тоголок-21 была не построена внутри и, видимо, предназначалась для вмещения большого количества паломников. Сами культовые ритуалы происходили в двух северных углах: на площадке с алтарями, где производились жертвоприношения, и на площадке с платформами, где совершался культ огня.

Внутри этого внешнего прямоугольника стен располагается второй, размером 80 на 70 м, с круглыми башнями по углам и полубашенками по периметру стен. Вся внутренняя часть этого прямоугольника оказалась незастроенной, исключая западную, где вдоль стены располагается свыше 30

вытянутых в цепочку, удивительно однотипных, а главное, чрезвычайно узких камер с проходами в торцевой части. На полах некоторых из них находился тонкий, желтоватого цвета, слой органических остатков, который, по определению специалистов — биологов Московского Государственного Университета, содержал шерстяные волокна и, видимо, образовался от подстилок типа кошм. В таком случае это могли быть специальные кельи, а учитывая неудобные узкие размеры — кельи аскетов, так как рядом было сколько угодно свободного места для возведения нормальных для проживания в них комнат.

Наконец, внутри этой прямоугольной ограды было встроено центральное здание размером 60 на 50 м, с круглыми башнями по углам и полубашенками по середине западной и восточной стен. Ширина стен достигает 4,5 м, что по мнению архитектора В. Антонова предполагает общую высоту стен до 10-12 м. На это строительство должно было быть использовано около одного миллиона сырцовых кирпичей!

В северной части всего комплекса располагается широкий въезд, оформленный с двух сторон выступающими вперед прямоугольными пилонами (рис.31).

Судя по тому, что строители поместили "крепость" в центре всего, за высокими стенами двух оград, думается, что это и была самая главная, сакральная часть в системе всего монументального комплекса Тоголок-21. Застройка внутри крепости отличается поразительной четкостью прямоугольных помещений, образующих строго продуманную планировку, подчиненную ее функциональному назначению. Вся внутренняя застройка крепости цепочкой узких коридорообразных помещений, идущих по линии восток-запад, делится на две почти равные части: северную — парадную и южную — подсобную.

Парадная половина выгодно отличается от подсобной тем, что практически все составляющие ее помещения сохранили не только на стенах, но и на полах белую гипсовую обмазку (иногда до 7-8 ремонтных прослоек), что уже само по себе указывает на их особое, не бытовое назначение. Центральное, организующее место парадной части занимает помещение Т 23 или, иначе, крытый дворик с вестибюлем (помещение Т 20) и тремя обводными коридорами (помещения Т 14, 24 и 39), составляя сакральную часть в системе всей

крепости. Думается, что именно здесь происходили культовые церемонии, и хотя конкретные формы их остаются неизвестными, в какой-то степени о них можно судить по тому, что на каком-то этапе внутри произошли перестройки, связанные с ритуальными жертвоприношениями. Именно на этом же этапе в северо-западном углу крытого двора устраивается и керамическая выстилка с отходящей под пол дренажной системой в виде желоба, составленного из обломков крупных сосудов. По аналогии с жертвенными местами Месопотамских храмов, и это могла быть специально устроенная площадка, где производилось закалывание жертвенных животных, а кровь по желобу стекала под пол. Наконец, в противоположном, юго-западном, углу в пол был закопан огромный, конической формы чан, органические остатки которого содержали микроскопические веточки эфедры.

В парадной части выделяются также два однотипных помещения (Т 8 и 36) с кирпичными возвышениями в торцевой части, видимо выполнявшими роль своеобразных подиумов, также покрытых белоснежной гипсовой обмазкой. Возможно, оба эти помещения — своеобразные молельни. Точно такие же молельни, с такими же суфами-возвышениями, располагались в центральной части круглого храма на Дашлы-3, начисто исключая элемент случайного совпадения. Показательно, что в системе всей планировки крепости обе молельни располагаются рядом, в одном микроблоке, изолированном от крытого двора, но зато связаны с микроблоком, расположенным непосредственно южнее. Особое место занимают девять камер, расположенных по обе стороны от центрального коридора. Не исключено, что они являлись кельями, в которых жили храмовые служители. Здесь же отметим, что на втором этапе основного периода в середине коридора был устроен глубокий колодец, а в заключительный период кельи были заложены (подобно алтарям) сплошной кирпичной кладкой. В одной келье в кирпичной кладке была найдена каменная трехгранная призма с гравированным изображением, типичным для месопотамской глиптики: гора с деревом на вершине — предположительно, символ бога Мардука. Вместе с тем змеи, вставшие на свои хвосты по обе стороны от горы с деревом, — чисто местный, маргианский мотив.

Помещения южной, подсобной, половины крепости не имеют полов с гипсовой обмазкой, и помимо микрокомплекса с кельями особое место здесь занимает помещение Т 34, которое посредством узких проходов соединяется с крытым двориком, что лишний раз указывает на их культовую функциональную взаимосвязь. По внутреннему устройству это помещение резко отличается от всех остальных, так как вдоль его стен идут специальные ступенчатые кирпичные возвышения, в которые были вкопаны огромные, свыше одного метра высотой, сосуды типа пифосов. К моменту раскопок сохранились только их нижние части, оказавшиеся снаружи покрытыми толстым слоем гипсовой обмазки, переходящим на само возвышение, намертво скрепив пифосы и возвышения между собой. Кроме того, на возвышениях сохранились остатки своеобразных ванночек, выдавленных в толстом слое гипса.

Органические остатки, взятые со дна пифосов, были исследованы профессором Н.Р.Мейер-Меликян. Были выявлены микроскопические веточки эфедры — растения, содержащего алкалоидный экстракт эфедрин. Здесь же на полу была обнаружена костяная трубочка с гравированными человеческими глазами, внутри которой была обнаружена пыльца мака. Наконец, на каменных терках и пестиках как этого, так и других помещений, также были выявлены микроскопические остатки зерен мака, еще одного алкалоидного растения. Суммируя полученные фактические данные из помещения Т 34, можно считать доказанным, что оно было связано с процессом приготовления опьяняющих и галлюциногенных напитков, способных приводить человека в состояние эйфории. И, видимо, не случайно на вышеупомянутых костяных трубочках всегда выгравированы только лишь преувеличенно большие глаза с расширенными зрачками.

Итак, впервые в мировой археологической практике на Тоголок-21 удалось обнаружить ископаемые остатки растений эфедры и мака, использовавшихся человеком для приготовления опьяняющих и галлюциногенных напитков. До этого открытия в науке живо дискутировался вопрос, какое же конкретно растение употреблялось для этих целей. Предполагалось, что это могли быть конопля, мандрогора, мак, особый вид гриба-мухомора и другие. Очевидно, что в разных регионах обширного обитания индоиранских племен могли употребляться разные из перечисленных растений, но в Мар-

гиане это была эфедра и, видимо, мак. Эфедра до сих пор произрастает в предгорьях Копет Дага, и можно считать доказанным, что маргианские племена совершали многокилометровые экспедиции сюда за этим растением. И в этом нет ничего необычного, так как до сих пор современные зороастрийцы Индии специально приезжают в Иран и вывозят оттуда эфедру, так необходимую им для изготовления напитка типа сомы-хаомы.

Если теперь обратиться к находкам крепости Тоголок-21, то нетрудно убедиться в наличии здесь всех компонентов, необходимых для приготовления напитка типа хаомы. В самом деле, крупные чаны с остатками эфедры были обнаружены во многих помещениях, на полах которых к тому же находилось огромное число каменных терок, пестиков, зернотерок — в количестве, превышающем во много раз потребности обычных бытовых нужд.

Столь же показательны небольшие цедилки со сквозными отверстиями на дне, и в особенности характерной формы конические сосуды с круглым отверстием в центре дна. Если прикрыть это отверстие кусочком ткани или клочком овечьей шерсти, сосуд прекрасно мог служить для процеживания. Если теперь вспомнить веточки эфедры в комплексе со всеми этими находками, то ответ может быть только однозначным: в крепости Тоголок-21 шел процесс приготовления культового опьяняющего напитка типа сомы-хаомы, который затем использовался в ритуальных церемониях. Теперь уже нетрудно представить себе, что сами эти церемонии проходили у вышеупомянутого комплекса алтарей, где местные жрецы совершали культовые возлияния, в результате чего и могла образоваться тонкая корочка: большое "пятно", которое было расчищено археологами у самого входа в большой алтарь.

Но бесспорно решающим было нахождение специальных культовых сосудов средних размеров, верхние бортики которых украшают маленькие, наклепные скульптурные фигурки птиц, людей и животных. Присутствие этих хрупких, легко ломающихся фигурок на чисто отметае предположение об обычном, бытовом применении таких сосудов, указывая на специальное, культовое их назначение.

На полах помещений крепости были встречены не только фрагменты, но археологически целые сосуды с наклеп-

ными фигурками по бортику. Наиболее полное представление о культовых сосудах Маргианы дает сосуд, найденный по соседству с Тоголок-21, почти полный скульптурный фриз которого сохранился. Но кроме того внутри сосуда находилось еще пять миниатюрных сосудинок, составляя все вместе целый "питьевой набор".

Как правило, центральное место среди фигурок занимают изображения стоящих рядом друг с другом двух людей. Одна из фигурок держит младенца у груди, а вторая показана в явно униженной позе: с руками за спиной и опущенной головой. Долгое время тематика их оставалась не совсем ясной, и по логической ассоциации предполагалось, что ребенок держит мать, пока одна счастливая находка на Тоголок-21 не внесла окончательную ясность. В одном из помещений археологам попался целый сосунок типа кринки, обычный для этого памятника, но с одним отличием: внутри сосунока находилась не обычная насыпная земля, а две человеческие статуэтки. Сделаны они были из необожженной глины и до деталей наминали вышеописанные налесты на культовых сосудах с одной, но существенной, разницей — с четко выраженными признаками пола. Дело в том, что все прежние фигурки были вылеплены обобщенно. В данном случае в сосуде находились, вероятно, индивидуальные произведения, выполненные для кого-то, занимавшегося магией. На это указывает множество костяных осколков, глубоко воткнувшихся в тела фигурок (рис. 32).

Против всяких ожиданий оказалось, что ребенка на груди держит не женщина, а мужской персонаж, в то время как женщина показана с заведенными назад руками. Думается, что как центральные персонажи на культовых сосудах, так и две статуэтки внутри кринки, передают образы главных героев тех мифов, что широко были распространены в местной среде. Такие композиции представляют собой своеобразные "конспекты" или, иначе, "цитаты" подобных мифов, понятные каждому жителю Маргианы. Именно потому, что они, являлись общепонятными символами, профессиональные гончары и не детализировали свои произведения, вполне справедливо полагая, что они и так понятны даже самым малым детям. Такое положение можно сравнить с распятиями — независимо от мастерства, большей или меньшей дета-

лизации, каждому ясно, что и какой эпизод отражает человеческая фигурка, распятая на кресте.

Если справедливо мнение, что культовые сосуды действительно специально изготавливались для наполнения их напитком типа хаомы, то логично предположить, что с этой же темой связаны скульптурные фризy на их бортиках. Они могут отражать мифы, связанные с этим божественным напитком, мифы, которым в "Авесте" и особенно в "Ригведе" посвящены многие десятки, если не сотни, хвалебных гимнов. В этом плане особый интерес представляет один миф "Ригведы", в котором повествуется об обожествлении растения сомы, где уже бог Сома выступает как дитя бога Грома и Земли. Во многих древних религиях мира небо выступает как мужское, а земля — как женское начало, с чем заманчиво сопоставить семантику фризyв на культовых сосудах. В таком случае этот общий индоиранский миф может найти свое скульптурное отражение на этих фризax: бог грома насильно отбирает у матери их общее дитя, вознося его на небо и тем самым давая ему статус бога Сомы-Хаомы.

Помимо Маргианы такие культовые сосуды столь же широко были распространены в Бактрии, где они помещались в могилы в качестве заупокойных приношений. Подобно маргианским, и здесь на бортиках имеются налпнные фигурки диких и домашних животных (в том числе двугорбых верблюдов), птиц и людей. На одном таком фрагменте сохранилась композиция, включающая двух борющихся людей, один из которых делает ногой подсечку другому. Налицо все та же идея противоборства — возможно, представлен эпизод борьбы за общее дитя. Из тех же разграбленных могил Бактрии происходят разрозненные обломки одного культового сосуда, среди которых выделяется фрагмент с изображением явно мужской фигуры с расставленными в "борцовской" позе руками. За пояс его, сзади, заткнут топор — непременный атрибут бога-громовержца, обитавшего, по поверьям древних, на небе. Это еще раз свидетельствует о связи скульптурных фризyв таких культовых сосудов с мифами "Ригведы".

Документально засвидетельствованный факт нахождения внутри большого маргианского сосуда пяти маленьких предполагает, что все вместе они, скорее всего, употреблялись при культовых возлияниях. В таком случае это могло быть ритуальное питье сома или хаома, напиток бессмертия

ариев, у которых существовал особый ритуал приготовления хаомы, засвидетельствованный в "Авесте" и "Ригведе". Само слово "хаома" переводится как "выжимать, готовить сок", им обозначалось как само растение, так и выжимаемый из него сок. В священных книгах зороастризма подробно описывается способ приготовления хаомы. Для этого использовали особое растение, которое предварительно мочили в воде, затем толкли пестиками в ступках, процеживали сквозь сцдилки и затем наполняли сосуды, где он смешивался с водой, ячменными зернами, кислым молоком. Полученная смесь бродила и могла оказывать возбуждающее галлюциногенное воздействие на человека. Этот опьяняющий культовый напиток, как теперь установлено, готовился из растения эфедры, из которого получают алкалоидный экстракт эфедрин.

По данным лингвистов, это растение связывается с культом божества экстаза, магии и прорицания, так необходимым жрецам при священных церемониях, отправлении культовых ритуалов и обрядов.

Сохранилось также в "Авесте" и "Ригведе" в целом сходное описание, как хаома попал к людям. Наиболее популярный миф имеется в "Ригведе", где повествуется, что сначала люди не знали хаому — растение, произраставшее на высокой горе, высоко у самого неба. Быстрокрылый орел похитил это растение и принес на землю: "Распластавшись в полете с шумом ринулась с небес Птица, взяв сому, и понеслась над высокой вершиной к сторонникам Индры, тут отпустил тетиву стрелок Кришану, быстрый мыслью..." — хотел помешать похитить сому. Заканчивается это древнее песнопение так: "Пусть же светлый кубок — смешанный с молоком, бьющий через край чистый сок — преподнесенный жрецу лучший мед предназначит щедрый Индра для опьянения".

В "Авесте" пересказывается та же версия: бог-создатель посеял хаому на высочайшей горе, откуда растение падает на землю. "Тебя, Хаому, творцом созданного героя, поставил бог на горы Харайти. Но затем унесли тебя оттуда святые птицы по всем направлениям... и там с тех пор растешь ты, многообразный, сочный, золотистый Хаома". Хаома считался напитком бессмертия для богов, но пили его жрецы, что якобы продлевало их жизнь. "Я призываю опьянение тобой, о, золотистый хаома, — силу, победоносность, исцеление,

энергию для тела, всестороннее знание", — так говорится об этом напитке в "Авесте". Но не следует понимать, что зороастризм поощрял любое опьянение. Напротив, в "Авесте" противопоставляется священное опьянение хаомой обычному: "все другие хмельные напитки приводят к демону гнева и неистовства", "и только он — напиток хаома" ведет к священной истине. Как можно предполагать по одной сохранившейся каменной скульптуре, не только мужчины, но и женщины участвовали в подобных ритуальных опьянениях. На каменном рельефе изображена полуобнаженная женщина с опущенной головой, закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах, которую с обеих сторон поддерживают двое мужчин. Хаома — одновременно и напиток, и божество экстаза, и само состояние экстаза. Священные книги зороастрийцев сохранили для нас не только рецепты приготовления этого "божественного напитка", но и культовые ритуалы, связанные с ним. На возвышенном месте, где восседали боги, расстилалась жертвенная солома, возжигался огонь, под ритуальные песнопения из особых сосудов выплескивался напиток, совершались культовые возлияния.

До самого последнего времени лингвисты считали, что культ хаомы противоречит ортодоксальному зороастризму, но это предположение было опровергнуто работами ряда крупнейших специалистов. Тщательный пересмотр соответствующих мест в "Авесте" привел их к выводу, что Зороастр не осуждал культ хаомы. Словом, имеются веские данные предполагать, что скульптурные фигуры на культовых сосудах отражают еще неизвестные нам мифы, связанные с обожествлением хаомы. Надо полагать, это один из возможных вариантов раскрытия семантики таких скульптурных композиций, наряду с которыми существовали и другие. Доказательством тому служат помещенные изнутри многих сосудов налпные изображения извивающихся змей среди распластанных лягушек.

Культовые сосуды Бактрии и Маргианы уникальны, им нет соответствий в системе всего Древнего Востока, если не считать весьма отдаленную находку, сделанную совсем недавно в Сирии при раскопках монументального здания на памятнике Телль Брак. Здесь английские археологи обнаружили в руинах одного здания прямоугольной формы керами-

ческий сосуд, по всем четырем углам которого, извиваясь, выползают на венчик змеи.

Показательно, что раннему зороастризму было чуждо идолопоклонство. Этому в какой-то мере соответствует и то, что жители Маргианы и Бактрии не изготавливали из глины своих божков и идольчиков — их заменяли культовые сосуды, что с бесспорностью указывает на специфические культовые ритуалы и воззрения маргианцев.

Если учесть, что крепость составляет центральную часть всего комплекса и что назначение ее было связано с приготовлением культового напитка типа хаомы, то станет очевидным, что Тоголок-21 являлся храмом, в первую очередь связанным с культовыми возлияниями. В этом плане особый интерес представляет тот факт, что на части каменных терок были обнаружены мельчайшие остатки зерен мака — помимо эфедры и это растение использовалось древними в качестве возбуждающего средства, что, кстати, впервые засвидетельствовано для столь раннего времени. Но назначение храма было более широким: наряду с культовыми возлияниями существовал здесь и культ огня. Документальным свидетельством этого является вышеупомянутый малый алтарь. Нетрудно себе представить, как жрецы в окружении храмовых служителей, разлив хаому по культовым сосудам, медленно двигаясь из центральной крепости, приближались к алтарному комплексу, где в малом алтаре уже ярко полыхало высокое пламя. Процессия на глазах многочисленных паломников скрывалась в помещениях, примыкающих к алтарям, и после определенных церемоний главный жрец, держа в вытянутых руках культовый сосуд, вступал в проход большого алтаря и, произнося молитвы, медленно выплескивал священную жидкость на гладкий кратер, где уже образовывалась тонкая корочка от предшествующих возлияний.

Но, разумеется, культовые обряды были много более сложными и разнообразными, чем это представляется нам сейчас. Доказательством тому служат каменные двухсоставные изделия, встреченные рядом с культовыми сосудами. Они состоят из основания-конуса, выточенного из темного стеатита, и насаженного на него белоснежного цилиндра, изготовленного из мраморовидного камня. Цилиндр имеет на торцевой части углубление, при помощи которого он держался на конусовидной подставке, образуя вместе единое состав-

ное изделие. Отдельные цилиндры имеют форму фаллоса и, видимо, действительно были связаны с фаллическими культами, достаточно широко распространенными у многих древних племен, что, в частности, предполагается для городской хараппской цивилизации долины Инда. Все такие каменные цилиндры с Тоголок-21 сохранили в верхней части следы стертости и даже оббиты, что указывает на их использование в качестве ритуальных ступок или терочек. Не исключено, что применялись они и в астрономии — как это, например, допускается для сходных изделий городской хараппской цивилизации долины Инда. И хотя точное назначение двухсоставных изделий остается не совсем ясным, их особое, не утилитарное назначение, не вызывает никаких сомнений.

Точно так же интригующую загадку представляют так называемые миниатюрные колонки, встреченные в могилах Бактрии, а теперь — в храме Тоголок-21, но в количестве, превышающем все известные из Ирана и Афганистана, взятые вместе. На полах крепости археологи обнаружили свыше тридцати как целых, так и обломков миниатюрных колонок, выточенных из различных пород камня с завидной тщательностью и аккуратностью. Подобно бактрийским, и эти имеют высоту не более полуметра, поверхность их заглажена до зеркального блеска, на торцах сделаны специальные желобки. И хотя здесь не были встречены миниатюрные колонки с серебряными обоями, как в Бактрии — один образец сохранил на торце следы бронзовой обкладки и два узких отверстия, куда вставлялись гвоздики, крепившие такие обоямы к самому столбику (рис.33).

Зато на Тоголок-21 археологам посчастливилось обнаружить одну такую колонку с крышкой, что хотя и не продвинуло вперед вопрос об их истинном назначении, но безусловно в будущем поможет установить, для чего они предназначались в древности.

Явно церемониальный, возможно культовый, топор, отлитый из бронзы, был найден за внешней стеной крепости, лезвие его затуплено, а втулка настолько узкая, что деревянная рукоять не превышала толщины пальца. Второй точно такой же топор происходит из разграбленных могил Бактрии, а вместе они имеют западное происхождение, близко напоминающая топоры юго-западного Ирана (рис.34).

Исключительного интереса заслуживает мраморная головка быка, выполненная в лучших традициях камнерезного искусства. Рога и уши быка были изготовлены отдельно и вставлялись в специальные отверстия на голове. С тыльной стороны головка быка имеет ровную, тщательно заглаженную поверхность, а по краям — три отверстия, образуя вместе своеобразную булавку, чрезвычайно близко напоминая те, что до сих пор употребляются зороастрийскими жрецами. В этом плане показательна золотая головка быка с Алтын депе, также со вставными рогами и ушами и отверстиями для крепления. Вместе с найденными здесь же миниатюрной колонкой и гирей весь этот комплекс с Алтын депе мог быть частью жреческих атрибутов, связанных с заупокойными культами. Скорее всего, здесь мы имеем культовые изделия, связанные с ритуалами, близкими к тем, что практиковались в Маргиане, и в частности на Тоголок-21.

Если Тоголок-21 выступает как центральный храм, предназначавшийся для всех жителей страны Маргуш, и играет роль своеобразного кафедрального собора, то имелись и много меньшие сельские храмы типа приходских церквушек. В этом отношении показателен один такой храм, расположенный в тоголокской группе памятников. Здесь, в пункте Тоголок-1, высится большой холм (след поселения), бывший, судя по всему, центральным в системе этой конкретной группы памятников. Рядом, к востоку от него, находится небольшое блинообразное возвышение, общими размерами 100 на 70 м и высотой до полуметра от окружающего такыра. Именно здесь и был найден целый культовый сосуд, в косвенной форме указывая на возможность существования на этом месте еще одного храма.

Раскопки выявили остатки плохо сохранившегося здания, в центре которого располагается квадратная крепость размером 30 на 30 м при ширине кирпичных стен 1,5 м. Судя по всему, в середине северного фаса располагался центральный въезд с двумя круглыми угловыми башнями. Видимо, уже вскоре после возведения крепости ее стены стали наклоняться наружу, так что строители древности вынуждены были пристроить с трех внешних сторон контрфорсы. Внутри обводных стен крепости — взаимосвязанные прямоугольные помещения четкой планировки. Интерьеры помещений,

включая и полы, оказались покрытыми белоснежной гипсовой обмазкой (рис. 35).

Почти в центре крепости располагается своеобразный крытый дворик (помещение Т 50) с тремя проходами, ведущими в окружающие его обводные коридоры и соседние помещения. К западу от крытого дворика — прямоугольное помещение с небольшой кирпичной платформочкой в углу (помещение Т 9), покрытой гипсовой обмазкой, причем на ее поверхности было встречено несколько раздавленных целых сосудов, и в том числе цедилка с отверстием в центре. От кирпичной платформочки на полу веером расходятся три канавки, обмазанные внутри толстым слоем белого гипса (рис. 36). Крытый дворик и помещение с платформочкой до удивления близко напоминают аналогичные по назначению помещения на Тоголок-21, хотя и выстроены более просто и небрежно. Наконец, к югу от крытого дворика располагаются два однотипных помещения (Т 22 и 24), прямоугольные, с кирпичными возвышениями-суфами одной из торцевых сторон. В высшей степени показательно, что обе суфы оформлены с боков двумя выступами, образуя в плане буквы Т, и прямо копируют уже упомянутые молебни Тоголок-21 и круглого храма Дашлы-3, не оставляя сомнения в их типологическом и, надо думать, функциональном сходстве. Рядом и вокруг крытого дворика, помещения с платформочкой и молебен располагаются другие большие и малые помещения, назначение которых не совсем ясно, хотя, возможно, обширное помещение Т 14 являлось своеобразным открытым двором (рис. 37, N 2).

На полах помещений были сделаны обычные для храмов Маргианы находки: несколько каменных миниатюрных колонок, обломки от венчиков культовых сосудов со скульптурными фигурками и костяная трубочка с нацарапанными человеческими глазами — наподобие тех, что были отмечены на Тоголок-21.

Уже сама характерная планировка крепости и состав находок в ней указывают на большую близость этого здания с храмом на Тоголок-21. Правда, здесь нет той монументальности и грандиозности, четкости и симметрии, но налицо общий планировочный принцип, обусловленный их общим культовым назначением. Можно почти не сомневаться, что в комнате с платформочкой проходил процесс приготовления

напитка типа хаомы, а сами ритуальные церемонии — в открытом дворике и соединенных с ним общими проходами вышеупомянутых молебнях. Подобно Тоголок-21, и здесь имеется выстилка, но не из фрагментов керамики, а из грубых кусков гончарного шлака. От этой площадки со стоком вниз идет открытый желоб, выложенный кусками гончарного шлака, выходящий за обводную стену крепости. Последнее наблюдение с документальной точностью показывает, что подобно Тоголок-21, и здесь жертвенная площадка с дренажом построена не с самого начала, а на каком-то более позднем этапе существования всего этого комплекса.

Наконец, как и на Тоголок-21, и здесь крепость не была изолированной, а являлась центральной частью более обширного и сложного комплекса. Раскопки показали, что архитекторы древности с самого начала окружили крепость гигантским полукругом внешних обводных стен. Причем, подобно самой крепости, и эти обводные стены уже вскоре после возведения стали клониться наружу, так что для поддержания их снаружи пришлось пристроить вторую контрфорсную стену, усилив ее теперь круглыми по углам и полукруглыми по периметру внешних стен башнями. В результате уже с самого начала крепость оказалась включенной внутрь обводной стены, но не полностью, а так, что ее северная часть с прямоугольным въездом выступала наружу. Кстати, еще в процессе раскопок обратил на себя внимание тот факт, что крепость сохранила лишь две угловые башни по северному фасу, а не четыре, как этого следовало ожидать по логике их общепринятого назначения.

Правда, в ходе раскопок удалось частично расчистить угловую юго-западную башню, но, как оказалось, она была построена в более позднее время. Четвертая же башня вообще никогда не была построена. Только после полного завершения раскопок стало ясно, что такая ситуация диктовалась общей планировкой всего комплекса, когда его большая часть была скрыта за глухими обводными стенами. Иначе говоря, возведение внешней обводной стены с собственными башнями позволило укреплять крепость не всеми четырьмя башнями, а лишь только двумя по северному фасу. Вместе с тем строительство поздней, юго-западной, башни свидетельствует о постепенном сокращении всего этого комплекса, об упадке и разрушении внешних обводных стен.

Но вернемся к начальному периоду, когда крепость гордо выступала из-за обводных стен своим северным фасом, с предположительным центральным въездом в середине, фланжированными с двух сторон круглыми угловыми башнями. Вся огромная площадь внутри полукруга обводных стен оставалась ничем незастроенной, если не считать восточного участка. Здесь раскопки выявили несколько помещений правильной прямоугольной конфигурации, назначение которых остается не совсем ясным, но которые были построены сразу, вместе с крепостью и внешней, оборонительной, стеной.

Именно здесь, на восточном участке, было устроено захоронение жрицы. Была вырыта огромная могила размером 6 на 4 м при глубине около 2 м. В северной части могилы было захоронено тело умершей, которое было обложено по бокам сырцовыми кирпичами. Мы не знаем в точности, что же было положено с умершей первоначально, но свыше 100 сосудов, некогда аккуратно сложенных пирамидой в северо-восточном углу, красноречиво свидетельствуют о богатстве былых погребальных приношений.

В противоположном углу могилы были устроены кирпичные ступеньки, по которым погонщик завел в могилу двух быков в качестве жертвенных животных. Но еще до того, как они были принесены в жертву, был убит сам погонщик, который к моменту раскопок лежал в неестественной позе, на спине, с заломленной рукой. Тот факт, что кости быков частично перекрывают скелет погонщика, с неоспоримостью указывает, что быки были заколоты после него. Около быков был положен целый сосуд и рядом — небольшой медный ковшик с длинной ручкой.

После этой драматической церемонии могила была засыпана, но, как оказалось, не навсегда. Через несколько лет, когда тело покойника уже разложилось, могила была ограблена. Достигнув пола, грабители частично нарушили скелет погонщика, разграбив основное захоронение. На месте они оставили лишь ненужные им керамические сосуды, аккуратно сложенные в углу, да еще обломок миниатюрной колонки (рис. 38, N 2), но не простой, а инкрустированной белыми фигурными вставками. Это третье из известных инкрустированных изделий подобного рода. Как мы помним, еще одно происходит из разграбленных могил Бактрии и теперь хранится в Лувре в Париже, а второе происходит из восточно-

иранского поселения Гиссар и находится в университетском музее Филадельфии (США). Здесь же были найдены обломки трех ритуальных сосудов (рис. 38, N 1), некогда стоявших у тела покойника и затем выброшенных грабителями за ненужностью. Отметим, что свыше сотни погребальных сосудов, стоявших в углу могилы, представлено всего тремя основными формами, точно такими же, как у сосудов, употребляемых при культовых церемониях.

Общая планировка и состав находок на Тоголок-1 указывает, что это было культовое сооружение типа небольшого храма, предназначенного для нужд конкретного Тоголокского оазиса. Здесь жители близлежащих поселков могли совершать свои каждодневные культовые церемонии, в то время как храм Тоголок-21 являлся главным и основным. Вместе с тем показательно, что в противоположность Тоголок-21 здесь не обнаружены ни алтари огня, ни алтари для совершения культовых возлияний, что опять-таки указывает на более простые обряды и ритуалы. Правда, не исключено, что такие алтари просто не сохранились или не были выявлены раскопками, но и тогда весьма показательно, что небольшой сельский храм Тоголок-1 был предназначен для изготовления культового опьяняющего напитка, а не культа огня. В целом же храм Тоголок-1 выступает как периферийное культовое здание, выстроенное для нужд местных жителей. Здесь они совершали свои ритуалы, связанные в первую очередь с культовыми возлияниями.

Наконец, в самые последние годы небольшой храмик был раскопан на столбчатом поселении Гонур депе, где к югу от основного памятника, через небольшую седловину, располагается изолированная крепость с общими размерами 130 на 120 м, обнесенная по внешнему краю широкой кирпичной оборонительной стеной и мощными круглыми башнями по ее углам. В северной части располагается центральный въезд, оформленный с двух сторон выступающими вперед пилонами. Хотя раскопки всей крепости еще далеки от окончательного их завершения, тем не менее уже сейчас можно считать, что в южном углу этой крепости располагался небольшой храмик, как бы представляющий собой миниатюрную копию храма Тоголок-21. И здесь все это сооружение четко делится на две части: северную — парадную и южную — подсобную. Центральное место в парадной части занимает внутренний

дворик с обводными коридорами и прилегающими к нему тремя вытянутыми, обширными помещениями, полы и стены которых были покрыты белоснежной гипсовой обмазкой (рис. 39).

В южной, подсобной, части выделяется обширное помещение, в углу которого располагается небольшая комната с возвышением у одной из стен, с вмазанными в него тремя чашами, которые скреплены с возвышением толстой гипсовой обмазкой. Эта гипсовая обмазка поднимается на прилегающую стену, но не сплошь, а тремя широкими полосами, между которыми, видимо, располагались рельефные выступы, не сохранившиеся к моменту раскопок. Осталось добавить, что стены и полы этого помещения также были сплошь покрыты белоснежной гипсовой обмазкой.

Содержимое чаш было исследовано профессором МГУ Н.Р.Мейер-Меликян, в результате чего удалось с документальной точностью установить, что в сосудах некогда находились остатки растений в виде плодов, семян и стеблей конопли и эфедры и в меньшей степени — мака, т.е. именно тех растений, из которых добываются наркотические вещества. Особенно много было найдено в чашах остатков конопли, из экскрета которой приготавливают гашиш, использующийся для жевания в качестве опьяняющего средства, вызывающего у человека повышенную чувствительность, восторг, шумную веселость, расширение зрачков, галлюцинации зрения и слуха.

Как становится очевидным, эта комната, подобно уже известным "белым комнатам" других храмов Маргианы, также была связана с приготовлением опьяняющих культовых напитков типа сомы-хаомы, не оставляя никаких сомнений в особом, культовом назначении этого здания. Показательно, что эта "белая комната" находилась внутри много более обширного помещения, на полу которого обнаружено восемь совершенно целых (или частично фрагментированных) так называемых "керамических подставок", назначение которых оставалось неясным. Теперь же, в контексте с "белой комнатой", где происходил процесс брожения галлюциногенных напитков, думается, что на такие подставки устанавливали керамические цедилки, в виде средних размеров сосудов конической формы, с отверстием в центре дна. Поставленные на такие подставки с прикрытым клочком шерсти отверстием

в дне, они в наилучшей степени служили для процеживания и отделения полученного сока от растительных остатков: стеблей и плодов конопли и эфедры. Естественно думать, что предварительно под такие керамические подставки устанавливались специальные сосуды, в которые и стекал процеженный таким образом сок.

Подобно храму Тоголок-21 и здесь, рядом с храмиком, в углу прилегающего двора располагались три впущенные в материк и обложенные изнутри кирпичами камеры со следами сильного воздействия огня. Думается, что и здесь мы имеем дело с алтарями огня, где храмовые служки разводили священный огонь. Это указывает, что наряду с культовыми возлияниями и здесь большое место занимал культ огня.

Напротив храма, в противоположной, северной, части крепости Гонур располагается жилой квартал с обычными помещениями жилого и хозяйственного назначения. Короче говоря, это была бы довольно обычная бытовая застройка, если бы не одна, в высшей степени показательная находка на полу одного из этих помещений: массивная медная печать, отлитая в виде орла в геральдической позе с широко распростертыми крыльями и гордо повернутой в сторону головой.

Казалось бы, интересная, но уже достаточно известная находка, однако значение ее трудно переоценить из-за другой находки из противоположной части раскопок. Здесь, в одном из хозяйственных помещений уже упоминавшегося храма, были обнаружены пифосы, глубоко зарытые в полы комнат. Внутри одного пифоса была найдена глиняная булла, или, иначе, пломба, которой в свое время запечатали горло пифоса. Так вот, на этой-то глиняной пломбе четко сохранился оттиск орла в геральдической позе, точно соответствующий изображению на печати из жилого помещения частного дома, располагавшегося напротив храма. Логическая цепь замкнулась — очевидно, что в этом помещении проживал один из тех, кто был связан с обслуживанием храма. Теперь уже не остается никаких сомнений, что в жилом квартале, располагавшемся напротив храма, проживала его обслуга — храмовые служки, следившие за нормальным функционированием храма.

Трудно переоценить значение открытия еще одного храма в Гонуре, третьего в Маргиане, когда все три связаны были с приготовлением культовых напитков типа сомы-хао-

мы и одновременно с культом огня. Показательно также, что объединяет их между собой и общий планировочный принцип: наличие в каждом внутреннего дворика в обводе коридоров и рядом находящейся "белой комнаты" (рис. 40). Эта архитектурная закономерность четко повторяется в "кафедральном храме" Тоголок-21, "сельском храме" Тоголок-1 и "дворцовом храме" на Гонуре, лишний раз подчеркивая существование у местных племен традиционных культовых сооружений, связанных с племем и тем же культом огня и возлияний. Думается, что в "белых комнатах" происходил сам процесс приготовления галлюциногенных напитков, в то время как во внутренних двориках совершались ритуальные церемонии культовых возлияний.

Итак, в древней стране Маргуш, авестийской Моуру, археологические исследования увенчались открытием храмов, связанных с культом опьяняющего напитка типа хаомы или сомы, который был особенно популярен в среде индоиранских племен и вместе с тем — в зороастрийской религии.

Выше уже отмечалось, что Зороастр не придумал совершенно новую религию, а реформировал старую, существовавшую у его соплеменников. Иначе говоря, он включил в свое учение старые верования и культовые представления, видоизменив их в угоду своей концепции. В таком случае есть все данные предположить, что в его учение были включены и старые культы, связанные с опьяняющим напитком хаомой, которые являлись вековыми традициями местных племен и которые Зороастр не мог упразднить совсем, если не хотел потерять всех своих приверженцев. Культ хаомы был включен в реформированную религию, но с оговорками, и в частности, последователи нового учения могли отказаться от былых пышных храмов, заменив их простой площадкой-возвышением под открытым небом. Иначе говоря, новоявленный пророк мог до предела упростить обрядовую сторону старого культа, видоизменив и форму культовых ритуалов.

Если подойти к интерпретации храмов Тоголок-21 и Тоголок-1 именно с таких позиций, то их следует рассматривать как храмы дозороастрийских культов, которые были, хотя и в переработанном виде, включены в новое учение Зороастра. А кроме того следует вспомнить, что одновременно с тем, как на Тоголок-21 проходили церемонии культовых возлияний, в Бактрии, в храмах типа Дашлы-3, совершались

несколько иные обряды, что как будто бы противоречит официальному зороастризму. Думается, что все эти монументальные памятники Бактрии и Маргианы принадлежали родственным индоиранским племенам и были созданы еще до появления религии зороастризма. Затем, в переработанном виде, в той или иной форме они служили новоявленному пророку. По крайней мере со всей уверенностью можно утверждать, что как в Бактрии, так и в Маргиане накануне появления зороастризма существовали культы огня и опьяняющего напитка, их последующие традиции четко прослеживаются в учении Зороастра. Хотя и в косвенной форме, но есть основания предполагать, что близкие культы и обряды существовали в восточном Иране и Белуджистане, где найдены обломки культовых сосудов со скульптурными фигурами на бортике и миниатюрные колонки. Использование сходного культового инвентаря в косвенной форме может указывать на существование сходных культовых представлений и ритуалов, что находит свое подтверждение на новом археологическом материале.

Если теперь сравнить бактрийские и маргианские храмы между собой, то при бесспорных общих архитектурно-планировочных отличиях, налицо достаточно устойчивый комплекс сходных признаков, в той или иной степени повторяющийся на всех этих памятниках. Так, в Бактрии круглый храм и Джаркутан четко делятся на парадную и подсобную части, что находит свою реплику в храмах Тоголок-21 и Тоголок-1. Точно так же практически во всех бактрийских храмах в той или иной комбинации использованы узкие, перекрытые сверху камеры, что находит свое полное соответствие в Тоголок-21 и Гонур-1. В Джаркутане зола из алтарей огня собиралась в хранилище священной золы, в специальном помещении. В Тоголок-21 и Гонур-1 она ссыпалась в одно определенное место — к юго-востоку от самих храмов. Об аналогичных по устройству молебных круглого храма Тоголок-1 и Тоголок-21 упоминалось выше (рис. 41), точно так же предполагаемая винодельня Джаркутана близко перекликается с помещениями для приготовления напитков типа сомы-хаомы в Тоголок-21, и в особенности Тоголок-1, а так называемые металлоплавильные очаги Джаркутана, соответственно, достаточно близко напоминают огненные камеры Тоголок-21 и Гонур-1.

Налицо определенный набор архитектурно-планировочных признаков, в разных комбинациях и сочетаниях повторяющихся в храмах Бактрии и Маргианы, что указывает на их общее генетическое родство и происхождение. Но точно так же очевидно, что бактрийско-маргианская школа зодчества в обеих этих исторических областях появляется в готовом виде и не имеет местных традиций. Думается, истоки этой монументальной архитектуры следует искать в более западных областях, и в первую очередь в Иране, так что, возможно, вышеотмеченные параллели с Нуши Джан в Мидии, хотя еще выступающие в самой общей форме, имеют под собой реальные историко-культурные обоснования.

В заключение необходимо отметить, возможно не случайное, обстоятельство, что в Бактрии все три храма имеют отличную друг от друга форму, в то время как в Маргиане оба храма — Тоголок-1 и 21 — практически повторяют друг друга. Если общая планировка таких зданий отражает их конкретное функциональное назначение, то следует признать, что в Маргиане наиболее распространены были храмы, связанные в первую очередь с приготовлением одурманивающих напитков и культовыми возлияниями и лишь затем — с культом огня. В таком случае можно допустить, что в среде местных древнемаргианских племен эти конкретные культы имели вековые традиции, это были народные культы, которых твердо придерживались местные племена. Тогда можно с большой долей вероятности предполагать, что именно в Маргиане следует искать существование тех древних верований и культов, которые позднее в реформированном виде будут включены в зороастрийскую религию. В частности думается, что культ хаомы и ритуальных возлияний, занимающие столь важное место в зороастризме, могли быть заимствованы новым пророком Заратуштрой из народных верований и культовых обрядов преимущественно Маргианы, что естественно предполагает и соответствующее заимствование этико-философских концепций, чрезвычайно высоко развитых в среде местных древнемаргианских племен.

Одним словом, создается впечатление, что в Бактрии, где бесспорно были известны культовые возлияния, более были распространены храмы огня, в то время как в Маргиане — культы галлюциногенных напитков при безусловном

существовании культов поклонения огню, которые, однако, играли второстепенную роль.

Отсутствие письменности порой является трудно преодолимым барьером для понимания духовной жизни людей, и в частности тех, что во II тыс. до н.э. обитали в Бактрии и Маргиане. В подобной ситуации едва ли не единственным источником информации являются памятники древнего изобразительного искусства, в той или иной форме запечатлевшие духовную жизнь и идеологические представления изготовивших их людей.

Для нашей темы такими источниками в первую очередь являются изделия древней глиптики и сфрагистики — каменные амулеты и медно-бронзовые печати. Особого внимания заслуживают те из них, что некогда были украшены не только простыми рисунками, но и сложными, явно тематическими композициями. Установлено, что гравированные изображения на печатах не являлись отражением бездумной фантазии изготовивших их мастеров, а напротив, они отражают сложные идеологические представления, закодированные в виде "цитат" или "конспектов" былых мифов. Именно такие тематические композиции и донесли до нас через прошедшие тысячелетия те идеологические представления, что были распространены среди племен, обитавших в Бактрии и Маргиане. В результате беспресцендентных по масштабам хищнических раскопок многих тысяч могил на антикварный рынок Кабула хлынул поток былых погребальных приношений, и в том числе амулетов и печатей. Хотя большая часть их безвозвратно пропала в частных коллекциях мира, значительная часть таких изделий осела в музеях Европы и Америки и стала достоянием исследователей.

Бесспорно наиболее многочисленный тип составляют печати с изображениями креста и его вариаций. Имеются простые круглые печати, внутреннее пространство которых занимает крупный крест или в центре вписан миниатюрный крестик, соединенный с внешним ободком печати добавочными соединительными прямыми или полукруглыми полосками. Как разновидность можно отметить круглые печати, внутрь которых вписаны кресты с четырьмя дополнительными

ми лучами, также образующим крест. Наконец, имеются круглые печати, внутри которых вписаны крупные кресты, концы их оформлены либо в виде трезубцев, либо кружков, на одной печати крест образован фестончатыми лопастями. Печати этого типа достаточно широко были распространены на восточно-иранском плато, что и не удивительно, если учесть довольно очевидную культурную близость живших здесь племен.

До сих пор интригующую загадку составляет великолепная коллекция близких, а в ряде случаев идентичных, печатей перегородчатого типа, но происходящих, подобно большинству бактрийских, из грабительских раскопок могил на севере Китая в верховьях Желтой реки. Точное происхождение их до сих пор неясно, хотя впервые они появились на антикварном рынке еще в начале века. Печати настолько отличались от собственно китайских, что вскоре были опубликованы как принадлежащие христианам, которые, спасаясь от гонений, нашли убежище в восточном Туркменистане. Доказательством тому послужило то обстоятельство, что в этой коллекции имелись печати крестовидной формы. А кроме того, имелись здесь и фигурные печати в виде птичек, определенных как голуби — общеизвестные символы христианской религии. В то время, когда изучалась эта коллекция, науке вообще не были известны перегородчатые печати бактрийско-маргианского типа, так что исследователям не с чем было их сравнить.

Иное дело сейчас, когда мы имеем богатую коллекцию сфрагистики, в особенности происходящей из Бактрии, в которой крестовидные печати не только похожи, а зачастую копируют китайские. Сходство настолько близкое, что возникает вопрос, не принадлежат ли они племенам, родственным бактрийско-маргианским по культуре? Вопрос этот может быть решен лишь после научных раскопок, но уже сейчас подмечено, что, возможно, не случайно они располагаются на "Великом Шелковом пути", хотя и более позднего времени.

Особую группу составляют скорпионы, всегда выполненные в полном согласии с натурой. На месопотамских цилиндрах изображения скорпионов не являются редкостью, там они сопровождают эротические сцены, что, как считают, связано с идеей плодovitости. С другой стороны, можно допустить и иное предположение: скорпионы, ведя ночной об-

раз жизни, скрываясь от яркого солнца и прячась в тени, могли олицетворять собой секретные силы природы.

Хотя изображения этих паукообразных, типичных для сухой, степной зоны Средней Азии, могли возникнуть независимо друг от друга, показательно, что в древнем искусстве южного Туркменистана, северного Ирана и Афганистана изображения скорпионов неизвестны вплоть до рассматриваемых печатей. Однако в центральном Иране рисунки скорпионов, хотя и изредка, но уже появляются на древнейшей посуде и печатях.

Изображения скорпиона трижды выгравированы на одном призматическом амулете с поселения Дашлы-1, свидетельствуя о его большом символическом значении в местной мифологии. Выделяется крупный амулет, на котором выгравирована пара скорпионов, а на обороте — человеческая ладонь с четко моделированными пальцами. В другом случае скорпиону сопутствует крылатое животное, отдаленно напоминающее крылатую лошадь со змеей под животом.

Скорпион изображен на крупном лазуритовом амулете ромбической формы, на другой стороне которого имеется рисунок в виде четырех линий, расходящихся из центра в стороны.

Показательна медная ажурная печать из Маргианы, в центре которой помещена крупная фигура скорпиона, по бокам — пара орлов в геральдической позе, но много меньших размеров, что лишний раз должно было подчеркнуть значительность главного персонажа.

Судя по некоторым амулетам, в культовой символике Бактрии и Маргианы особое место занимали рисунки растений, которые с упорным постоянством мастера-камнерезы гравировали на своих произведениях. Вместе с тем показательно, что среди таких изображений четко выделяются рисунки кустарника эфедры, и в особенности мака, причем последние показаны как в виде бутона, так и отцветшей корбочки. В этом плане в высшей степени показателен один бактрийский амулет, на котором стебель мака с коробочкой, заполненной семенами, обвивает злобно оскаленная, извивающаяся змея, если не змеиный дракон (рис. 13, N 4)). Почти можно не сомневаться, что эта композиция отражает идею охраны змеиным драконом растения, игравшего особую роль в ритуалах древних бактрийцев и маргианцев, так как теперь

с точностью установлено, что из мака приготавливались специальные одурманивающие напитки, употреблявшиеся жрецами в культовых церемониях.

Наряду с изображением реальных существ имеются и фантастические, в том числе животные с птичьими головами, до определенной степени напоминающие мифологических грифонов. Так, известна печать с изображением крылатого грифона с запрокинутой вверх головой и широко раскрытой пастью. Один каменный амулет сохранил рисунок фантастического существа наподобие грифона с головой и крыльями птицы, а телом хищного животного. Массивное тело грифона опирается на пару когтистых лап, под животом изображено извивающееся мохнатое членистоногое, голова которого тянется к задним ногам грифона. Рисунок с оборотной стороны стерт настолько сильно, что читается лишь извивающаяся змея под животом, предположительно, еще одного грифона.

Грифоны чрезвычайно редки в репертуаре бактрийских мастеров, только лишь еще в Маргиане известен один подобный персонаж: лежащий на земле грифон с телом животного, небольшой птичьей головой, посаженной на длинную шею и повернутой назад, из плеч вверх устремляются длинные крылья.

Небольшую группу составляют каменные и медные амулеты с изображениями змеевидных драконов, на одном из которых выемчатой техникой выгравировано извивающееся существо с четко выделенными ножками. Среди этой группы выделяется амулет, изготовленный из белого известняка, на одной плоскости которого изображена замысловатая плетенка без начала и конца, а на другой — извивающийся дракон с высоким гребнем на голове, огромным выпученным глазом, косматой бородой и ножкой с перепончатой лапкой.

Имеются также медно-бронзовые печати, отлитые в виде извивающихся драконов с ушастой головкой, близко напоминающей мордочки летучих мышей. Исключительного интереса заслуживает изображение извивающегося дракона с антропоморфной мордой: небольшие круглые глаза, широкий мясистый нос, обвислые щеки и широко растянутый в улыбке рот, круглые уши. Изображение дракона с мохнатым змеиным телом и человеческой головой находит впечатляющие параллели в эламской глиптике более древнего времени, что может указывать на культурное влияние, идущее из юго-за-

падного Ирана в Бактрию. Наконец, показательны изображения крылатых драконов с маленькой головкой и извивающимся по-змеиному телом.

Наряду с этим существуют печати, отлитые в виде силуэта змеи; иногда это сильно извивающаяся змея, помещенная в центр круглой ажурной печати, иногда — две переплетенные между собой змеи, возможно в процессе капюляции, наконец — клубок змей, настолько замысловато перекрученный, что с трудом различаются сами рептилии.

Обратимся теперь к другой группе бактрийских печатей, на которых неизменными главными персонажами выступают птицы, нередко в сочетании со змеями и драконами.

Помимо чисто схематических изображений, в том числе передающих изображения орлов в геральдической позе, имеются и более сложные. В этом плане показателен массивный круглый амулет из черного серпентина, на одной стороне которого выгравирована птица, возможно орел, но не в застывшей геральдической позе, а напротив, весьма живо и реалистично: она изображена в профиль, с поднятыми вверх крыльями, распушенным хвостом и когтистой лапой. Длинная шея с небольшой головкой сильно изогнута и повернута назад — птица как бы отбивается от настигающей ее опасности. В таком случае потенциальная угроза могла найти свое отражение в рисунке, выгравированном на второй плоскости того же амулета: здесь изображены три извивающихся существа, по-видимому, драконы, широко разинутые пасти которых взаимно впились друг в друга. Взаимопожирающие друг друга существа одной, родственной, породы бесспорно передают идею, противную природе человека — возможно, именно это и хотел сказать своей композицией мастер-камнерез. Создается впечатление, что рисунки с обеих сторон амулета взаимосвязаны логической цепью: птица отбивается от грозившей ей, возможно смертельной, опасности, воплощенной в идее взаимопожирающих драконов.

Доказательством тому может служить маргианский амулет с принципиально сходными изображениями. На одной стороне выгравирован орел в геральдической позе: голова с хищно загнутым клювом повернута в сторону, крылья и хвост распушены. На второй плоскости — переплетенные тела рогатых драконов с открытыми пастьями, как бы пожирающих друг друга. Налицо сходная композиция, включаю-

щая противостоящие друг другу изображения: с одной стороны — орлы, с другой — взаимно терзающие друг друга драконы. Считается, что рисунок плетенки без начала и конца имеет магическое значение, символизируя идею вечного движения, но в данном случае составляющие ее и взаимопожирающие друг друга драконы могут символизировать отрицательный момент. Создается впечатление, что птицы, преимущественно орлы, символизирующие идею мощи и всепобеждающей силы — это положительное по отношению к человеку начало, в то время как драконы — отрицательное.

К этой группе изображений близко примыкает еще несколько амулетов с однотипными рисунками птиц. В одном случае это прямоугольной формы амулет с изображением птицы с маленькой, повернутой назад головкой на длинной шее, распушенными крыльями и длинным хвостом. Аналогичные изображения найдены в древней Маргиане, где на одном амулете выгравирован извивающийся дракон с мохнатым телом и широко разинутой пастью, которому противостоит птица в оборонительной позиции с головой, повернутой назад, с распушенными крыльями и хвостом. Сходство в изображении птиц настолько близкое, что исключает элемент случайности и вместе с тем указывает на существование определенного набора персонажей, распространенных в одинаковой степени как в Бактрии, так и в Маргиане. Налицо как иконографическое, так и в особенности семантическое сходство, когда птицы показаны в одинаковой позе — обороняющимися от опасных для них существ — драконов.

Весьма показательно, что главными персонажами таких композиций часто выступают орлы, которые, видимо, занимали центральное место в древней мифологии и играли, как уже говорилось, положительную роль по отношению к человеку. В одном случае эта гордая сильная птица показана в борьбе с темными силами природы, как бы защищая человека от опасности. В других композициях мы видим ее в сочетании с растениями, что тоже говорит о благожелательности изображения в целом. Примером тому может быть и амулет, где на одной стороне представлен крылатый лев, а на другой — птица, предположительно орел, выполненная весьма реалистично: с взъерошенными перьями, с распушенными крыльями и хвостом, отбивающаяся от атакующего ее сверху дракона со зло оскаленной пастью; под хвостом к ногам пти-

цы тянется рептилия. Если учесть, что драконы олицетворяли собой отрицательные силы, то в таком случае эта композиция представляет борьбу змей и драконов за обладание "живительной силой", воплощенной в данном случае в образе орла.

Сравнительно редки изображения двуглавых орлов. Известна лишь одна фигурная ажурная печать, в центре которой изображен сильно стилизованный двуглавый орел; в другом случае он выгравирован на каменном амулете. Орел в геральдической позе представляет собой излюбленный мотив в репертуаре древнейшей расписной посуды Ирана, и в первую очередь Элама, однако образ двуглавого орла более всего распространен в глиптике Анатолии и сиро-хеттского мира, где они, подобно бактрийским, нередко заключены в ободок из плетенки. И хотя известна медная перегородчатая печать с изображением двуглавого орла, происходящая из Элама, она больше напоминает бактрийские, откуда, возможно, и была импортирована на крайний юго-запад Ирана.

Особого интереса заслуживает медный амулет с изображением дерева, на котором сидит пара птичек с поднятыми вверх крыльями, верхушка ствола имеет всеообразное завершение, напоминающее пальму. Подобные изображения в древнеиранской глиптике связываются с данными "Авесты", где упоминается дерево, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящая на дереве птица обдирает ветви, тогда как другая птица подбирает упавшие семена и несет в небо, откуда они, смешавшись с дождем, падают на землю и снова прорастают, символизируя тем самым всеобщую идею плодородия.

Центральную часть второй стороны того же амулета занимает фигура двугорбого верблюда-бактриана в профиль, с поднятой вверх головой; младенец держит его за повод. И здесь сделаем небольшое отступление. Тема верблюд и держащий его на веревке человек представлена не только в глиптике Бактрии, но и Маргианы, что указывает на достаточно большую популярность композиции в искусстве этих двух стран. Иногда оба персонажа — человек и верблюд — показаны в единой композиции, иногда — верблюд на одной, а человек — на другой стороне одного и того же амулета, как это, например, отмечено для небольшого каменного амулета в северной Бактрии.

В этой связи необходимо отметить, что в "Авесте" верблюд — самое высокочитимое животное, а то постоянство, с которым древние мастера изображали именно двугорбого верблюда-бактриана, не оставляет сомнений в его местном, бактрийском происхождении. Вместе с тем в высшей степени показательно, что явно не случайно на таких амулетах верблюда за повод держит человек, утверждая себя владельцем этого конкретного животного. А ведь имя новоявленного пророка Заратуштры некоторые специалисты переводят как "тот, кто ведет верблюдов" — изображения на амулетах в этом свете получают особую значимость. Более того, на бактрийском амулете изображен не просто человек, а младенец, держащий верблюда за повод, как это хорошо видно на рисунке на обложке этой книги — возможно, действительно отражая этимологию или, иначе, значение имени Заратуштры, который в молодости какое-то время мог быть пастушонком.

Великолепный амулет встречен был в храме Тоголок-21: выточенный в виде верблюда, облизывающего свою заднюю ногу. Тонкая, почти ювелирная моделировка обнаруживает высочайшее мастерство безвестного мастера-камне-реза, причем сам образ двугорбого бактриана указывает на его местное изготовление (рис. 42, N 1).

Но бесспорно особый интерес представляют печати с изображением стоящей птицы с поднятыми вверх крыльями, под хвостом которой помещена извивающаяся змея, более крупная змея или дракон — по кругу, кольцом охватывает птицу, как бы душит ее. Они напоминают аналогичное изображение, отмеченное на каменных амулетах, и выражают идею противостояния, борьбы между змеями и драконами за обладание птицей.

Об еще более сложных мифологических представлениях можно судить по обломку стеатитового амулета, на котором сохранилась часть композиции в виде парящего орла, держащего в лапах какое-то животное с широко расставленными ногами.

Интересен амулет из Бактрии с изображением лежащего человека и атакующего его сверху орла, невольно вызывая в памяти греческую легенду о Прометее, давшем людям огонь. Следует отметить всю сложность расшифровки символики подобных композиций, когда одному и тому же образу птицы соответствуют то взаимопожирающие друг друга дра-

коны, то растения и звери, лишний раз указывая на все многообразие мифологических представлений древних.

Другая тема, столь же популярная в бактрийско-маргианской глиптике, связана с изображением крылатых львов в окружении змей и драконов. Один такой образец, выточенный из черного стеатита, был встречен при научных раскопках в Бактрии. Сохранился великолепный сочный рисунок шагающего вправо льва с разинутой пастью, косматой гривой, крыльями, вырастающими из плеч, и длинным хвостом, заброшенным на спину. Эта находка ценна для нас тем, что дает право относить к эпохе бронзы амулеты со сходными изображениями крылатых львов, но происходящие не из научных, а из грабительских раскопок Бактрии.

Близкое изображение имеется на каменном ромбическом амулете, где крылатому льву соответствует дракон со злобно разинутой пастью, выпученными глазами и извивающимся мохнатым телом. Исключительного интереса заслуживает изображение крылатого льва с человеческой головой, с бесспорностью указывая на существование у бактрийских племен синкретических образов, некогда бывших персонажами местных мифов. Показательно, что и здесь под животом изображена извивающаяся рептилия, которая тянется к задним ногам этого фантастического персонажа, отчасти напоминающего сфинкса. Считается, что сфинкс — чисто египетское изобретение, которое позаимствовали греки и которое в таком случае, возможно, принесли с собой в Бактрию пришлые с запада племена (рис. 43, N 1).

Эти изображения бывают нанесены на большие и малые амулеты. Так, на маленьком амулете из белого известняка с одной стороны выгравирован точно такой же крылатый лев, под животом у которого извивается рептилия. На второй плоскости выгравирован рисунок орла в геральдической позе: голова с хищным клювом повернута в сторону, крылья широко распростерты, хвост распущен веером. Еще одно изображение крылатого льва выгравировано на черном стеатитовом амулете, причем на обороте ему соответствует замысловатая плетенка без начала и конца.

А о том, что изображения львов в сочетании с рептилиями имели глубоко символическое значение, можно судить по одной стеатитовой с золотой обтяжкой печати (рис. 44, N 2). На ней изображен лев с хвостом скорпиона, из-под задних

ног которого как бы вырастают две сильно извивающиеся змеи, если не змеиных дракона, со злобно оскаленными зубастыми пастьми и высунутыми жалами. Налицо закодированное изображение, связанное не только с фаллическими культами, но в первую очередь с символом змей — охранителей "живительного семени", источника всей жизни на земле. Такие культовые представления широко были распространены среди бактрийских и маргианских племен, когда змеи или драконы, овладев "живительным семенем", ревниво охраняют его друг от друга.

Львы с хвостами скорпионов известны на печатях Месопотамии, но выползающие из-под их задних ног змеи или змеиные драконы — это уже чисто бактрийское изобретение, отражающее охранительную идею.

Великолепным образцом подобного типа изображений может служить круглой формы амулет из Маргианы. На одной из его плоскостей выгравировано животное, отдаленно напоминающее льва в профиль: массивная голова с четко моделированным круглым глазом и с разинутой пастью переходит в шею, украшенную сверху лохматой гривой. Мощное тело опирается на пару когтистых лап, однако хвост, в противоположность многим другим подобным изображениям, не заброшен вверх, а опущен вниз. Как бы обвивая тело зверя, из-под живота его, изгибаясь, поднимается, судя по огромным размерам, дракон, изящная головка которого показана в злом оскале. На обороте выгравирована птица: небольшая головка с преувеличенно большим глазом переходит в мягкое изогнутое тело с длинным хвостом и поднятыми вверх крыльями. Птицу обвивает, вероятнее всего дракон: оскаленная, широко разинутая пасть его и злые глаза дополняют устрашающий облик этого существа. В целом же оба изображения отражают идею охраны птиц и животных драконами, сумевшими овладеть ими, а в конечном счете и их жизненной силой.

Показателен бактрийский амулет с типично месопотамским изображением двух животных с одной, общей для них, головой. Под животами, как бы выползающие из-под их задних ног, выгравированы драконы с широко раскрытыми пастьми. Опять-таки кажется, что драконы охраняют свою собственность от возможного посягательства. Причем на мургабском экземпляре для усиления впечатления мастер даже

хвостам животных придал вид извивающихся драконов, агрессивно угрожающих по своему характеру. Налицо общая идея — стремление охранить животную жизнь от возможно- го посягательства со стороны других существ, скорее всего, рептилий и членистоногих. Здесь же отметим тематически близкое изображение на другом, но небольшом амулете, где на одной плоскости изображен зверь с повернутой назад, как бы огрызающейся, мордой, а на другой — змея или дракон с разинутой пастью, обвивающие птицу.

Исключительного интереса заслуживает массивный круглый амулет из черного серпентина. На одной его плоскости сохранилось сильно стертое изображение крылатого льва, которому на другой стороне соответствует косматое человеческое лицо со зло вытаращенными, округлившимися от бешенства глазами, раздутыми ноздрями и широко торчащими в стороны длинными бакенбардами. Это одно из немногих изображений, выполненных с большой внутренней экспрессией, передающее образ какого-то чудища местной, бактрийской мифологии.

Близкое, если не идентичное, изображение сохранил другой каменный амулет прямоугольной формы. Подобно вышеописанному, здесь также с одной стороны — изображение животного с извивающимися змеями под животом, а с другой — человеческая личина с косматыми волосами и длинными, разлетающимися в стороны бакенбардами. Налицо достаточно определенный антропоморфный персонаж бактрийской мифологии, гравированные изображения которого устойчиво повторялись на каменных амулетах.

Образ быка, видимо, символизировал собой идею силы и мощи и особой плодовитости. Для изображений этих животных Бактрии и Маргианы характерны массивное тело, мощный загривок, необычная голова с загнутыми рогами и задранный вверх хвост. Среди этой группы печатей исключительного значения заслуживает одна, на которой хвост быка передан в виде растения с длинными стеблями и грушевидными плодами, и такое же растение как бы вырастает из его фаллоса. Это образ не только мощи животного мира, но и плодородия растительного, — символ всеобщего плодородия.

То постоянство, с которым бактрийские мастера-камнерезы тиражировали на своих произведениях одни и те же,

повторяющиеся изображения, явно не случайно. Свидетельством тому могут служить амулеты, происходящие с другого конца этой части древнеземледельческого мира, из Маргианы. Именно здесь впервые были встречены подобные амулеты, давшие само название "амулеты мургабского стиля". Кстати будет отметить, что подобные амулеты из разграбленных могил Бактрии еще раньше появились на антикварных рынках Тегерана, однако необычность сюжетов и образов, выгравированных на них, заставила специалистов усомниться в их подлинности. Долгие годы эти изделия пылились в фондах луврского музея, пока не были опубликованы сходные амулеты из Маргианы, но происходящие из научных раскопок, что подтвердило их взаимную подлинность. Лишь после этого французские специалисты решились опубликовать коллекцию подобных амулетов, некогда скупленных на антикварных рынках Ирана.

Возвращаясь к амулетам, найденным в бассейне древней дельты реки Мургаб, отметим один из них с рисунком, в деталях повторяющим вышеописанные бактрийские. Крылатый лев в профиль, с широко раскрытой пастью и далеко заброшенным на спину хвостом, под животом — пресмыкающееся с двумя парами ножек, голова которого приподнята и тянется к задним ногам льва. Налицо не только композиционная и стилистическая близость. Но Бактрию и Маргиану разделяют многие сотни километров, и невозможно допустить происхождение этих амулетов из одного общего центра.

Из древней Маргианы происходит еще один амулет со сходными двусторонними изображениями хищников, скорее всего стилизованных львов в профиль, с выделенной гривой и крыльями. Под животами зверей помещены извивающиеся змеи, как бы выползающие из-под задних ног, причем хвосты львов также переданы в виде змей или драконов.

Крылатые львы достаточно широко представлены в глиптике Месопотамии, откуда они, скорее всего, были перенесены далеко на восток — в Бактрию и Маргиану. Однако этот явно мифологический образ получил на бактрийской почве дальнейшую местную переработку. Это выразилось, в частности, в том, что изображения змей помещались под животами зверей, причем на одном мургабском амулете извивающаяся змея тянется к задним ногам тигра-самца, не оставляя сомнений в культово-фаллической символике. Этот

"фаллический символизм", по выражению французского ученого П.Амье, буквально пронизывает сюжетные композиции глиптики Бактрии и Маргианы, отражая едва ли не генеральную тему местного мифотворчества.

В самом деле, именно отсюда происходят амулеты, где змеи и драконы борются между собой за право овладения и "живительным семенем". Так, на одном маргианском амулете изображена мчащаяся в паническом страхе антилопа, которую спереди атакует дракон, в то время как у ее задних ног изображен другой извивающийся дракон. В еще большей степени показателен маргианский амулет, где в центре в спокойной позе изображен бык, на которого сверху и спереди бросаются два дракона с широко разинутыми пастьми, а под животом, у задних ног — свернувшаяся в кольцо змея. Наконец, известен еще один крупный амулет, где опять в центре показан бык, а под ним — вставшая на хвост змея, голова которой упирается в его живот. Можно и дальше перечислять композиции на аналогичную тему, когда змеи и драконы ведут борьбу за обладание животными и птицами, и в первую очередь быками и орлами, олицетворяющими собой мощь и силу.

Драконы — носители явно отрицательных начал, они атакуют сверху мирных животных, разинув пасти и выпучив глаза, набрасываются на свою жертву. Наконец, взаимно пожирающие друг друга драконы, встреченные уже на нескольких амулетах, лишний раз подчеркивают отрицательное отношение человека к этим отвратительным существам.

Не случайно на отдельных амулетах животные и птицы изображены в оборонительной позе: с головой, повернутой назад, они как бы отбиваются от страшных преследователей, которых мастера-камнерезы чаще всего изображали в образе драконов. В одном случае это грифон с повернутой назад головой и раскрытым клювом, на оборотной стороне ему противостоит изображение взаимопожирающих драконов. В другом — взъерошенный орел с распушенным хвостом и крыльями и повернутой назад головой, которому опять-таки на другой плоскости противостоят три терзающих друг друга дракона. Та же идея воплощена в амулете, где на одной стороне — огрызающееся животное, а на другой — извивающийся дракон.

Уже из этих наблюдений можно заключить, что животные, птицы, рептилии и членистоногие выражали положительные для человека силы, которым во многих случаях противостоят отрицательные персонажи, и в первую очередь змееподобные драконы (рис. 45). Не совсем ясен смысл фантастических существ, таких как грифоны и крылатые львы, возможно занимавших особое место в культовой символике, но в целом также благожелательных для человека. Думается, что рассмотренные амулеты являлись апотропеями, то есть предметами, призванными отвращать беду от людей, буквально пронизанными дуалистической идеей борьбы добрых и злых сил, положительного и отрицательного.

Очевидно, что амулеты, содержащие явно сюжетные композиции, отражают древний повествовательный фольклор, в котором видное место занимают змеи, драконы и крылатые львы. Хотя реальные львы здесь не обитали, зато крылатые львы представлены в глиптике Ирана, и особенно Месопотамии; в последнем случае они, согласно письменным источникам, ассоциируются с Нергалом — богом подземного царства. Правда, на месопотамских цилиндрах крылатый лев всегда показан в движении, часто на задних лапах, нередко противоборствуя с героями и богами. Если этот образ и был навеян ирано-месопотамской глиптикой, то в бактрийско-маргианском центре он получил новую иконографическую и смысловую переработку. Более того, поражает строго выдержанная, можно сказать, каноническая поза: в профиль, влево, с разинутой пастью, вздыбленным загривком, заброшенным на спину хвостом, часто торчащим из-за крыльев.

Точно так же, хотя образы змей достаточно широко распространены были в глиптике Ирана, на бактрийской почве они получают новую смысловую переработку: здесь змеи не просто сопутствуют изображениям людей и животных, но похищают у них "живительное семя". В общей форме эта генеральная идея невольно вызывает в памяти известный сюжет древнешумерского эпоса "Сказание о Гильгамеше". Этот цикл песен — величайший памятник древневосточной поэзии — повествует о деяниях месопотамского героя Гильгамеша, захотевшего в конце концов обрести бессмертие. Пройдя подземным путем сквозь обитаемый мир, Гильгамеш переправляется через воды смерти и наконец встречает единственного человека, обладающего бессмерти-

ем, который в конце концов дарит герою цветок бессмертия. Обрадованный Гильгамеш спешит назад, но не успевает воспользоваться даром: во время купания цветов похищает змея и, сразу же сбросив кожу, молодеет. А о том, что местные племена были знакомы с героем сказания, свидетельствует крупный маргианский амулет, где изображен человек с поверженными быками, в окружении все тех же змей, в том числе между его ног.

Думается, что в общей форме рассмотренные композиции амулетов в основной своей идее сходны: змеи похищают у животных и птиц их семя, символизирующее продолжение всеобщего плодородия и в конечном счете продолжение самой жизни. Вместе с тем на ряде амулетов злобные драконы, разинув пасти, атакуют этих же птиц и животных, как бы пытаясь помешать змеям. Создается впечатление, что змеи и драконы составляют взаимную оппозицию, они борются друг с другом за право обладания "живительным семенем" животных и птиц для продолжения жизни на земле, так что змеи и драконы являются непримиримыми врагами. Хотя расшифровка подобных "закодированных", но бесспорно повествовательных сцен представляет определенные трудности, отдельные амулеты сохранили изображения, которые могут быть объяснены только однозначно.

Особое место среди бактрийско-маргианской глиптики занимает небольшая, но бесспорно оригинальная группа цилиндрических печатей, происходящих из грабительских раскопок могильников Бактрии. Точно такие же цилиндрические печати в самые последние годы были найдены в Маргиане, а все вместе они дают документальные и бесспорные свидетельства распространения месопотамской глиптики далеко на восток — в Бактрию и Маргиану. Уже было отмечено наличие сходных цилиндров-печатей в северо-восточном Иране, своего рода промежуточном пункте их распространения — от передовых центров Двуречья до Амударьи и Мургаба. Почти все они имеют форму цилиндра либо со сквозным отверстием по длинной оси, либо с ушком на одной из торцовых частей, — и тогда отдаленно напоминают миниатюрные гири. Одна такая цилиндрическая печать сохранила изображение льва, преследующего, предположительно кабана, и змей под их животами. Другой лазуритовый цилиндр с ушком сохранил насыщенный узор, в центре которого —

фигура животного с задранной хвостом и торчащими ушами на круглой, шарообразной голове. Снизу под животом изображена извивающаяся змея, которая тянется к задним ногам животного, а над его спиной — козел с повернутой назад головой. Налицо основная тема композиции, неоднократно повторявшаяся на многих каменных амулетах, опять связанная с похищением змеями "живительного семени" у животного.

Удивительно тонкая и вместе с тем сложная композиция, выгравированная на бронзовой цилиндрической печати, включает шесть групп фигурок. За исключением только одной фигуры — сидящей птицы — все остальные персонажи показаны парами. В верхнем регистре мужчина придерживает за бедра свою партнершу, рядом с ними — корова и бык. В следующем, среднем, регистре пара двугорбых верблюдов-бактрианов соседствует с козой и козлом, причем в обоих случаях самцы показаны стоящими на задних ногах. Наконец, в третьем, нижнем, ярусе опять выгравирована пара горных баранов, где самец стоит на задних ногах и рядом — две собаки, стоящие спиной друг к другу.

Если смысловое значение многих других печатей-цилиндров еще не совсем ясно, то рассматриваемое изображение является счастливым исключением. Подобные печати-амулеты призваны были увеличить плодоносящие силы природы и в конечном счете выражают идею всеобщего плодородия. Очевидно, что наряду с обычными амулетами-оберегами универсального значения, призванными оградить и защитить человека от всех возможных жизненных невзгод, существовали амулеты, связанные с симпатической магией.

Наряду с вышеописанным известны другие, как например, две группы симметрично расположенных коз, стоящих на задних ногах и как бы прыгающих вверх, с повернутыми друг к другу головами. В верхней части изображены две извивающихся змеи с широко разинутыми пастьми, между прыгающими козами помещены рисунки скорпионов.

Бликие зооморфные изображения имеются еще на одном бирюзовом цилиндре, где они располагаются в два ряда. В нижнем ярусе идет процессия горных баранов, во втором ряду изображен, предположительно, волк, как бы ныряющий в сторону баранов, а также извивающаяся змея и рядом, возможно комбинированное, фантастическое существо.

Особого интереса заслуживает цилиндрическая печать с изображением всадника верхом на лошади. Над крупом лошади помещена миниатюрная фигура предположительно еще одного животного, сзади — шагающий человек. Вся композиция отличается большим реализмом исполнения, это особенно касается фигуры породистой лошади с плавно изогнутой шеей, выброшенными вперед передними ногами — возникает образ скачущего коня. Кажется, это первое и наиболее раннее изображение верховой лошади не только Афганистана, но и южных областей Средней Азии, что представляет большой интерес в связи с историей древнего коневодства. И может быть не случайно в соседнем иранском Хорасане, на холме Гиссар, из трех найденных цилиндров-печатей одна сохранила изображение колесницы, в которуюпряжена лошадь.

Сложными мифологическими представлениями веет от цилиндрической печати с явно повествовательной композицией. Центр ее составляет высокое прямое дерево с широкой раскидистой кроной, нижние ветви имеют необычные округлые завершения, на которых сидят две птички. По обе стороны от дерева стоят две фигуры горбатых зебувидных быков индийской породы с длинными опущенными хвостами. Над быками выгравирована летящая птица, которую преследует сильно извивающийся дракон с раздвоенным на конце хвостом. Мотив дерева с противостоящими фигурами животных и птицами на ветвях довольно широко распространен и в искусстве Древнего Востока, однако, ветви, заканчивающиеся шишечками и кружочками, а также четко выраженный принцип симметрии более присущи сиро-хеттской глиптике, что отражает реальное влияние, идущее на восточную периферию из передовых центров.

Следующая печать сохранила сложную композицию также тематического содержания. Здесь в центре крупным планом показана летящая птица, сзади нее — рыбы и рядом, по-видимому человек на полусогнутых ногах, за спиной которого изображен, вероятнее всего вставший на хвост дракон с широко разинутой пастью.

Выше уже упоминалась цилиндрическая печать, центральное место на которой занимает рисунок двугорбого верблюда-бактриана, украшенного плюмажем на голове. Перед верблюдом на корточках сидит человек, держащий его за

повод. На втором плане — горбатый бык, как бы поднявшийся на задние ноги, а выше — предположительно собака. В этой повествовательной композиции главное место занимает человек, держащий на поводу верблюда, что нельзя не сопоставить с тематически близким изображением на вышеописанных бактрийских амулетах (сцена ребенка, держащего за повод верблюда). Но независимо от уточнения семантики изображений важно отметить документально установленный факт существования одних и тех же композиций, передающих фольклорные повествования, некогда распространенные среди людей, обитавших в двух таких отдаленных регионах, как Бактрия и Маргиана. Там же, в Маргиане, найден обломок толстого сосуда, на котором гончар или его подмастерья еще до обжига, по сырой глине сделали прокатки двух цилиндров. На первом оттиске имеется два яруса изображений, разделенных горизонтальной полосой плетенки. В верхнем ярусе изображена сцена борьбы быка и льва, между которыми расположено деревце. Фигура горбатого быка показана в явно оборонительной позе, с низко опущенной головой и выставленными вперед острыми рогами. Лев изображен агрессивным: с большой головой, широко разинутой пастью, густой, развевающейся гривой. Лев припал к земле, передние лапы его выставлены вперед, живот подобран — он готовится прыгнуть на свою жертву. В нижнем регистре, предположительно, изображена процессия идущих и летящих птиц с длинными вытянутыми шеями. Под этим оттиском частично сохранилась прокатка второго цилиндра, где в нижнем ряду показаны все те же противоборствующие фигуры горбатого быка и, возможно, льва, а в верхнем ярусе помещены силуэтные фигурки летящих птиц, вытянувшихся в цепочку.

Среди находок из разграбленных могил Бактрии происходит одна — серебряная печать с уникальной сценой: изображен бородатый человек с тюрбаном на голове. Одна рука его вытянута вперед, а другую, поднятую вверх, обвивает змея. Над головой его показана птица, перед лицом — растение с длинными стеблями и плодами в виде трех зерен. Аналогии этой композиции неизвестны, но "ассирийская" борода, змея и птица (популярные персонажи печатей Бактрии) с уверенностью указывают на принадлежность печати эпохе бронзы (рис. 44, N 4).

Самостоятельную и обширную группу образуют печати, орнаменты которых построены по принципу розетки, составленной из нескольких фигур, расходящихся от центра в стороны — например, из четырех голов баранов с круто выкрученными рогами, морды которых упираются в центральный кружок. В другом случае это массивные печати, орнаменты которых образованы четырьмя извивающимися змеями, расходящимися в стороны от центра. Нередко рисунки таких печатей построены на четырех фигурах орлов, изображенных в геральдической позе, но крестообразно, так, что хвосты их сходятся в центре печати. Известна серебряная печать, образованная четырьмя сидящими птичками — своеобразный крест. Наряду с круглыми печатями есть и массивные квадратные печати, в четырех углах которых помещены однотипные рогатые головы животных, расходящиеся из центра печати.

Помимо печатей известны медно-бронзовые амулеты, украшенные розеткой, состоящей из прото животных. Один такой амулет крестовидной формы происходит из могилы южно-узбекистанского поселения Сапаллитепа, где он входил в состав погребальных приношений. На одной стороне его имеются изображения четырех змей, расходящиеся из одного центра, на другой — розетка, составленная из прото-мы козы, кабана, крылатого грифона и, возможно, льва. Показателен другой великолепный лазуритовый амулет, также выточенный в виде уступчатого ромба. На одной стороне его изображен скорпион, а на другой — розетка, составленная из протом хищников, возможно, львов, но выполненных весьма схематично и обобщенно. Львы показаны в профиль, с вздыбленными загривками, раскрытыми пастями и лапой, выброшенной вперед; все четыре фигуры как бы выходят из одной точки, расположенной в центре амулета.

Помимо Бактрии имелись также печати и в Маргиане, как например, одна, составленная из трех орлиных головок, образующих вихревую розетку, близко напоминающая изображения, происходящие из Турции, где печати были встречены при раскопках дворца Агемджук, и из Дильмуна, с побережья Персидского залива.

Амулеты и печати Бактрии и Маргианы дают возможность сделать несколько предварительных выводов. У местных племен существовали металлические печати и каменные

амулеты. Хотя символы, изображенные на них, в целом одинаковые, металлические печати имели более светский характер, в то время как каменные печати-амулеты — преимущественно культовое назначение, например в качестве апотропеев, то есть амулетов, призванных отвести от бедствий их владельцев. Более широкое назначение — у перегородчатых печатей, свидетельством чего являются их оттиски на глине, которые определяются как бирки торговцев. В ряде случаев археологам попадались отпечатки, воспроизводившиеся неоднократно, а главное — с разных печатей по одному куску глины. Создается впечатление, что если не каждый взрослый житель, то по крайней мере все главы семей имели свои печати, игравшие роль семейных символов собственности. Не исключено, что в больших семьях каждый глава малой семьи имел свою печать, но все они являлись символами каждого конкретного большесемейного коллектива. Вместе с тем налицо религиозно-магический аспект печатей, получивший свое отражение в вышеотмеченных орнаментах. Очевидно, что печати все еще тесно связаны с магией. Думается, что печати, являясь символами собственности, вместе с тем сохраняли еще глубокое магическое значение. В этом плане особого интереса заслуживает тот факт, что наиболее популярным изображением на печатях является крест. Кресты в различных вариантах и модификациях постоянно присутствуют на многих печатях: либо включенные в центре более общего орнамента, либо имеющие самостоятельное значение. Крест — едва ли не самый древний символ в искусстве Передней Азии, где он по преимуществу имел смысл оберега. В таком случае не исключено, что этот древнейший символ, сначала использованный в росписи художественной керамики, затем был перенесен в качестве магического орнамента на печати, но все более приобретает юридическую силу, как символа собственности.

Среди богатой коллекции медно-бронзовых перегородчатых печатей можно выделить тематически близкие друг другу. Так, на нескольких ажурных, перегородчатых печатях развернуты сложные, бесспорно сюжетные композиции, и в том числе даны изображения героев-драконоборцев. На одной такой печати в центре представлено антропоморфологическое существо с птичьей головой в профиль. Плечи с опущенными вниз руками развернуты анфас, ноги даны в профиль. По обе стороны помещены извивающиеся драконы с огромными круглыми головами.

Другая фигурная силуэтная печать также изображает стоящего человека, руки его подняты вверх, он держит за горло двух извивающихся змеиных драконов, располагающихся по обе стороны от него. Под руками человека изображена пара птиц, видимо орлов в геральдической позе, олицетворявших собой силу и мощь героя. Человек, борющийся со змеями или драконами — это широко популярный в передовых центрах древнего Востока образ героя-драконоборца. Тема героя-драконоборца очень древняя, восходящая к образу Гильгамеша, героя шумерского эпоса.

Наряду с реальными людьми изображались и антропоморфные божества, так же борющиеся со змеиными драконами. В этом плане исключительный интерес заслуживает медная перегородчатая печать, отлитая в виде полуобнаженного мужчины с рогами на голове (признак божественности), одетого в короткие штаны, заправленные в сапоги с загнутыми вверх носками, что, как считают специалисты, указывает на специальную горную обувь (рис. 43, N 4). В таком случае нелишне будет отметить, что подобная обувь имеется еще у одного человеческого персонажа, так же борющегося со змеиными драконами и как бы стоящего на специальной эстраде. Рассматриваемая печать интересна тем, что здесь рогатое божество борется с пятиглавой гидрой, близко напоминающая сходный сюжет месопотамской глиптики — изображение семиглавой гидры, возможно действительно восходя к древнегреческому мифу о Геракле и дернейской Гидре.

В месопотамской глиптике известен лишь один единственный пример — изображение семиглавой гидры: северо-бактрийская пятиглавая Гидра является уникальной среди изображений на памятниках юго-западной Азии, невольно вызывая в памяти злобного, трехглавого дракона Аджи Дахака, в борьбе против которого один из персонажей "Авесты" просит богиню:

"Такую дай удачу
Благая Ардви Сура,
Чтоб одолел я Змея
Трехглавого Дахаку.
Трехпастный, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадь дэвов злой"

С другой стороны в "Ригведе" бог Индра также борется с подобной многоголовой гидрой, стремящейся похитить жизненную воду, что может указывать на общие корни индоевропейской мифологии, но много более раннего времени.

Следующую группу составляют печати, включающие одновременно антропоморфные и зооморфные персонажи, объединенные темой хозяина или хозяйки животного мира. На одной из них в круглом диске изображена стройная человеческая фигура: голова с коротко подстриженными волосами и небольшим носом повернута в профиль, остальная часть фигуры развернута анфас, руки с расставленными в стороны локтями, ладонями, лежащими на талии, от которой вниз спускается длинная юбка. По обе стороны от центральной фигуры помещены изображения птиц, видимо орлов, с хищно загнутыми клювами, широко распростертыми крыльями и распушенными хвостами.

Другая ажурная перегородчатая печать сохранила принципиально то же изображение: в центре — стоящая, возможно женская, фигура с головой, повернутой в профиль и руками, спокойно лежащими на талии. По обе стороны от ее плечей помещены орлы в геральдической позе, у ног пара хищников кошачьей породы типа барсов с широко разинутыми пастьми (рис. 44, N 3).

Имеется еще одна ажурная перегородчатая печать, в центре которой помещена стоящая женская фигура. Голова с длинной закрученной косой повернута в профиль, остальная часть фигуры с руками на талии показана анфас, нижняя

ее часть задрапирована в длинную, расходящуюся книзу юбку. По обе стороны от фигуры помещены однотипные изображения вставших на задние ноги козлов.

В этом отношении исключительного значения заслуживает оттиск цилиндрической печати, встреченной на одном из сосудов храма Гонур депе (рис. 46). Центральную часть композиции составляет крылатая обнаженная человеческая фигура с птичьей головой и клювом. Обеими руками этот фантастический персонаж держит задние ноги двух поверженных вниз головой крылатых козлов. Между этими персонажами располагаются фигуры орлов в геральдической позе и маленькие птички, показанные в полете. Подобные существа — птицелюди известны в бактрийской глиптике, где они изображались восседающими на тронах или животных. Эти птицелюди неизвестны пока ни в Иране, ни в Месопотамии, но зато имеются на печатах Сирии и Анатолии. Как ни покажется странным, но подобные изображения встречаются на Кипре и в Греции, куда они попали, скорее всего, из соседней Анатолии в результате культурных контактов.

Великолепным образцом этой серии печатей является одна серебряная из Бактрии, выполненная в прорезной, ажурной технике с дополнительной чеканкой с оборотной стороны. В центре изображена стоящая стройная человеческая фигура, голова перехвачена начельной лентой и повернута в сторону, лицо сохранило округлый глаз, сильно выступающий вперед, с небольшой горбинкой нос, тонкие, но четко проработанные губы. Мускулистый торс повернут анфас, руки широко разведены в стороны с ладонями на талии. Вся нижняя часть фигуры задрапирована в длинную, доходящую до пола юбку, украшенную волнистыми насечками. У ног, по обе стороны от человека, помещена пара львов с головами, повернутыми назад и украшенными косматыми гривами. Плавные изогнутые тела опираются на ноги с мягкими подушечками лап, на которых гравировкой выделены пальцы, хвосты задраны на спины.

Точно такую же композицию изобразил древний ювелир на другой, золотой, печати, свидетельствуя тем самым о чрезвычайно устойчивом иконографическом образе местной мифологии (рис. 44, N 1).

Вариантом подобных композиций служит печать, отлитая в виде птиччеловека, нижняя часть которого задрапирована в длинную, расходящуюся книзу юбку (рис. 43, N 3). Вместо рук изображены крылья, под которыми помещены две птицы. На всех этих печатях поражает однотипность основного статуйного образа — стоящая фигура анфас, головой в профиль, с широко расставленными в стороны локтями и ладонями, сложенными на груди, в длинной, ниспадающей до пола юбке. Близкий тип демонстрируют цилиндрические печати древневавилонского периода, где также изображена обнаженная женская фигура во фронтальной позе, иногда с повернутой в сторону головой, руками, лежащими на поясице и развернутыми локтями. В ряде случаев это изображение дано в сопровождении животных, но не противоборствуя. Это, скорее, образ хозяйки, которая утверждает свое превосходство над животными.

Наконец еще одну, вполне самостоятельную, группу составляют ажурные печати с изображением крылатых людей или птицелюдей, восседающих на троне. В одних случаях это крылатые люди с расставленными в стороны руками, сидящие на троне, позади которых помещена фигура птички. В других случаях это люди с птичьими головами, изображенные все в той же иконографической позе: сидящие с расставленными в стороны руками и неизменной птичкой позади трона. На одной печати изображение антропоморфной фигуры с птичьей головой не имеет рук, которые заменяют изогнутые, широко расставленные в стороны крылья. И это божество, подобно другим, восседает на троне, позади которого изображена птица.

Женское крылатое божество с птичьим лицом, сидящее на извивающемся драконе, изобразил бактрийский мастер на одной круглой печати. Согласно традиционным канонам изобразительного искусства Передней Азии, божество показано в профиль, но с плечами, развернутыми анфас так, что широко расставленные в локтях руки упираются в ободок самой печати.

Среди этой группы печатей с изображением сидящих богов выделяются две, в центре которых на тронах с высокой спинкой сидят божества в виде реальных людей без крыльев и без обязательных в других случаях фигурок птичек. На одной печати это, скорее всего, женская фигура, облаченная

в длинные одеяния типа шумерского конакоз, спокойно восседающая на троне. Специалистами уже было справедливо отмечено, что иконография божеств, восседающих на троне с высокой спинкой, происходит из северной Месопотамии, составляя характерную особенность сиро-хеттской глиптики. Собственно в Месопотамии, в Вавилонии, божества практически все сидят на тронах без спинок, что конечно не случайно.

Известны три печати, на которых, по-видимому женские, фигуры восседают на фантастических животных, львоподобных, с рогом и бородкой. На одной медной печати женская фигура показана пьющей из кубка, на серебряной она сидит, как амазонка, с разведенными в стороны локтями, ладонями на талии, из-за плеч высовывается пара козликов. Сама поза этой фигуры прямо перекликается с вышеупомянутыми, но фронтально стоящими, а общая композиция лишней раз указывает на превосходство этого персонажа над животными, в том числе фантастическими. Уже было отмечено типично месопотамское происхождение этого мотива, причем козлики над плечами указывают преимущественно на районы Сирии.

Удивительно, что помимо антропоморфных божеств, на одиночных перегородчатых печатях центральное место занимают изображения обезьян в профиль, иногда сидящих на специальном возвышении-кресле. Известны бронзовые скульптурные статуэтки обезьян, с какой-то поклажей на спине. По определению специалистов, они более всего напоминают тонкотелую обезьяну из рода лангуров или хануман, на что указывает их изящное телосложение, круглый короткий череп, форма морды и ушей. Хануман является священной обезьяной Индии, а изображения обезьян на печатях ближе всего напоминают профиль макаки-резуса, — и те, и другие известны на карте ископаемых севера Индостана. Обращение к образу обезьяны в регионе, столь далеком от мест ее естественного обитания, предполагает пришлый характер этого сюжета, занесенного скорее всего из Индии, где именно эта порода обезьян до сих пор считается священной.

Бесспорно особого интереса заслуживает массивная медная силуэтная печать, отлитая в виде горбатого быка, стоящего на ладье, изображенной, в свою очередь, в виде извивающегося двуглавого змея или дракона. Профильная фигу-

ра быка сохранила морду с круглым глазом и выделенным ртом, голову венчает пара развернутых анфас рогов. Подчеркнутый горб и задорно загнутый хвост дополняют общий образ этого популярного животного древневосточного искусства. Обратная сторона имеет не плоскую, а, наоборот, выпуклую поверхность, подчеркивающую мощную мускулатуру тела, детализированную передачу морды с круглым глазом и полуоткрытым ртом.

Хотя образ быка был широко распространен в древневосточном искусстве, бактрийский памятник демонстрирует безусловно мифологический сюжет, и в этом отношении вспоминается бронзовая пластина из Месопотамии с изображением ладьи, корма и нос которой напоминают змеиные головы, а вся сцена может отражать нижний, потусторонний, мир.

Наконец, имеется еще одна группа, но не медных печатей, а каменных амулетов с антропоморфными божествами, показанными в характерной коленопреклоненной позе, они заслуживают более подробного рассмотрения. В настоящее время известно всего несколько таких каменных амулетов с однотипными фантастическими персонажами: профильная коленопреклоненная человеческая фигура с орлиной головой, посаженной на мощный торс, из-за плеч вверх поднимаются возможно языки пламени или крылья. Правая рука поднята вверх, левая опущена, причем между ней и корпусом помещена извивающаяся змея с раскрытым ртом, из которого высовывается раздвоенное на конце жало. На второй, оборотной, плоскости помещена крылатая фигура льва с повернутой назад головой и разинутой пастью. Вариантом является аналогичная коленопреклоненная антропоморфная фигура с птичьей головой, торс высоко под грудью перехвачен двойным поясом, ниже которого спускается короткая юбочка. Одна рука поднята вверх, из-за ее плеча поднимаются языки пламени, вторая опущена вниз, причем в полном согласии с вышеописанной фигурой здесь также помещена извивающаяся змея.

На последнем амулете, изготовленном из черного серпентина, изображена принципиально та же коленопреклоненная фигура с птичьей головой, рядом четко читается фигура быка, перед которым изображен скорее всего плод граната на высоком стебле, выше помещена либо змея, либо

извивающийся дракон с ушастой головой. На второй плоскости выгравировано фантастическое животное, ближе всего напоминающее ламу, но с двумя горбами на спине, перед которыми помещена плетенка. Налицо явно синкретичное существо, впитавшее в себя характерные черты по крайней мере двух животных, один из которых, судя по двум горбам, изображает верблюда-бактриана, родиной которого считается Бактрия.

Итак, несколько бактрийских амулетов демонстрируют однотипные антропоморфные изображения с птичьими головами, выгравированные в общей для них всех иконографической позе — всегда в сопровождении неизменного персонажа, змеи, под рукой. Уже было отмечено, что подобные изображения людей с птичьими головами наиболее популярны были в сиро-хеттской глиптике, причем по единодушному мнению специалистов это изображения демонов-грифонов. Кроме общего иконографического сходства роднит их наличие зубчатого гребня на головах как сиро-хеттских прототипов, так и их бактрийских реплик (рис. 47).

Налицо явно сюжетные композиции, включающие несколько бесспорно взаимосвязанных персонажей, а вместе они отражают какой-то эпизод местной мифологии, некогда распространенной в бактрийской среде. В таком случае демоны-грифоны, с упорным постоянством повторяющиеся на бактрийских амулетах, занимая центральное место, скорее всего, играли главную роль в таких мифологических повествованиях. Столь же постоянными являются изображения змей, которые однако всегда выступают на втором плане, составляя тем самым повествовательный фон.

Сколько бы ни сетовать на отсутствие письменных данных, этого единственного источника для подлинной расшифровки таких композиций, наиболее вероятным представляется видеть в них гениев, духов — охранителей человека, которым были посвящены целые мифы, и в которых участвовали также змеи, животные, птицы и растения. По широко распространенным в древности поверьям, человек при рождении получал своих двойников, охраняющих добрых и злых гениев, графическим отражением чего возможно и служат птичелюди с рассматриваемых бактрийских амулетов. Нас не должно смущать отсутствие крыльев: птичьи головы сами по себе уже предполагают их наличие, так что подобные гении мыс-

лились древними как обитающие в небесной сфере, хотя сопровождающие их изображения — змеи, животные, растения — снова возвращают гениев на землю.

Вариантом того же сюжета может служить уникальная медная печать с изображением коленопреклоненного орлеподобного человека: голова с хищным клювом повернута в профиль, руки-крылья с четко проработанными перьями разведены в стороны, узкая талия, коленопреклоненные ноги с четко проработанной напряженной мускулатурой — все это близко традициям ассирийских барельефов. Мифологические персонажи в виде крылатых антропоморфных божеств с птичьими головами, но не коленопреклоненные, а стоящие, известны на цилиндрической печати древнеиранского поселения тепе Яхья.

Если раньше коленопреклоненные фигуры известны были лишь в Бактрии, то теперь они обнаружены и в Маргиане, как например на одном лазуритовом амулете, где, хотя и схематично, изображен принципиально тот же иконографический образ. В другом случае, на трехгранной призме, мы видим изображение птичьеголового человека, поза его иконографически близка выше рассмотренным (рис. 48).

Подобные крылатые образы чаще всего определяются как мифологические духи, но в тех случаях, когда это облаченные женские фигуры, они могут быть определены как божества. Если сравнивать между собой сиро-хеттские и бактрийские печати с антропоморфными фигурами, то налицо их близкое сходство, исключаящее случайное совпадение. В сиро-хеттской глиптике именно во втором тысячелетии резко увеличивается изображение фантастических существ — человеческое тело, голова птицы или зверя. Их образы сохраняются в ассирийском искусстве, где они определяются как добрые и злые гении. Следует отметить, что в сиро-хеттской глиптике духи-гении никогда не показаны в сочетании со змеями. Здесь бактрийские печати демонстрируют чисто местную переработку привнесенного образа.

Думается, что бактрийские образцы как духов-гениев, так и сидящих на троне антропоморфных божеств, продолжают традицию, идущую из сиро-хеттского мира через иранское посредство вплоть до Бактрийской равнины. И, наконец, не случайно бактрийские крылатые божества всегда показаны сидящими на троне, часто с расставленными в стороны и

поднятыми вверх руками, упирающимися во внешний круглый ободок печати. В этом отношении они чрезвычайно близко напоминают божества сирогеттской глиптики, в той же иконографической позе, с воздетыми вверх руками, как бы поддерживающими небосвод и, видимо, мироздание в целом.

Ярким свидетельством влияния искусства сирогеттского мира на бактрийскую глиптику может служить уникальный в своем роде крупный медный прямоугольный амулет, происходящий из антикварных лавок Кабула. На одной стороне сохранилось сильно окислившееся изображение антропоморфного существа с птичьей головой в профиль с поднятыми вверх перед грудью руками, длинными, ниспадающими до пола одеяниями и опущенными вниз крыльями. Подобные фантастические существа достаточно широко распространены были в сирогеттском искусстве вплоть до ассирийского и ахеменидского времени. Сходство настолько близкое, что предполагает их взаимную связь. На второй стороне того же амулета имеется ставшее уже типично бактрийским изображение: крылатый лев с разинутой пастью и выделенным загривком в окружении извивающихся змей. Налицо соединение как привнесенных образов, бесспорно уходящих своими истоками в передовые центры Передней Азии, так и чисто местных, бактрийских образов с их выработанным репертуаром мифологических представлений, в которых обязательными персонажами выступают змеи.

Наконец, имеется еще один аспект бактрийско-маргианской глиптики и сфрагистики. Выше уже неоднократно отмечались западные истоки их, уходящих через Иран и Элам в Месопотамию. Вместе с тем в настоящее время имеется возможность уточнить это предположение на конкретном материале. Имеются в виду иконографические и стилистические аналогии, уводящие нас к сирогеттской и, что особенно важно, к митанийской глиптике. Для этого достаточно вспомнить уже упоминавшиеся выше наблюдения, говорящие о том, что особая группа божеств обнаруживает не просто месопотамские, а северомесопотамские связи, связи, уходящие в Малую Азию и Эгейский мир.

Уже крупнейший специалист древней глиптики П. Амье прямо отмечал, что коленопреклоненные антропоморфные гении-духи бактрийской глиптики восходят к сирийским прототипам, так как трудно предположить, что они

возникли в обеих странах самостоятельно. Это же можно сказать об основных божествах бактрийского пантеона — крылатых, антропоморфных персонажах, нередко с птичьими головами. Их прямые, но бесспорно более ранние прототипы опять-таки восходят к сирогеттским образам. В этом плане исключительный интерес представляют бактрийские персонажи с птичьими трехпалыми лапами, что, по мнению того же автора, указывает на сильное митанийское влияние. Точно так же, фронтально развернутые фигуры с руками, сложенными на талии, так называемой "хозяйки" животного мира, в конечном счете тоже происходят от сирогеттской богини, которая часто встречается в той же позе, или сидя на животных (рис. 49).

К этому добавим, что мотив "древа жизни" с предстоящими животными, воспроизводимый на памятниках глиптики Бактрии и Маргианы, также находит прямые и недвусмысленные аналоги все той же сирогеттской глиптики. Доказательством тому служат изображения пары козлов, предстоящих у центрального дерева — едва ли не единственный мотив на керамике Бактрии и Маргианы. Кроме того, эта тема нашла отражение в местной глиптике, как например на одном маргианском амулете, где у "древа жизни" на задних ногах стоит пара все тех же козлов.

Нелишне будет отметить, что в глиптике Месопотамии изображения крылатых львов, фронтально стоящих божеств с руками на животе, птиц у изножий тронов, на которых восседают боги, появляются практически одновременно с распространением этих образов в Бактрии и Маргиане, в период III Династии Ура и древневавилонский период, то есть в самом конце III тысячелетия нашей эры. И хотя пока еще трудно сопоставить между собой эти вполне очевидные факты, историко-культурная связь их не вызывает сомнений. Это особенно показательно, так как заселяют Бактрию, и отчасти Маргиану, пришлые с запада племена, о чем подробнее будет сказано ниже.

Бесспорно принципиально важное значение для выявления западных связей имеет уникальная цилиндрическая печать, найденная в погребении селения Тоголок-1. Печать изготовлена из черного стеатита в виде цилиндра с ушком, на торце выгравировано растение типа мака. Центральную часть экспозиции составляют две антропоморфные фигуры,

лицом друг к другу, держащие стоящий между ними шест, через который прыгает акробат. Справа изображен бык, стоящий на задних ногах, одна из его передних ног опущена, вторая отставлена в сторону, как бы ведя наш взгляд на сидящее во втором регистре божество с жезлами. Слева от центральной микрокомпозиции сидит, вытянув ноги, музыкант, бьющий в огромный барабан, покоящийся на его ногах. Еще дальше располагается сидящий антропоморфный персонаж с жезлом и скипетром в руке. Наконец, во втором регистре — уже упомянутое божество и рядом с ним волк или собака.

Налицо явно сюжетная композиция, построенная по принципу симметрии, характерной для сиро-хеттской глиптики. Генеральная тема всей композиции глубоко мистическая. В самом деле, здесь нет ни одного реального человеческого персонажа, а лишь антропоморфные существа с головами животных, возможно обезьян, что уже само по себе может намекать на секретный характер всей композиции. Как мы помним, в изображениях на памятниках Бактрии обезьяны занимают значительное место: они, подобно подлинным божествам, нередко восседают на тронах.

Изображения обезьян были привнесены в сиро-хеттскую глиптику из Египта. В искусстве Египта им чаще всего отводится роль комических, а порой и карикатурных персонажей, в то время как в Малой Азии им уделяется место культовых служек.

Исключительного внимания заслуживают обезьяны-музыканты из Канеша (Турция), а в Хеттском царстве антропоморфные божества с птичьими головами, находящие соответствие в бактрийско-маргианской глиптике. В еще большей степени показательны "капеллы животных" из западно-азиатского искусства, маргианскую реплику которых демонстрирует рассматриваемый цилиндр. Божества с жезлами в обеих руках, которые изображены на этом цилиндре, определяются как месопотамские эмблемы бога солнца Шамаша.

Для нашей темы наибольшее значение имеет один сиро-хеттский цилиндр с изображением двух людей, держащих вместе такой жезл с шарами — мотив, как считают, идущий из Митании. В другом случае два коленопреклоненных гения-духа также держат вместе жезл с шарами, демонстрируя тем самым вариацию на эту тему.

Хотя тема акробата, прыгающего через шест, уникальна, она находит формальные соответствия в других регионах древнего Востока, особенно в сирийской глиптике митанийского стиля. Правда, здесь акробаты показаны преимущественно прыгающими через лошадей. К этому можно добавить известные критские изображения акробатов, прыгающих через быков, что нашло отражение в греческой глиптике. Высказано мнение, что акробаты сирийской глиптики в конечном счете восходят к крито-египетским прототипам, так что маргианский цилиндр может отмечать наиболее восточный пункт распространения этого редкого мотива.

Возникает закономерный вопрос: является ли рассматриваемая композиция следствием культурных влияний или же ее привнесли вместе с собой пришлые в Маргиану племена?

Сейчас можно считать доказанным, что племена, колонизовавшие Бактрию и Маргиану в начале II тыс. до н.э. не были завоевателями, но пришли сюда вместе со своими домохозяевами, с женами, детьми, стариками, со всем своим скарбом и конечно же со своими собственными религиозными представлениями. А ведь вышеотмеченные параллели обнаруживаются не на бытовых изделиях, а на культовых, то есть касаются идеологических представлений человека, наиболее консервативных областей человеческой культуры. В самом деле, достаточно четкий и устойчивый комплекс образовательных памятников Бактрии и Маргианы с одной стороны и Месопотамии — с другой в конечном счете восходит к северомесопотамскому пантеону божеств, где можно предполагать истоки этих конкретных религиозных представлений.

Если бактрийско-маргианский пантеон распространяется здесь вместе с расселением новых племен, то при всех возможных вариантах эта миграция не могла миновать промежуточной территории восточного Ирана. Тогда понятно, почему крылатые антропоморфные божества с птичьими признаками точно так же, как стоящие фронтальные развернутые женские божества с руками, сложенными на талии, представлены восточно-иранской глиптикой Шахдада и тепе Яхья. Видимо не случайно и здесь имеются изображения птиц в качестве эмблемы божества, музыкант, играющий на барабане, до определенной степени напоминая с одной стороны божества и персонажей культовых церемоний Сирии, а

с другой — Бактрии и Маргианы. Осталось добавить, что и сам археологический комплекс восточного Ирана начала II тысячелетия н.э. занимает как бы промежуточное место, обнаруживая прямые, отчасти возможно генетические связи с Бактрией и Маргианой и в меньшей степени с Эламом, историческая связь которого с Месопотамией общеизвестна.

Особого интереса заслуживает тот факт, что многие сирогеттские прототипы бактрийско-маргианского пантеона в свою очередь определяются как отражающие митанийский стиль в месопотамском искусстве, как например упомянутый уникальный бактрийский топор с двуглавым демоном, у которого ноги заканчиваются птичьими лапами, жезлы с шарами, композиция с акробатами, гибридные антропоморфные персонажи с головами животных и так далее. Все эти наблюдения, выступающие пока в общей форме, не могут быть не сопоставлены с митанийскими племенами, арийская принадлежность которых подтверждается письменными данными. В этом государстве были найдены клинописные таблички, в которых упоминаются имена индоиранских божеств. Думается, пришлые племена, колонизовавшие в начале II тыс. до н.э. Бактрию и Маргиану, не случайно обнаруживают связи с митанийским искусством, за чем видимо скрываются и реальные исторические события, связанные с расселением индоиранских племен.

Для этого еще раз обратимся к маргианскому цилиндру, общая композиция которого (прыгающие акробаты), отдельные персонажи (божество с жезлом, с шарами, люди с головами животных), находят весьма впечатляющие аналогии в митанийском искусстве. В свою очередь, вся сцена маргианского цилиндра связана с культовыми, а не светскими празднествами, тайный мистический характер которых подчеркивают сами гибридные персонажи. Налицо ритуальное празднество с четко выработанной культовой обрядностью, до определенной степени напоминающее элевсинские мистерии Греции. Почти можно не сомневаться, что эти религиозные представления и культовые церемонии были привнесены в Бактрию и Маргиану пришлыми племенами, которые на своей новой родине продолжали твердо придерживаться своих собственных верований и старых традиций.

Но вернемся к центральной теме рассматриваемого цилиндра, к акробату, прыгающему через шест. Общеизвестно,

что в крито-микенском искусстве это одна из популярных тем, но там, как правило, акробаты прыгают через быков. Это формальное несоответствие до определенной степени восполняется вышеупомянутым каменным амулетом, выточенным в виде двугорбого верблюда. На оборотной стороне амулета изображен стремительно мчащийся бык, которого сверху атакуют три орла, сзади же, над хвостом быка, сохранился фрагмент с изображением ног летящего в воздух акробата. Осталось отметить частично сохранившуюся в основании амулета сцену охоты лучника с собакой на горного козла, находящуюся в позднеаккадском искусстве, чтобы считать доказанным общезападное происхождение всех этих сюжетов.

Заканчивая краткий обзор глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы нетрудно прийти к одному бесспорному выводу — они отражают чрезвычайно сложные мифологические представления местных племен. Это особенно касается сюжетных тематических композиций, явно повествовательных, в свою очередь указывающих на высокий интеллектуальный уровень местного населения. И лишь полное отсутствие письменных данных заставляет ограничиться столь общими заключениями. Тем не менее со всей определенностью можно сказать, что главная тема бактрийско-маргианского искусства — борьба змей и драконов за обладание жизненной силой отражает важнейшие религиозные представления этих племен. Близко к этой теме стояли мифы, связанные с поэтическими повествованиями о героях-драконоборцах, борющихся с темными силами, врагами рода человеческого.

Если ирано-месопотамские параллели бактрийско-маргианским образам и темам не вызывают сомнений, а сирогеттские выступают вполне вероятными, то в последнее время новейшие данные позволяют выдвинуть еще одно предположение, связанное с древнегреческой мифологией. В самом деле, вспомним амулеты со сценой терзания орлом поверженного на землю человека, близко перекликающейся с мифом о Прометее, печать в виде героя, борющегося с многоголовой гидрой, и в особенности тему акробатов, то прыгающих через шест, то через быка, чтобы убедиться в реальности их взаимных сопоставлений. Не исключено, что и греческие, и бактрийско-маргианские сцены являются отражением много более древних общих мифов, восходящих к греко-армяно-

арийской языковой общности, предполагаемой лингвистами в Передней Азии, до их расселения в виде ахейских племен в материковую Грецию, а арийских, индоиранских племен — в юго-западную Азию, и в частности в Бактрию и Маргиану.

Глава VII. Древний Пантеон.

Вышеприведенный обзор глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы позволяет уже сейчас в предварительном порядке сделать некоторые общие выводы и реконструировать бывшие религиозные представления людей того, доэраострийского времени.

Первый и основной вывод касается доказанного факта существования древнего пантеона, документируемого, в основном, соответствующими материалами Бактрии. Доказательством тому служат медные печати и каменные амулеты с изображением в центре крылатых, антропоморфных персонажей с человеческими или птичьими головами. Тот факт, что некоторые из них сохранили на голове рога, с бесспорностью указывает, что перед нами именно божества, а не просто выдающиеся лица или герои местной мифологии.

Судя по наличию птичьих признаков, и в особенности крыльев, можно предполагать, что местом обитания этих божеств являлось небо-верхняя сфера космологической модели мира. Иначе говоря, бактрийско-маргианский Олимп, подобно греческому, находился на небе и был населен различными божествами. Более сложен вопрос: имеем ли мы здесь одно божество, и оно представлено в разных ипостасях, или же это различные божества. Вспомним, крылатое антропоморфное божество с птичьим или, наоборот, человеческим лицом в одном случае спокойно восседает на троне, причем его неизменным спутником или атрибутом является птица, сидящая у изножья трона. В другом случае это же божество сидит верхом на змее или драконе, реальных или фантастических животных, а еще в одном случае — на львином драконе. Такая взаимная корреляция практически одних и тех же персонажей намекает на сложную ступень развития идеологических представлений, когда идет процесс выработки общего иконографического образа одного, а затем в конечном счете единого, божества. В этом плане исключительного значения заслуживает документально установленный факт существования наряду с орлеговыми двуглавыми антропоморфных персонажей, наподобие упомянутого выше серебряно-

го бактрийского топора. Наличие двух голов должно было подчеркнуть превосходство этих существ над одноглавыми, свидетельствовать о двойном усилении их мощи и величия и, в конечном счете, их преимуществе над остальными. Думается, именно эту идею пытались воплотить древние мастера, когда они изображали двуглавых, орлеподобных божеств, которые уже стояли выше над одноголовыми, возможно приобретая ранг верховных божеств. Но ведь творения древних мастеров отражают те идеологические представления, что окружали их в повседневной, реальной жизни.

Не доказано, но в высшей степени вероятно, что уже сейчас имеются веские основания предполагать существование особого пантеона антропоморфных божеств во главе с двуглавым божеством, возможно уже верховным. В таком случае очевидно, что древний пантеон Бактрии (и, как можно предполагать, Маргианы) находился на той стадии развития, когда шел интенсивный процесс перехода от многобожия к единобожию. Налицо тенденция сложения единобожия, которая получит свое завершение в последующее время при реформе Зороастра. Думается, на этой дозороастрийской стадии существовал свой древний пантеон, в целом общий для Бактрии и Маргианы, но пока, как это уже говорилось, еще затруднительно судить, были ли это особые по своей персонализации божества или одно божество, но в разных ипостасях. Тем не менее в предварительном порядке можно выделить несколько иконографических типов, возможно, отражающих разные божественные сущности.

Первый тип составляют крылатые, антропоморфные персонажи с человеческой или птичьей головой, с расставленными в стороны руками (в одном случае — с расставленными в сторону крыльями), всегда сидящие на троне. Главным их атрибутом являются птички, помещенные у изножья трона. Вариантом этого типа может служить фигура реального человека (мужчины или женщины), сидящего на троне с высокой спинкой (рис. 50).

Второй тип передают те же крылатые, антропоморфные персонажи, но сидящие на реальных или, наоборот, фантастических животных, а в одном случае на драконе. На вышеупомянутой серебряной бактрийской печати на львоподобном существе сидит бесспорно женская фигура (рис. 51).

Третий тип составляют все те же антропоморфные персонажи с человеческими или птичьими головами, но как будто бы без крыльев, выступающие в образе драконоборцев (рис. 52). Пока еще трудно судить, являются ли они также божествами или это обожествленные герои. Возможно, сюда же должны быть отнесены стоящие в спокойной позе, стройные, как мужские, так и женские фигуры с разведенными в стороны руками и ладонями, сложенными на талии, в окружении птиц и животных. Среди этого типа пока не отмечены персонажи с птичьими головами, поэтому как фигуры драконоборцев, так и эти скорее всего передают образ хозяина или хозяйки всего сущего на земле. Вместе с тем тот документально засвидетельствованный факт, что в одном случае голова драконоборца украшена рогами, а также частое присутствие в качестве символов птиц, по преимуществу орлов, намекает на обожествление былых реальных прототипов. В еще большей степени показательна печать, общую композицию которой составляет центральная фигура драконоборца с помещенными под его руками орлами в геральдической позе. Очевидно, что это уже не просто герой-драконоборец, а обожествленный герой, возможно уже включенный в древнебактрийский пантеон.

Вероятно, животные и драконы, которые сопутствовали божествам или на которых они восседали, выступали также как их своеобразные атрибуты. В таком случае антропоморфное божество с птичьей головой, восседающее на драконе, близко соответствует по своему значению драконоборцу с парой птичек под руками.

О сложной иерархии древнебактрийского пантеона свидетельствует уже упоминавшийся уникальный серебряный с позолотой церемониальный топор, отлитый в виде крылатого человека с двумя орлиными головами, руки и ноги которого заканчиваются орлиными лапами. Что это — еще одно божество в ряду других или уже выделившееся верховное божество того же пантеона? Как уже было отмечено, двуглавый орел уже сам по себе предполагает превосходство над всеми другими, а в нашем случае — над антропоморфными орлоголовыми божествами, возможно действительно указывая на его обособленное, явно много более престижное положение среди всех остальных божеств древнебактрийского пантеона. Вспомним крылатого льва с бородкой и рогом,

которого когтит двуглавое божество. Ведь точно на таком же фантастичном животном восседает полуобнаженная женская фигура, изображенная на уже неоднократно упоминавшейся серебряной печати. Налицо вполне выработанная иерархия древнебактрийского пантеона со сложной системой мифологических представлений. Можно не сомневаться, что будущие исследования во многом уточнят и конкретизируют наши нынешние представления о древнем пантеоне, точно так же можно не сомневаться, что основной архетип, иконографический образ антропоморфного божества с птичьими признаками, был навеян сиро-хетскими божествами. Именно здесь были распространены духи-гении, антропоморфные, крылатые, с птичьими головами, нередко с руками и ногами, заканчивающимися орлиными лапами. По существу в древнеассирийском пантеоне мы находим основные персонажи древнебактрийского пантеона, но безусловно видоизмененные. Более того, некоторые персонажи глиптики и сфрагистики Бактрии, и отчасти Маргианы, находят, как уже отмечалось, убедительные прототипы в митанийском искусстве, что, хотя, пока еще выступает в самой общей форме, но что никак нельзя сбрасывать со счетов при будущих исследованиях.

Как бы то ни было, в настоящее время, когда мы только стоим на пороге изучения идеологических представлений Бактрии и Маргианы, для нас имеет принципиально важное значение факт существования своего пантеона, обнаруживающего бесспорные связи с сиро-хетским и, что особенно важно, с митанийским пантеоном. Если будущие исследования подтвердят такое предположение, то появятся веские основания видеть связь, хотя и в опосредственной форме, между митанийскими, древнебактрийскими и арийскими религиозными представлениями.

Следующую область идеологических представлений Бактрии и Маргианы составляют своеобразные духи как добрые, положительные по отношению к человеку "ангелы", так и отрицательные демонические существа-"дэвы". Последние по преимуществу представлены змееподобными, часто извивающимися существами, нередко мохнатыми, рога-тыми, пучеглазыми, с широко разинутыми пастью драконами, злобная, агрессивная сущность которых по отношению к людям не вызывает сомнений. Эти ярко выраженные демони-

ческие существа, злые духи, своего рода дэвы, занимают как бы промежуточное положение между миром людей и божеств. Хотя отдельные демонические существа имеют крылья, а иногда, участвуют в сложных композициях на амулетах и печатях, где они показаны парящими в воздухе, атакуя сверху свои жертвы, они нигде не представлены в пантеоне божеств и тесно связаны с человеком в его повседневной, реальной жизни. Они существуют не на небесах, а, напротив, ежедневно и ежечасно окружают человека в его жизни (рис. 53).

Мир добрых существ представляют птицы, животные, рептилии и членистоногие, игравшие положительную роль по отношению к людям. Это как реальные, так и фантастические существа (крылатые верблюды, быки, антилопы, орлы, змеи, лягушки, скорпионы и т.д.), персонифицирующие собой жизненную силу и вообще благополучие человека при его жизни на земле. Не совсем ясна роль крылатых львов и пантер, но в целом, как думается, играющих также положительную по отношению к человеку роль.

Итак, отрицательным драконам противостоят добрые существа, причем постоянная, извечная борьба между которыми составляет едва ли не генеральную идею, заложенную как бы в закодированном виде в сюжетные, явно тематические, композиции амулетов и печатей Бактрии и Маргианы. Вспомним, что очень часто птицы и животные показаны в явно оборонительной позе, они как бы отбиваются от злобных драконов, пытающихся подобраться к ним и похитить жизненное семя, а вместе с тем и жизненную силу, источник продолжения жизни на земле. Вот эта-то извечная борьба между добрыми и злыми существами, а в конечном итоге между Добром и Злом, и составляет основную этико-философскую концепцию племен, обитавших в Бактрии и Маргиане в дозораострийское время (рис. 54).

Вместе с тем на этом дозораострийском периоде далеко не всегда победа в извечной борьбе и противоборстве остается за рептилиями и членистоногими. Уже упоминались амулеты, на которых под животами мирных парнокопытных извиваются не рептилии, а змееподобные драконы, успевшие опередить первых (рис. 55). В ряде случаев они, туго обвив тела птиц и животных, злобно и ревниво охраняют свои жертвы от возможного посягательства со стороны других существ. Ина-

че говоря, существовавшие тогда верования допускали, что в этой борьбе победа далеко не predetermined в пользу добрых сил, а могла достаться и злым драконам, действовавшим во вред человеку.

Доказательством тому могут служить несколько амулетов, происходящих как из Бактрии, так и Маргианы. В этом плане исключительного интереса заслуживает один маргианский амулет с изображением змееподобного дракона, пожирающего змею. В другом случае огромное чудовище с громадной головой, увенчанной "антеннами", набрасывается на двух поверженных на землю людей (рис. 56). Чрезвычайно широк репертуар былинных сказаний, в которых главная тема связана с борьбой человека с темными силами мироздания.

Наконец, из разграбленных могил Бактрии происходит великолепный каменный амулет со сценой терзания человека громадным змееподобным драконом, из его широкоразинутой пасти видна лишь верхняя часть жертвы. На обороте этого же амулета выгравированы птицы, предположительно орлы, дружно набрасывающиеся на змеевидное существо, по-видимому дракона, как бы защищая вышеупомянутую жертву. Налицо этико-философская концепция дуалистического противостояния, борьбы добра и зла, которая была широко распространена у жителей Бактрии и Маргианы, составляя сущность их восприятия мира. Борьба добра и зла, хотя и в реформированном виде, прослеживается в последующей зороастрийской религии, где она получает более законченный вид в чеканных формулировках пророка. Конечно, дуализм был присущ и многим другим древним религиям мира, но пока с документальной точностью он зафиксирован в очерченной историко-культурной зоне, население которой если и не было еще индоиранским, то древнеиранским или восточноиранским наверняка уже было. Мы не можем замыкаться в узких рамках Бактрии или Маргианы, напротив, имеются все основания включить в эту зону восточный Иран и Белуджистан, и лишь их слабая изученность в археологическом отношении препятствует более определенным доказательствам в настоящее время.

Среди злых и добрых персонажей печатей и амулетов Бактрии и Маргианы особое место занимают крылатые хищники, преимущественно крылатые львы, всегда в одной об-

щей иконографической позе: в профиль, с широко разинутой пастью и далеко заброшенным назад хвостом. Как правило, под животами их всегда извиваются то рептилии, то членистоногие. Знаменательно, что крылатые львы никогда не показаны с повернутой назад головой, то есть обороняясь, а, наоборот, олицетворяя собой мощь, силу и бесстрашие. Тот факт, что именно эти изображения постоянно повторялись как бактрийскими, так и маргианскими камнерезами, показывает, какое особое место занимали они в местной мифологии.

Если божества и, предположительно, обожествленные герои, судя по всему, обитали в верхней небесной сфере, то вторую сферу космогонической модели составляла земля, населенная людьми, животными, птицами, рептилиями. Народное мифотворчество поэтизировало природу, выделив хозяина или хозяйку, которым подвластны были все силы природы, и в первую очередь животный и пернатый мир. Среди рядовых обитателей уже выделяются отдельные личности, превосходящие всех остальных силой и неустранимостью, что находит свое выражение на печатях типа героев-драконоворцов. Большое место во взаимоотношениях человека и природы занимали рептилии и скорпионы, однако конкретная роль их еще остается по преимуществу в области догадок. Правда, некоторое представление об этом дают уже упоминавшиеся ритуальные культовые сосуды, украшенные по верхнему бортику скульптурными фризами. Как мы помним, внутри таких сосудов всегда помещены налепные украшения только лишь змей и лягушек, связь которых с водой общеизвестна: обычно такие сосуды были наполнены жидкостью, имитируя водную гладь, из которой как бы выползают наверх рептилии. Можно допустить, что бортик с фризом — это земная твердь с населяющими ее людьми, птицами и животными. Создается впечатление, что водная гладь символизирует собой третий подземный мир, который у многих народов мира часто ассоциируется с царством мертвых, куда после смерти переселяются души умерших. Не исключено, что по представлениям бактрийцев, потусторонний мир, царство мертвых, помещался под землей, где он мыслился в виде водной стихии, иначе, мирового океана.

Косвенные доказательства тому дают вышеописанные бронзовые зеркала (рис. 14). Зеркало, как никакой другой

предмет, окружавший человека в каждодневном быту, ассоциировалось у него с идеей старения и, в конечном счете, смертью. Это, разумеется, не могло не выработать особого к нему отношения древних, а у мастеров-литейщиков желания декорировать свои изделия темами и образами, связанными с потусторонним миром и смертью. Диски их с завидным постоянством специально украшались волнистыми завитками-волнами, скорее всего имитирующими водную стихию, "мировой океан", где в явно противоборствующей позиции изображены, видимо, змееподобные драконы и животные. Особенно показательно зеркало, на обороте которого изображен всплывающий на поверхность рогатый бык. Ему навстречу скользит змея или, скорее, змеиный дракон, в определенной степени напоминая образ "змея глубин", упоминаемого в священной книге "Ригведа". Вообще же, как это уже указывалось, в ряде случаев трудно отличить изображение змея от змеино-го дракона, но при всех вариантах они являются воплощением нижнего, водного, подземного, потустороннего мира.

Думается, что аналогичную стадию мифологических представлений демонстрируют бактрийские и маргианские печати и амулеты. В тех случаях, когда змеи похищают жизненное семя, они выражают идею плодородия, выступают как символы мужского начала. И наоборот, как это видно по бактрийским зеркалам или культовым сосудам: здесь змеи, внешне не отличаясь от драконов, возможно, являются носителями отрицательного начала и тесно связаны с водным, подземным, потусторонним миром. Здесь это уже космический змей, который в противоположность небесным богам приурочен к миру подземному. Так например, в месопотамской мифологии он часто помещается у корней мирового дерева, а древнеиндийский "змей глубин" уже по своему названию мыслится в водной стихии. В таких случаях образ змея имеет негативное значение, приобретает демонические признаки. Подобно тому, как "верхний мир" был населен крылатыми божествами, и по-видимому обожествленными героями, точно так же "подземный мир" мог быть заселен змеями, лягушками, драконами. Все это дает основание предполагать трехчленную модель мира в бактрийско-маргианской мифологии: небо — как обиталище богов и обожествленных героев, земля — как твердь земная, обитель людская

и всей живой природы в целом и подземное царство мертвых — в виде водной стихии или мирового океана.

Но имеется еще один аспект, неизвестный пока более нигде в переднеазиатской глиптике, кроме Бактрии и Маргианы, для столь раннего времени. Это — изображения животных, под животами у которых извиваются змеи, подбираясь к живительному семени. Неожиданно близкие скульптурные изображения и стенные росписи демонстрируют памятники искусства, хотя и более позднего, римского, времени. Но там они не представляют загадки, а связаны с широко распространенным культом бога Митры, где этот бог часто показан в виде человека, поражающего быка, у ног которого, как правило, извивается змея, подбираясь к семени быка. Главная функция Митры — даритель жизни, что подтверждается как многочисленными римскими надписями, так и самими скульптурными изображениями, на которых змеи, подобно бактрийско-маргианским, похищают у быка живительное семя. Доказано и не вызывает сомнений, что Митра римского времени происходит от древнеиранского бога Митры, который в "Авесте" выступает вторым после Ахура Мазды божеством. В Иране нам пока неизвестны его изображения для столь древнего времени, зато сама эта идея достаточно четко прослеживается на бактрийско-маргианских амулетах.

Хотя в "Авесте" нет прямых указаний о связи культа бога Митры с темой "похищения семени", среднеиранская зороастрийская традиция сохранила миф, согласно которому Ахриман убивает быка, из костного мозга которого вырастают колосья, чьи зерна дают жизнь новым видам животных. Поскольку доказано, что Митра периода Римской империи происходит от авестийского Митры, то и сама идея похищения семени, скорее всего, имеет одно общее происхождение. В таком случае генеральная идея похищения семени бактрийско-маргианских амулетов, воплощенная в фаллическом символизме, в конечном счете, также связана с идеей продления жизни и, наконец, бессмертием. Образная мифология, столь ярко выраженная в местной глиптике, не оставляет сомнений в ее глубокой смысловой значимости. Для этого достаточно вспомнить один маргианский амулет, где змеи похищают живительное семя у спокойно стоящего быка, которого сверху атакует дракон со зло оскаленной пастью. Возможно также не случайно, что в Римской империи Митра

изображался в виде крылатого льва с человеческим телом, которое обвивают змеи, до определенной степени вызывая в памяти крылатых львов в окружении змей все той же бактрийско-маргианской глиптики. В этом плане исключительный интерес представляет один бактрийский амулет с гравированным изображением разъяренного льва, тело которого туго обвивает змееподобный дракон. Историками религии уже давно было отмечено, что среди христианской символики имеются нехристианские изображения, в том числе львоголовые человеческие существа с широко разинутой пастью, тело которых обвивает змея. В свою очередь считается, что такие крылатые львоголовые человеческие божества более всего соответствуют древнему митраизму.

Можно было бы привести и другие доказательства, но достаточно и этих, чтобы заключить со всей определенностью о вполне верной связи изображений львиных существ Бактрии и Маргианы с митраизмом древнеиранских племен, который в видоизмененной форме вошел в зороастризм и затем в классическом виде выступает в Римской Империи. Во всяком случае в настоящее время только лишь глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы дает наиболее древние изображения, которые могут быть сопоставлены с последующим митраизмом.

Здесь же будет к месту отметить и другие элементы митраизма, выявляемые пока еще лишь в общей форме, но опять-таки только в Бактрии и Маргиане. Имеется в виду генеральная идея похищения жизненного семени змеями и драконами у птиц и животных, и в первую очередь у быков. Подобно вышеотмеченным крылатым львам, быки всегда показаны в спокойной позе, по земле к ним подбираются змеи. И возможно не так уж покажется убедительным, что именно эту композицию отражают бесчисленные римские статуи, на которых те же змеи подползают к быкам с целью похищения жизненной силы.

Очевидно, что все эти сопоставления пока выступают в самой общей форме, но так же точно очевидно, что они не могут быть игнорированы в будущем, а, более того, требуют своего уточнения и конкретизации на новом археологическом материале. Вместе с тем, эти и другие наблюдения способствуют укреплению предположений о чрезвычайно высокой интеллектуальной жизни древнего населения Бактрии и

Маргианы, этико-философские основы чего затем находят свое продолжение в зороастризме.

Помимо Митры среди древнеиранских божеств наиболее популярной была богиня Анахита, которая позднее была включена Заратуштрой в его религию. В "Авесте" она выступает как одно из главных божеств, как владычица всего сущего на земле, олицетворяя собой идею всеобщего плодородия. Анахита — хозяйка водного изобилия, животного и пернатого мира, от которой зависит сама жизнь древнего человека, а в конечном счете — продолжение жизни на земле. В этом плане показательны вышеупомянутые печати Бактрии с изображением в центре стоящей, по-видимому женской, фигуры в общей иконографической позе: фронтально развернутая голова в профиль, руки сложены на талии — образ хозяйки животных. Они всегда показаны в окружении птиц и животных, причем не в противоборствующей позиции, как это, например, часто отмечено для месопотамской глиптики с участием птиц и животных, а, напротив, как триумфаторы. Вспомним, на бактрийских печатях с изображением животных нередко образы хищников кошачьей породы, они всегда показаны у ног этого божества, а в одном случае хозяйка гордо восседает на фантастическом львоподобном животном, бесспорно олицетворяя идею полного и безусловного его подчинения.

Но все-таки главное для древнеиранской Анахиты — олицетворение водной стихии, водного изобилия, а уж затем животного мира. В этом плане примечательна одна бактрийская находка в виде вышеупомянутого каменного флакона с изображением женского образа, но не в окружении птиц и животных, а стоящего в лодке, то есть в сочетании с водой, водной стихией. Поэтому было высказано вполне обоснованное мнение, что это может быть божество воды бактрийского пантеона, которое в "Авесте" упоминается под именем Анахиты, а в "Ригведе" как мать рек — Саразвати.

Вспомним ее изображение на бактрийском флаконе: с начальной лентой типа венка, с маленькими изящными грудями, с поясом по талии, стройная и, надо полагать, красивая. А теперь сопоставим этот образ с описанием Анахиты в "Авесте": прекрасная девушка с чудесной фигурой, с высокозавязанным поясом, который плотно охватывает талию, чтобы придать груди прекрасную форму. "Она носит на прекрасной

шее ожерелье, на голове ее венок." Уже было отмечено, что это описание Анахиты вполне приложимо к изображению бактрийской богини на флаконе, причем обе они выполняют одно и то же дело — примиряют воды, реки с плодородием земли, а, возможно, заботятся о плодovitости человека и животных.

В этом плане показательна одна так называемая составная статуэтка, головка которой посажена не на пышный торс, а на треугольную пластину, покрытую тонкогравированными волнистыми линиями, как на бактрийских зеркалах, где они передают водную гладь, водную стихию. Из этого наблюдения французские археологи сделали вполне вероятный вывод о связи этой статуэтки с образом богини водного изобилия и плодородия — Анахитой. Правда, в "Авесте" Анахита упоминается как закутанная в бобровые меха, но ведь и бобры — типично водолюбивые животные, что не противоречит высказанному предположению о возможности видеть в соответствующих бактрийских изображениях божества подобие древнеиранской Анахиты.

Хотя для времени "Авесты" у нас нет ни одного документально засвидетельствованного изображения Анахиты, показательна одна сасанидская ваза, на которой богиня несет в каждой руке по маку, протягивая вполне очевидна ее связь с изображением бактрийской богини в лодке, в окружении двух маков.

Как предполагают, с идеей всеобщего плодородия земли связаны и образы многоголовых гидр, которые в "Авесте" упоминаются в виде змеевидного дракона Аджи Дахана. Он — нарушитель миропорядка. В древнеиндийской мифологии двойник авестийского Аджи Дахана выступает под именем Вртра: "Тот, кто мешает, кто чинит препятствие." Он может задерживать мировые воды, и лишь после того, как Индра обрушивает на него палицу, вода вновь проливается благодатным потоком на землю. Смерть драконов означала отделение земли от неба, появление солнца, установление космического миропорядка.

И возможно не случайно в хеттских текстах также имеется миф о смерти дракона, поверженного богом-громовержцем. Показательно, что и здесь это змееподобные драконы, иногда с рогом, причем смерть дракона опять связана с высвобождением подземных вод. Словом, есть веские основа-

ния предполагать, что эта тема является типично индоиранской, причем высказано вполне обоснованное мнение, что изображение драконов среди гор на бактрийских каменных коробочках возможно не случайно перекликается с мифом о том, что древнеиндийский Вртра "лежит в горах". А, кроме того, тело бактрийского дракона украшено изображениями солнца, перекликаясь с мифом, повествующим о том, что со смертью Вртра встает заря, поднимается солнце. Наконец подмечено, что имеются изображения бактрийских драконов вне всякого окружения — для того, чтобы древние люди понимали, какой миф олицетворяют эти персонажи. Налицо четкие и определенные мифологические связи Бактрии и Маргианы с древнеиндийскими авестийскими текстами. Другое дело, что конкретизация выдвинутых идей, выступающих пока в общей форме, требует новых доказательств.

Итак, Бактрия и Маргиана демонстрируют удивительное сходство культур, сходство, за которым угадывается общность их происхождения. В предшествующих главах было показано, что по всем основным признакам Бактрия и Маргиана обнаруживают поразительное культурно-историческое единство, за которым, надо думать, скрывается и родство этническое. Иначе говоря, и там, и тут проживал один народ, говоривший на общем языке. В самом деле, типы поселений, их планировка и строительные приемы до деталей копируют друг друга; аналогичны керамические комплексы, металлическая продукция, камнерезное дело, глиптика и сфрагистика.

На этом фоне вполне очевидного сходства особенно выпукло выглядят различия с территориально много более близкими областями. Так, например, было бы естественно предполагать, что Маргиана, расположенная на востоке Туркмении, должна находить наиболее четкие соответствия в южном Туркменистане, где в плодородных оазисах издревле проживали древнеземледельческие племена. И в общей форме такое взаимное родство наблюдается, хотя и далеко уступает бактрийским связям. Для доказательства обратимся к рассмотрению той исторической ситуации, которая сложилась в южном Туркменистане накануне появления в Маргиане первых обитателей.

В эту пору плодородные земли северных склонов Копет Дага представляли собой цветущие, традиционно-земледельческие оазисы с высокоразвитой культурой древневосточного типа. Наряду с небольшими сельскими поселениями вырастают гигантские столичные памятники, вмещавшие многотысячное население. Одним из характерных внешних признаков этой культуры, с чем в первую очередь сталкиваются археологи, является высококачественная, найденная на поверхности поселений, изящная расписная посуда разнообразных форм, а также терракотовая пластика, и в первую очередь коропластика. Пожалуй, никогда раньше в системе южного Туркменистана не пользовались такой популярностью терракотовые статуэтки, которые теперь имелись почти в каждом доме. Как правило, они изображают обнаженных

сидящих женщин с пышными головными уборами, лица их имеют преувеличенно большие, как бы гипнотизирующие зрителя, глаза и огромные, выступающие вперед, носы. Все они в буквальном смысле немые: ни у одной из них не изображен рот. Зато многие из них сохранили на плечах нацарапанные еще по сырой глине знаки, передающие, как считают, конкретную персонификацию самих божков, как например: "богиня воды", "богиня растений" и т.д. Как мы помним, точно такие статуэтки встречены были археологами на многих, хотя и не на всех, поселениях Маргианы, что бесспорно указывает на взаимную генетическую связь создавших их людей независимо от того, где они проживали — в подгорной полосе южного Туркменистана или древней дельте реки Мургаб.

В этом плане весьма показателен документально установленный археологами факт запустения многих, недавно еще процветавших, оазисов подгорной полосы Копет Дага и вместе с тем интенсивное обживание бассейна реки Мургаб. В самом деле, где-то в начале II тыс. до н.э. полностью забрасывается столичное поселение Алтын депе, еле теплится жизнь на грандиозном по размерам Намазга депе, прекращают жить и полностью забрасываются небольшие сельские поселения и деревушки. В чем причина этого? Может быть, кризис еще вчера процветавших древнеземледельческих оазисов связан с катастрофическими причинами? Это могло быть естественное наступление засушливого периода, когда традиционно земледельческое население юга Туркменистана уже не получало былых высоких урожаев. Из года в год отсутствие дождей и резкое уменьшение воды в предгорных речушках действительно могло привести не только к уменьшению урожаев, но и к общему кризису древнего хозяйства. Возможно, этому способствовало вторжение в традиционно земледельческие оазисы воинственных кочевников, которые всегда с завистью смотрели на богатые, процветающие поселения мирных оседлых племен. Тем более, что в руинах поселений этого времени археологами встречены обломки грубых толстостенных сосудов степняков, выделяющихся и отличающихся от изящной тонкостенной керамики местных южно-туркменистанских племен. Такую посуду могли принести с собой во время военных походов кочевники-номады на пути

их предполагаемого вторжения в процветающие оазисы подгорной полосы Копет Дага.

Все гипотезы, связанные с запустением южного Туркменистана, привлекают логической системой доказательств, так как примерно в это время происходит освоение Маргианы, что, казалось бы, в наилучшей степени решает проблему в целом. Однако имеется одно, но весьма существенное препятствие — тот документально засвидетельствованный факт, что наряду с отмеченным запустением рядом с заброшенными поселками продолжает существовать огромное поселение типа Улуг депе у Душака, а около захиревшей столицы Намазга депе возникает новое поселение под современным названием Теккем депе: Как же совместить эти, казалось бы, несовместимые факты и наблюдения? Если наступил засушливый, ксеротермический период, то он в одинаковой степени должен был отразиться на положении всех древнеземледельческих поселений, точно так же и предполагаемое вторжение кочевников должно было затронуть судьбы всего населения. Уже было отмечено, что в это время основное население южного Туркменистана концентрировалось на таких крупных столичных памятниках как Алтын депе, Улуг депе и Намазга депе, на которых проживало около 75% местного населения и лишь незначительная часть — на мелких поселениях. Иначе говоря, еще задолго до предполагаемого кризиса население южного Туркменистана стало постепенно концентрироваться в крупных поселениях, что, видимо, действительно связано было с изменением в палеоэкономике. Если учесть, что основным занятием населения было земледелие и скотоводство, то, очевидно, ответ следует искать именно в палеоклиматических изменениях. Археологи давно обратили внимание на то, что если до предполагаемого кризиса земледелие местных племен базировалось на мелких речушках, стекавших с гор в примыкающие предгорные долины, то после него идет интенсивное освоение долинных аллювиальных равнин, орошаемых такими большими реками как среднее течение Амударьи и бассейна реки Мургаб. Иначе говоря, вполне очевидный упадок, регресс местного общества подгорной полосы Копет Дага оборачивается дальнейшим прогрессом и общим подъемом культуры в Маргиане. Как же совместить это кажущееся несоответствие?

Прогрессивное углубление русел рек и невозможность освоения новых земель без строительства сложных ирригационных сооружений вместе со все большим истощением старых пашен приводило к необходимости концентрации населения на крупных столичных памятниках.

Вообще же эта проблема имеет не узколокальный, а напротив, глобальный характер — как теперь выясняется, рубеж III-II тыс. до н.э. характеризуется упадком или резким сокращением жизни на многих традиционно земледельческих поселениях Ирана, Афганистана, Средней Азии и отчасти Белуджистана. Именно в это время практически одновременно отмечался упадок таких крупных поселений как Гиссар, Шахри Сохте и Тепе Яхья в восточном Иране, Мундигак — в Афганистане, Намазга, Алтын депе и Улуг депе — в Туркменистане, городов хараппской цивилизации — в долине реки Инд. Думается, правы те исследователи, которые усматривают причины этого в наступлении ксеротермического, или, иначе, засушливого периода. Новейшие палеогеографические данные на территории Туркменистана показывают, что пльвиальный период осадконакоплений на рубеже III-II тыс. до н.э. сменился засушливым, пустынно-такырымным. Более того, по данным климатологов, эти явные признаки наступления резкой засушливости имели не узколокальные, а напротив, глобальные масштабы. Они захватили большую часть Древнего Востока. Возможно, были и иные причины, но в целом именно наступление глобальной, очень жесткой и долговременной засухи, видимо, и послужило причиной резкого сокращения водного дебита и орошаемого земледелия. Многие традиционно земледельческие центры забрасываются, вынуждая их обитателей искать новые земли для ведения земледельческого хозяйства.

Коллективный труд большой массы людей мог на какое-то время помочь избежать окончательной гибели оседлоземледельческой жизни, для чего, возможно, возводятся примитивные ирригационные сооружения для забора воды на поля. И это в то время, когда рядом, в нескольких десятках километров, в бассейне реки Мургаб лежали никем не занятые целинные земли, плодородная почва которых ждала трудолюбивого земледельца. Очевидно, что наряду с усложнением ведения древнеземледельческого хозяйства в Южном Туркменистане начался процесс постепенного освоения дельты

реки Мургаб, где, как отмечалось, в изобилии имелись пустые, никем не занятые плодородные земли. Открытие настоящего Эльдорадо в бассейне дельтового веера реки Мургаб могло явиться причиной оттока сюда части населения из подгорной полосы Копет Дага. Иммигранты, всегда ощущавшие нехватку воды горных, подверженных сезонным колебаниям речушек, попали в настоящий Эдем, рай для земледельцев.

Свободные, никем не занятые целинные земли, щедро орошаемые водами реки Мургаб, манили невольных иммигрантов своими, казалось бы, поистине неисчерпаемыми возможностями — сюда-то и могло переместиться население небольших сельских деревушек южного Туркменистана. Кстати отметить, что первые, неудачные, попытки освоения реки Мургаб были предприняты местными южнотуркменскими племенами еще на рубеже IV-III тыс. до н.э., но технические возможности использования вод такой большой реки оказались недостаточными, и уже вскоре колонисты ушли отсюда, так и не обуздав ее. Казалось бы, есть все основания предполагать заселение Маргианы исключительно выходцами из южного Туркменистана, если бы не вполне очевидные иранские связи и аналогии, которые были отмечены выше и указывающие на более сложные исторические события, связанные с колонизацией Маргианы и Бактрии.

Как теперь становится очевидным, основной археологический комплекс Маргианы находит соответствие не в материалах рядом расположенного южного Туркменистана, а в культуре Бактрии. В опосредствованной форме эти связи уходят еще далее на запад, что с необходимостью заставляет нас обратиться к соответствующим древностям соседнего Ирана. Для начала остановимся на памятниках иранского Хоросана, расположенных у юго-восточной оконечности Каспийского моря.

Пожалуй, самым интересным памятником для нашей темы является иранское поселение тепе Гиссар — древнее, расположенное неподалеку от современного города Дамган в чудесной долине, окаймленной по краям невысокими предгорьями Эльбурса. Стекавшие горные ручьи создавали оптимальные условия для занятия древним земледелием, а выгодное местоположение давало возможность контролировать проходящие мимо старинные торговые пути.

Крупномасштабные раскопки, проведенные здесь, позволили обнаружить большое количество древних могил, а их сохранившиеся до нас погребальные приношения выявили чрезвычайно развитую и оригинальную культуру. Как оказалось, первые поселенцы тепе Гиссар использовали в быту лепную от руки расписную керамику, среди орнаментов которой помимо чисто геометрических узоров, встречаются рисунки пятнистых барсов и горных козлов. В следующий по времени период, соответствующий III тыс. до н.э., наряду с такой расписной посудой внезапно и в достаточно широком масштабе появляется серая и чернополированная посуда в виде ваз на высоких стройных ножках, кубков и некоторых других форм.

Американские археологи, раскапывавшие Гиссар, склонны были рассматривать этот конкретный керамический комплекс как свидетельство прихода какого-то нового народа с территории современного Туркменистана. И в самом деле, традиционная местная расписная посуда все реже помещается в могилы Гиссара — ее медленно, но верно заменяет чернополированная, что может указывать на ассимиляцию, смешение пришлого и местного населения. Почти полвека прошло с момента первых раскопок Гиссара, и лишь в самые последние годы советские археологи выявили на крайнем юго-западе Туркмении в долине реки Сумбар аналогичную, но еще более древнюю посуду, возможно, действительно попавшую на тепе Гиссар вместе с приходом нового населения. Казалось бы, преувеличенное внимание, которое уделено здесь смене одного керамического стиля другим, носит узкопрофессиональный характер, однако ряд ученых связывают людей, использовавших чернополированную посуду, с тем загадочным народом — ариями, которые вот уже двести лет будоражат лучшие умы специалистов разных дисциплин. Но прежде чем перейти к их выводам, закончим наш обзор раскопок Гиссара.

Как оказалось, в заключительный период существования жизни на тепе Гиссар чернополированная посуда становится массовой и полностью замещает былую расписную. Казалось бы, налицо логическое продолжение предшествующего культурного развития, однако именно в этот заключительный период здесь распространяются изделия, неизвестные ранее древним жителям Гиссара, но зато неожиданно

находящие самые прямые соответствия в уже упомянутых материалах Маргианы и особенно Бактрии.

В дальнейшем для удобства изложения назовем все эти находки как принадлежащие бактрийско-маргианскому археологическому комплексу. Перечислим лишь наиболее важные и характерные признаки, такие как появившиеся впервые в Гиссаре миниатюрные колонки, зооморфные косметические флаконы, медные печати перегородчатого типа, серебряные сосуды, булавы с фигурными навершиями, цилиндрические печати месопотамского типа, кинжалы и наконечники копий и др. Иначе говоря, стало очевидным, что на заключительном этапе в Гиссаре жили люди, использовавшие в быту практически те же изделия, что и их современники в Бактрии и Маргиане. Но в таком случае весь этот комплекс изделий отражает приход нового населения со стороны. Но откуда?

В 1968 г. экспедиция из Института Географии Тегеранского Университета отправилась в пустыню Лют, или, иначе, "Великую песчаную пустыню" Ирана, где совершенно случайно недалеко от города Шахдад, в предгорной части, окаймляющей город с востока, обнаружила на поверхности всхолмлений какие-то черепки. Руководитель географической экспедиции не поленился их собрать и по возвращении в Тегеран передал в археологический центр. Находки по достоинству были оценены археологами, и на следующий год сюда была снаряжена иранская археологическая экспедиция. Результаты оказались настолько обнадеживающими, что ежегодно в течение нескольких последующих лет здесь стали проводиться археологические раскопки. Удалось с документальной точностью установить, что в долине Шахдад в древности располагались поселения земледельцев, которые, подобно бактрийским и маргианским, слабо выражены в рельефе, — тогда как классические холмы Ирана или Туркменистана устремлены вверх.

Изобилие воды и горные селевые потоки в последующие века стали причиной плохой сохранности дошедших до нас древностей. Частые половодья и наводнения в сильной степени разрушили не только бывшие погребения, но и в особенности скелеты в древних захоронениях, где почти не сохранились кости, но зато до нас дошли в неповрежденном виде богатые погребальные приношения. Это и медные ажур-

ные печати перегородчатого типа, булавы, топоры с обухом в виде петушиного хвоста, косметические флаконы, конической формы вазы, соусники и многое другое, что находит прямые аналогии среди уже упомянутых изделий Бактрии и Маргианы.

Стеатитовые флаконы и коробочки, в том числе украшенные извивающимися змеями, вазочки, выточенные из светлого мраморовидного камня — дополняют список взаимно сопоставимых изделий. В высшей степени показательны цилиндрические печати Шахдада, на которых, подобно бактрийским, сохранились изображения стоящих богинь местного пантеона со сложенными на животе руками, в окружении животных. Как было показано выше, близкие изображения имеются в бактрийской сфрагистике, причем настолько близкие, что полностью исключают элемент случайного совпадения. Словом, материальная культура людей, живших в Шахдаде, чрезвычайно напоминает культуру племен Бактрии и Маргианы. Но в еще большей степени она перекликается с вышеотмеченными находками последнего, заключительного периода жизни на тепе Гиссар, хотя между этими конкретными памятниками лежат сотни километров, казалось бы, непроходимых горных кряжей и в особенности безжизненная "соляная пустыня". Но так кажется, когда смотришь на географическую карту, а на самом деле между цепями гор и барханами песков всегда проходили многокилометровые караванные пути. По ним-то и шли тяжело груженные караваны купцов, а то и сотни повозок, утопающих в клубах пыли, с домашним скарбом, отмечая передвижения племен, отправившихся на поиски новой родины в надежде найти никем не занятые плодородные земли.

Как бы то ни было, но уже замечено, что многие погребальные приношения Шахдада помимо уже отмеченных северных связей обнаруживают впечатляющие соответствия в материалах юго-западного Ирана (древняя область Элам). Причем, и это особенно важно, в Эламе подобные изделия относятся к более древнему, предшествующему, времени, так что материалы Шахдада демонстрируют культурные влияния, идущие из юго-западного Ирана в восточный Иран и далее — через Гиссар — в Бактрию и Маргиану.

Еще в начале века знаменитый английский археолог А.Стейн предпринял легендарный поход в неисследованные

глухие районы южного Ирана, расположенные вдоль Персидского и Оманского заливов. Были пройдены многие сотни километров, зачастую далеко в стороне от современных зеленых оазисов, в безжизненных пустынных районах, где могли находиться древние памятники. И действительно экспедицией были открыты десятки и сотни дотоле неизвестных памятников, были собраны разнообразные материалы, составившие целые коллекции.

Исследуя одно древнее поселение за другим, английские археологи, пройдя все побережье, наконец вступили в район Иранского Сеистана, где в долине реки Бампур они решили провести пробные раскопки на одном древнем поселении под названием Хураб. Археологов сразу же насторожило наличие среди явно местной массовой погребальной посуды неизвестных сосудов, встреченных близко к дневной поверхности и, следовательно, относящихся к последнему, заключительному этапу жизни на этом конкретном поселении. Но "необычная" в то время посуда теперь может быть квалифицирована как типичная керамика Шахдада и Гиссара, Бактрии и Маргианы.

Еще более показательные материалы были обнаружены экспедицией, когда она, покинув пределы Ирана, вступила в Центральный Белуджистан, расположенный на территории современного Пакистана. Здесь также на ряде поселений среди полуразвеянных временем древних могил, особенно на поселении Мехи, были встречены не только десятки аналогичных Хурабу сосудов, но и металлические зеркала, браслеты и булавки, типичные для бактрийско-маргианского археологического комплекса. Бесспорно, особого интереса заслуживает находка, сделанная в раскопе на поселении Мехи: обломок сосуда, венчик которого сохранил налепную скульптурную фигурку животного, точно соответствуя аналогичным фигуркам культовых сосудов Бактрии и Маргианы, пока более нигде неизвестным. Эта редкая находка не только свидетельствует о близких, если не аналогичных, культовых обрядах, но с бесспорностью указывает на сходные религиозные воззрения, существовавшие в одно и то же время у племен, обитавших в Белуджистане с одной стороны и Бактрии и Маргиане — с другой. Наконец, каменные так называемые миниатюрные колонки и ажурные перегородчатые печати поселения Мехи не только дополняют отмеченные

взаимные соответствия, но и открывают новую загадочную страницу в древней истории этой части юго-западной Азии.

Прошло свыше полувека после этих, тогда не оцененных по достоинству открытий, а новый интерес к ним проявился лишь в самые последние годы — с началом работ французских археологов все в том же Белуджистане, в пункте, называемом Мергар. Многолетние раскопки Мергара привели к открытию древнего кладбища, среди погребальных приношений которого в руки археологов попали бронзовые сосуды, булавки с фигурными наконечниками, амулет с изображением змеи, разнообразные украшения, керамика, среди последней выделяются вазы и кубки на высоких ножках — короче, находки, типичные для бактрийско-маргианского археологического комплекса. Для нашей темы особенно показательно обнаружение фаянсовой коробочки, изготовленной в виде почки — формы, широко распространенной еще только в бактрийско-маргианском регионе.

Дальнейшие исследования в этом районе привели к открытию неподалеку от Мергара другого древнего могильника Сибири, в погребениях которого также были встречены сосуды в виде ваз и бокалов на ножках бактрийско-мургабского типа. На поверхности самого поселения найдены были каменные миниатюрные колонки и каменные же сосуды разнообразных форм. Обращают на себя внимание медные ажурные перегородчатые печати, но в особенности цилиндрические печати, одна из которых сохранила гравированное изображение зебувидных быков, противоборствующих со львами, — композиция, удивительно близко перекликающаяся с изображением на одном маргианском цилиндре.

Наконец, совсем недавно в столичном городе Кветта, в Белуджистане, при строительстве нового этеля рабочие на трехметровой глубине обнаружили кенотаф с богатейшими погребальными приношениями, включая золотые изделия. Однако для нашей темы принципиально важное значение приобретают простые керамические сосуды, каменные миниатюрные колонки, каменные составные статуэтки и многие другие изделия, находящие прямые аналогии в восточном Иране и особенно в Бактрии и Маргиане.

Трудно переоценить результаты находок, сделанных французскими археологами в Белуджистане, открывающие совершенно новую страницу и вместе с тем ставящие новую

проблему в древней истории индийского субконтинента. Здесь, на подступах к долине Инда, наряду с блестящей местной древнеиндийской хараппской цивилизацией существовали племена, культура которых не находит местных истоков происхождения, но зато обнаруживает впечатляющие соответствия в культуре населения Бактрии и Маргианы. Одновременно следует отметить определенную близость и с древней культурой людей, живших в это же время в Шахдаде и Гиссаре, так что все вместе они очерчивают огромный ареал, протянувшийся от долины Инда до бассейна Амударьи и от Индийского океана до южной оконечности Каспийского моря, где хотя и спорадически, но совершенно четко прослеживаются следы существования племен с родственной культурой. Вместе с тем показательно, что везде на этой обширной территории эта культура выступает как пришлая, либо знаменуя собой завершающую фазу в развитии местных древних культур — как мы это видим в Иранском Хорасане и юго-восточном Иране, либо как культура земледельцев, осваивающая незанятые до нее территории — как например в Бактрии и отчасти в Маргиане. Можно было бы допустить прямую связь между Бактрией и Маргианой с одной стороны и Белуджистаном — с другой, что однако требует специальных, пока еще недостающих доказательств. Вместе с тем вышеотмеченные многочисленные соответствия бактрийско-маргианскому археологическому комплексу в Шахдаде не могут быть игнорированы: за ними кроются вполне определенные исторические события. Иначе говоря, можно допустить существование в Восточном Иране очага культуры, но не исконно местной, а пришлой, истоки которой следует искать в юго-западном Иране от Элама до Луристана.

Если еще сравнительно недавно такому допущению не хватало доказательств, то теперь они появились в результате раскопок американцами поселения тепе Яхья, расположенного в южном Иране. Занимая промежуточное положение между индийским субконтинентом и древним Эламом, этот памятник обнаруживает чрезвычайно широкие международные связи. Как считают, тепе Яхья возникло еще в V тыс. до н.э., причем на протяжении многих веков материалы этого памятника демонстрируют последовательную линию развития местной культуры. Археологами выделено было здесь

несколько хронологических периодов, показывающих, как предполагалось сначала, эволюционную, постепенную линию развития глубоко местной культуры.

Такое положение существовало долгое время, пока советские археологи не выявили наличие особого бактрийско-маргианского археологического комплекса. Полученные данные заставили американских археологов частично пересмотреть старые взгляды в свете новых материалов. В результате проделанной работы установлено, что местное развитие культуры продолжается до самого последнего периода существования жизни на тепе Яхья, когда появляются новые типы керамики, ранее здесь неизвестные, зато весьма популярные в Бактрии и Маргиане. К этому наблюдению можно добавить еще и другие: как например сходные орнаменты на стеатитовых сосудах, печати, металлические булавы и, наконец, цилиндрические печати, на которых изображены крылатые божества, точно такие же, как в Шахдаде и в Бактрии.

Этот сам по себе в высшей степени показательный материал составляет небольшую и обособленную группу последнего, заключительного периода рассматриваемого поселения. Одним словом, тепе Яхья, расположенное у Персидского залива, демонстрирует влияния, идущие в Среднюю Азию, Белуджистан и юго-западный Иран (рис. 57).

Все это с необходимостью приводит нас к выводу о широких племенных передвижениях, начало которых относится еще к концу III тыс. до н.э., когда, возможно, большие племенные группы двинулись в северо-восточном направлении вплоть до Бактрии, а затем и Маргианы, к тому времени уже частично заселенной выходцами из южного Туркменистана. Вторая волна фиксируется промежуточными памятниками типа тепе Яхья, а затем Сеистана вплоть до Белуджистана. Хотя сейчас нам известны всего несколько таких памятников, нет никаких сомнений, что будущие исследования южной зоны обнаружат десятки поселений этой все еще загадочной культуры.

Налицо широкое, видимо, неоднократное племенное переселение, которое, подобно цепной реакции, от юго-западного Ирана достигает в конечном счете на северо-востоке плодородных оазисов Бактрии и Маргианы, а на юге — индийского субконтинента. Уже само по себе предполагаемое переселение представляет большой научный интерес, кото-

рый приобретает исключительно важное значение в свете так называемой арийской проблемы. Дело в том, что вот уже полтора столетия как ученые разных специальностей бьются над решением этой сложной и загадочной проблемы. Лингвисты первые обратили внимание на наличие сходных слов у многих народов, обитавших в глубокой древности от Европы до Индии, отсюда они и дали им условное название народов, говорящих на индоевропейских языках. Сравнительное языкознание позволило лингвистам прийти к единому мнению насчет близкого родства индоевропейских языков. Внутри этого огромного языкового ареала где-то в III тыс. до н.э. выделяется группа так называемых индоиранцев, называвших себя ариями. Первоначально это слово обозначало "люди, принадлежащие к определенному роду", но много позднее под ним стали подразумевать "благородный", "знатный". Здесь же попутно отметим, что использование термина арийцы для обозначения высшей германской расы ничего не имеет общего с подлинно научным его содержанием, и на этом поставим точку.

Мы пока еще не знаем с достоверностью, откуда индоиранцы пришли на восточноиранское плато, но достоверно известно, что сюда они проникают во II тыс. до н.э., о чем имеются уже письменные свидетельства в священной книге иранцев "Авесте" и индийцев — "Ригведе". Оставив в стороне вопрос, откуда же конкретно приходят индоиранские племена, называвшие себя ариями, на восточноиранское плато, попробуем соотнести данные лингвистики с данными археологии.

Так, часть ученых считает, что люди, использовавшие в своем быту чернополированную посуду типа той, что была распространена в Гиссаре, именно и являлись ариями, которые из своей колыбели, расположенной в иранском Хорасане, затем распространились по всему восточноиранскому плато. А поскольку этот керамический комплекс засвидетельствован чуть ли не в IV тыс. до н.э., то делается вывод об исконном существовании здесь ариев. Однако противники этой теории не преминули отметить, что в таком случае отсутствие чернополированной посуды в массовом количестве на большей части Средней Азии исключало бы ее из зоны обитания арийских племен, что противоречит данным "Авесты".

В этой ситуации нам следует остановиться подробнее на неоднократно отмеченном выше расселении племен во II тыс. до н.э., которое четко фиксируется бактрийско-маргианским археологическим комплексом на восточноиранском плато и соответствующими Белуджистанскими материалами типа Мергар и Сибири. Но прежде посмотрим, кто же были арии и как они описываются в "Авесте". По мнению лингвистов, они выступают как скотоводы-земледельцы, у которых на первом месте стояло скотоводство, а земледелие играло подсобную роль. Исходя из той же "Авесты", лингвисты считают, что арийские племена не знали монументальной архитектуры, а тем более храмового строительства типа Дашлы в Бактрии и Тоголок-21 в Маргиане. Иначе говоря, согласно этому мнению культура племен Бактрии и Маргианы не отвечает всем этим требованиям, и, соответственно, люди бактрийско-маргианского комплекса не могут быть ариями. Противоречит такому сопоставлению, по мнению лингвистов, и керамика бактрийско-маргианского комплекса, преимущественно сделанная на гончарном кругу, что было несвойственно индоиранским племенам. Такому условию отвечает керамика скотоводческих племен северных степных областей Средней Азии, которые постепенно проникают в южные, традиционно земледельческие оазисы.

Вместе с тем уже было обращено внимание, что в южных областях Средней Азии существовала еще одна археологическая культура, отличительным палеоэтнографическим признаком которой является использование в быту лепной расписной керамики, именно по этому признаку она может быть соотнесена с ариями. В самом деле, в последних веках II тыс. до н.э. на восточноиранском плато появляются племена, наиболее показательным признаком которых является использование в быту лепной нарядной расписной посуды. И это в то время, как местное население на этой территории уже давно перешло к передовой и прогрессивной технологии, используя для изготовления посуды гончарный круг. В Бактрии наиболее известным памятником этой культуры является поселение Тилля тепе с храмом, вознесенным на высокой платформе, о котором говорилось выше. Хотя с самого начала жители Тилля тепе уже были знакомы с гончарной посудой, на первых порах они еще консервативно придерживаются старых керамических традиций — изготавливая преимуще-

ственно лепную, в том числе расписную посуду. Со временем, на более поздних этапах этой же культуры, постепенно гончарная посуда приобретает все большую популярность, она становится наиболее массовой и распространенной, заменяя в конечном счете былую лепную и расписную.

В Маргиане наиболее известным памятником этой же культуры является Яз депе — огромное столичное поселение с цитаделью и высокой кирпичной платформой, наверху которой сохранились остатки бесспорно монументального здания, возможно, дворца. Материалы того же типа имеются на многих памятниках не только Маргианы, но и южного Туркменистана, свидетельствуя о широком расселении этого народа. Так же как и в Тилля тепе, жители Яз депе сначала наряду с немногочисленной гончарной посудой более широко использовали в быту лепную расписную с орнаментом, точно копирующим тиллятепинский. На поздних стадиях гончарная посуда также полностью замещает лепную расписную. Налицо смешение двух керамических традиций — местной бактрийско-маргианской гончарной керамики и пришлой лепной, в том числе расписной, — в результате которого первая полностью замещает вторую.

Если исследования Тилля тепе и Яз депе были осуществлены советскими археологами, то раскопки поселения Пирак в Белуджистане, неподалеку от уже упоминавшегося Мергара, полностью принадлежат французским археологам. Крупномасштабные раскопки здесь установили, что древнейшее население, основавшее поселение Пирак, практически не знало гончарной посуды и использовало в быту исключительно лепную расписную. Однако попав в новую среду, где окружающее их местное население уже давно перешло к изготовлению гончарной посуды, пришельцы по достоинству оценили преимущества последней, так что, подобно обитателям Тилля тепе и Яз депе, пиракцы в конечном счете также постепенно переходят к изготовлению гончарной керамики.

Если сравнить между собой основные орнаментальные мотивы лепной расписной посуды Бактрии и Маргианы с Пираком, то при бесспорных местных локальных различиях ряд керамических узоров находит достаточно убедительную взаимную перекличку. Очевидно, есть основания предполагать их общее происхождение — следование традициям расписных культур Ирана, что, однако, потребует новых дока-

зательств. Показательно, что уже сейчас на предполагаемом южном пути их расселения имеются памятники, культура которых во многом сходна с Пираком. Это поселения Нади Али и Мундигак в южном Афганистане, население которых также использовало в быту лепную расписную посуду того же типа, что и пиракцы.

Но для нашей темы особенно показательно, что предполагаемое сходство не ограничивается лишь близкими керамическими стилями, а дополняется иными соответствиями. В этом плане исключительного интереса заслуживают уникальные металлические полые трубочки с серией мелких сквозных насечек, известные пока лишь только в Тилля тепе и Пираке и более нигде в системе Передней Азии, что весьма знаменательно. Показательны также массивные подтреугольной формы кирпичи, встреченные только в очагах, где они, видимо, служили подставками. Словом, налицо вполне очевидные черты сходства, наряду с чем, однако, имеются и отличия, обусловленные культурным влиянием традиций местного населения. Так, в Тилля тепе и Яз депе нет антропоморфной пластики, что является отличительным признаком этой культуры, так же как Бактрии и отчасти Маргианы и их религиозных ритуалов. Иначе говоря, люди не знали антропоморфной пластики, их культовая обрядность не требовала антропоморфных изображений богов. Попав в Бактрию, они устойчиво придерживались своих старых культовых традиций. Напротив, в Пираке известны терракотовые фигурки людей и животных того типа, что были издревле распространены здесь у местного древнеземледельческого населения. Думается, что попав в Белуджистан, пришлые люди расписной керамики со временем перенимают местные ритуалы и постепенно начинают использовать в культовой обрядности антропоморфные изображения божков, как это демонстрирует население Пирака. Да это и понятно, если учесть, что пришлые племена, подобно островку в море, были окружены инокультурным местным населением с тысячелетними традициями, постоянные контакты с которым приводят их к постепенной ассимиляции и смешению.

Итак, можно считать вполне вероятным, что при второстепенных, локальных различиях культуры племен расписной керамики восточноиранского плато (Тилля тепе, Яз депе) и индийского субконтинента (Пирак) в целом имеют

общее происхождение. Для нашей темы особенно важно, что и те, и другие племена на своей бывшей родине не знали техники производства керамики на гончарном кругу и изготавливали свою посуду вручную. Лишь вступив в контакты с местным населением, уже давно освоившим гончарный круг, пришельцы постепенно также переходят к этой более прогрессивной форме керамического производства. Показательно и то, что ни на одном из этих поселений, несмотря на специальные поиски, археологам не удалось обнаружить гончарные печи, которые в изобилии имелись у местного населения.

Если теперь обратиться к данным лингвистов, то как в "Авесте", так и в "Ригведе" — нигде не говорится о гончарной посуде. Иначе говоря, индоиранцы не знали гончарного круга и использовали в быту исключительно лепную керамику. Очевидно, что такое положение как нельзя лучше соответствует ранним керамическим комплексам Тилля тепа и Яз депа, к чему теперь мы можем добавить и Пирак. Показательно также и то, что арии не знали специальных гончарных горнов, свою посуду они обжигали в простых ямах очень примитивным способом, в результате чего горшки приобрели красный цвет, кстати сказать, наиболее характерный для посуды людей расписной керамики восточноиранского плато.

Все сказанное как нельзя лучше отвечает керамическим традициям людей расписной посуды, но в той же степени они соответствуют керамике скотоводческих племен обширных евразийских степей, так что ряд специалистов именно в них, и в первую очередь в андроновских племенах, видят пришлых индоиранцев. Однако в одном пункте доказательства отождествления ариев со степными племенами уступают предположению, что это могли быть люди расписной посуды. Уже было замечено, что скотоводческие степные племена, расселяясь все далее в южном направлении, приходят в контакты с местными традиционно оседлыми древнеземледельческими племенами. Такие данные имеются не только в Маргиане, но и в Бактрии и даже на левобережье Амударьи, свидетельствуя о проникновении степных племен в земледельческие оазисы.

Сторонники теории о принадлежности скотоводов Евразии к ариям видят в этом факте свой главный аргумент — ведь известно, что индоарии впервые познакомились с гон-

чарным кругом, только когда пришли в контакт с оседлыми племенами, уже давно знавшими гончарный круг. Однако эпизодические проникновения степняков в оседлоземледельческие оазисы не идут ни в какое сравнение с широким и крупномасштабным расселением людей расписной посуды. В Бактрии и Маргиане свидетельством контактов оседлых земледельческих и пришлых скотоводческих степных племен являются несколько десятков черепков и целых сосудов, в то время как люди расписной культуры оставили после себя много обширных поселений, разбросанных по широкой полосе южных областей Средней Азии.

Правда в контактной зоне земледельческих оазисов и степей в Бактрии и Маргиане известны небольшие развешенные стоянки скотоводов, что однако не идет ни в какое сравнение с многолюдными поселениями племен расписной керамики. А кроме того, на индийском субконтиненте пока вообще не зафиксировано ни одного черепка посуды степных племен Евразии, зато уже Пирак демонстрирует многолюдное поселение, основанное выходцами извне. Одним словом, представляется более предпочтительным видеть индоиранцев не в степных племенах так называемой андроновской культуры, а в древних племенах людей расписной керамики, бесспорные следы пребывания которых на восточно-иранском плато и индийском субконтиненте документируются достаточно показательно.

Будущие открытия внесут коррективы в эту проблему, но новейшие археологические данные, приведенные выше, с бесспорностью свидетельствуют, что во II тыс. до н.э. в Средней Азии наблюдаются две четко выраженные, но разновременные волны пришлого и разного по своему происхождению народа. Сначала сюда проникают племена бактрийско-маргианского археологического комплекса. Попадая в пределы южного Туркменистана, они частично заселили старые традиционно оседлые поселения, но затем вскоре большая их часть перебирается в Маргиану, где к тому времени выходцами местных южно-туркменистанских племен уже были заложены основы древнеземледельческого хозяйства.

Судя по всему, заселение и интенсивное обживание дельты Мургаба пришлым и местным населением в основном протекало вполне мирно. Бескрайние просторы богато орошаемых земель не шли ни в какое сравнение с той нехваткой

земли, которую ощущали иммигранты на своей бывшей родине. Свободные земли бассейна Мургаба исключали серьезные конфликты пришельцев и местных аборигенов, незадолго до того переселившихся сюда из южного Туркменистана. Свидетельством тому служат в массе своей неукрепленные поселения Маргианы, исключаяющие какие-либо серьезные военные конфликты. Более того, есть все основания предполагать, что постепенно происходит смешение, ассимиляция пришедшего и местного населения, обмен взаимными культурными достижениями, что послужило залогом к будущему процветанию страны Маргуш. Да это и не удивительно, если учесть, что и те, и другие были древними земледельцами со сходным укладом жизни, что бесспорно способствовало взаимным контактам и в конечном счете созданию общей культуры.

Итак, вторая волна фиксируется приходом в последних столетиях II тыс. до н.э. на восточно-иранское плато племен расписной керамики. Мы не знаем с точностью, что составляло основу их палеоэкономики, но судя по тому, что они еще не знали гончарного круга, это были еще сравнительно отсталые племена, — возможно, в первую очередь скотоводы, но которые уже, конечно, были знакомы и с земледелием. Отсутствие каких-либо памятников прикладного искусства также характеризует их как людей до определенной степени с ограниченной культурой, и даже керамическое искусство их демонстрирует монотонность и повторение одних и тех же простейших орнаментальных узоров на десятках и сотнях однотипных по формам горшков. К сожалению, пока еще не найдено ни одного древнего захоронения, погребальные приношения которого могли бы дать в руки археологов доказательства культурного уровня развития этого еще загадочного общества. Кстати отметить отсутствие древних захоронений в пределах поселений, не говоря уже о могильниках, что в косвенной форме может напоминать заупокойные обряды зороастрийцев. Согласно этим ритуалам, землю нельзя было осквернять, поместив в нее труп, что предполагает сложные погребальные обряды, возможно, кремацию.

Казалось бы, все, что мы знаем о людях расписной керамики, характеризует их как людей, еще не достигших высокой цивилизации и безнадежно отставших от своих более передовых соседей, если бы не одно, но в высшей степени

знаменательное обстоятельство — сооружение монументальных комплексов светского и культового назначения. Вспомним храм на Тилля тепе или дворец Яз депе, чтобы убедиться в этом и воздержаться от слишком поспешных и категоричных заключений. Вообще же эти два монументальных здания, предполагающие коллективный, возможно, отчасти принудительный труд большой и организованной массы людей, выглядят довольно контрастно сравнительно с общим обликом культуры создавших их людей. В таком случае можно допустить, что монументальная архитектура типа Яз депе и Тилля тепе была заимствована ими у более передовых соседей на их бывшей прародине. Но предположения так и остаются предположениями, пока они не находят фактического подтверждения. В этом плане определенную близость обнаруживает монументальное здание одного древнеиранского памятника Баба-Джан, общая планировка которого — с угловыми башнями и колонным залом — достаточно близко напоминает храм Тилля тепе. Знаменательно, и, возможно, не случайно, что Баба-Джан расположен неподалеку от Элама, красочные орнаменты керамики которого находят достаточно показательные прототипы в расписной посуде обитателей Тилля тепе. А кроме того, некоторые архитектурные особенности дворца Яз депе перекликаются с дворцовым зданием храма на Гонур-1.

Можно было бы привести другие, как прямые, так и косвенные доказательства, но достаточно и приведенных, чтобы сделать по крайней мере один принципиально важный вывод. Во II тыс. до н.э. на восточноиранском плато и индийском субконтиненте четко фиксируются две волны перемещений родственных между собой племен. Если сопоставить письменные данные об индоиранцах, то хотя и с большими оговорками, но более всего этим условиям отвечает культура людей расписной керамики, время появления которых относится к последним векам II тыс. до н.э. На восточноиранском плато, живя бок о бок с местными племенами и постепенно смешиваясь с ними, люди расписной керамики со временем теряют многие свои палеоэтнографические признаки, так что к VII-VI вв. до н.э., по крайней мере, в Бактрии и Маргиане формируется однородная культура, впитавшая в себя оба составляющих ее культурных компонента.

Думается, что к моменту, когда где-то здесь начинала складываться зороастрийская религия, она не могла не впитать этико-религиозные представления, сложившиеся на основе предполагаемых двух культурных традиций. Может быть поэтому в "Авесте" и "Ригведе" отмечается смешение с одной стороны очень архаических, с другой — передовых представлений, что, возможно, является отражением разных культурных и устных литературных традиций. И недаром еще сравнительно недавно лингвисты безоговорочно называли ариев номадами, в то время как теперь предлагают видеть в них скотоводов и земледельцев.

Хотя арии широко использовали в работе лошадей и крупный рогатый скот, от этого они еще не становятся кочевниками. Арии были скотоводами-земледельцами; возможно, на заре своей истории они вели полуоседлый образ жизни, но в конечном счете они становятся оседлыми земледельцами. Кстати, высокая роль скотоводства отмечается и у племен бактрийско-маргианского археологического комплекса, документальным свидетельством чего является уже упоминавшееся ритуальное захоронение баранов, которым, подобно людям, воздавались также высокие заупокойные почести. Если учесть, что большинство специалистов считает, что местное традиционно-земледельческое население южных областей Средней Азии IV-III тыс. до н.э. никак не могло являться индоиранским, то приходится признать, что это могут быть племена, создавшие две конкретные археологические культуры: бактрийско-маргианский комплекс и комплекс расписной культуры раннежелезного века. Смешение этих двух культур, а в конечном счете — двух различных по палеоэтнографическим признакам народов, возможно, и привело к сложению нового племенного конгломерата, получившего позднее название арийского. Уже этот документально установленный факт представляет собой крупнейшее достижение, заставляющее пересмотреть старые теории в свете новых археологических доказательств. И дело будущих исследователей конкретизировать этот новый аспект все еще старой арийской проблемы.

Здесь будет уместно специально остановиться на археологических находках и лингвистических теориях, доказывающих, что именно Сеистан, древняя Дрангиана и отчасти Арахозия являлись центром зороастризма. В самом деле, лин-

гвисты имеют полное право на такие предположения, так как гидронимы, то есть названия древних рек, фигурирующие в "Авесте", находят свои соответствия в позднейших гидронимах этого же исторического района.

Уже крупнейший иранист конца XIX — начала XX вв. приходит к такому выводу, к этой же гипотезе склоняется к концу своей жизни другой ученый — В.Б. Хеннинг. Находит она свою поддержку и у современных, в том числе советских специалистов, таких как И.М. Дьяконов и В.А. Лившиц. Более того, специальные филологические исследования языка "Младшей Авесты", то есть наиболее поздней части "Авесты", приводят некоторых лингвистов к выводу, что "Младшая Авеста" была написана или, по крайней мере, отредактирована племенем, обитавшим в бассейне реки Гильменд. Далее по мысли сторонников этой теории, поскольку можно найти многие следы преемственности с Гатами, то и последние имеют местное происхождение. Эта, казалось бы, стройная лингвистическая теория, однако, разбивается о вполне закономерный вопрос, высказанный недавно немецким ученым Х. Хумбахом — почему же тогда "Авеста", написанная в Арахозии, была воспринята персами? А кроме того, по данным И.М. Дьяконова, диалект Гат, то есть древнейшей части "Авесты", хотя и близок, но не идентичен языку "Младшей Авесты".

Можно было бы и дальше перечислять различные остроумные догадки и предположения лингвистов, но достаточно и приведенных, чтобы прийти к главному выводу: при всей спорности проблемы не случайно большинство иранистов останавливают свой выбор на Дрангиане и Арахозии. В том единодушии, с каким они отстаивают предпочтительное значение этих двух областей перед другими районами — областей, расположенных на крайнем юге Афганистана, имеется и свое рациональное зерно. Но какое? Попробуем подойти к проблеме с позиций современной археологии.

Плодородная дельта реки Гильменд вместе с боковыми протоками русла реки Руди Биябан издревле представляла оптимальные условия для древних земледельцев. Уже в начале XX в. здесь были проведены археологические разведки, выявившие древние поселения, культура которых была близка южноиранской. После второй мировой войны американская экспедиция под руководством В. Фаирсервиса установи-

ла, что древности бассейна реки Гильменд находят впечатляющие соответствия как с восточным Ираном, в особенности с керманским оазисом, так и с Бампуrom и Макраном, пограничными областями между Ираном и Пакистаном.

В результате этих работ стало очевидным, что область древней Дрангианы занимала выгодное промежуточное положение на скрещении древних караванных путей между историко-культурными центрами этой части Азии. Казалось бы, археологические раскопки могут внести уточнения и конкретизировать на фактическом материале такое допущение. Однако большая часть былых памятников оказалась полностью развеяна процессами естественной дефляции и особенно сильными ветрами, дующими здесь почти непрерывно с мая по сентябрь. Тем не менее, даже сборы материалов с поверхности развеянных памятников показали, что здесь уже в III тыс. до н.э. существовали древнеземледельческие племена, изготавливавшие подобно своим соседям, расписную посуду, чрезвычайно близкую между собой. С другой стороны, даже среди ограниченных находок обращают на себя внимание сосуды типа ваз на высоких ножках, а также некоторых других форм, в том числе с нацарапанным орнаментом, до определенной степени напоминающие керамику Бактрии и Маргианы. Дополнительные доказательства дают и медные булавки с фигурными навершиями в виде птичек, перекликающиеся с аналогичными булавками Бактрии. Особый интерес для нашей темы представляет один полуразрушенный могильник, погребальные сосуды которого, преимущественно нерасписные, близко напоминающие керамику Бактрии и Маргианы, датируют заключительный период жизни древнейшего Сеистана.

Как мы помним, кроме Бактрии и Маргианы явно культовые миниатюрные колонки известны еще в восточном Иране, как например, в тепе Гиссар, где они, кстати, были впервые обнаружены. Но для нашей темы исключительного значения заслуживают находки, сделанные на крайнем юго-западе Афганистана, в Сеистане, исторической Дрангиане, на месте мусульманского святыни под названием Годари Шах. Здесь, на небольшом возвышении находятся могилы местных мусульманских святых, куда благочестивые паломники принесли откуда-то со стороны и свалили в общую кучу много каменных изделий, и в том числе большое количество

миниатюрных колонок, каменных ступок и пестиков, похожих, если не идентичных тем, что были найдены на Тоголок-21 (рис. 58).

Руководитель американской экспедиции Дж. Дейлс, обративший внимание на Годари Шах, вполне справедливо предположил, что все эти изделия были принесены сюда из другого места, скорее всего из древнего кладбища эпохи бронзы. В то время находки с Тоголок-21 были еще неизвестны, теперь же, учитывая, что помимо колонок здесь имеются ступки и пестики, можно допустить, что все они происходят из одного места, возможно, из еще не обнаруженного археологами храма, расположенного неподалеку от Годари Шах. Они, возможно, принадлежат почти полностью развеянному в результате сильных ветров и дождей храму, и оказались обнаженными на дневной поверхности, став добычей мусульманских паломников. Заметим, что самые древние образцы миниатюрных колонок известны с памятника Шахри-Сохте, расположенного рядом в иранском Сеистане, неподалеку от Годари Шах. Учитывая то, что миниатюрные колонки использовали при вполне определенных культовых ритуалах, есть все основания считать, что в предполагаемом храме в Годари Шах они имели аналогичное назначение, что и в Тоголок-21. В таком случае можно допустить существование общих, если не идентичных культовых обрядов и, надо думать, верований во всех районах, где были встречены миниатюрные колонки. А ведь именно Сеистан, древнюю Дрангиану, многие лингвисты связывают с родиной зороастризма, что весьма знаменательно.

Если на афганской части Сеистана были обнаружены лишь сравнительно небольшие, полуразвеянные памятники, то в нескольких километрах к западу, но уже на иранской части Сеистана наряду с такими существовали и много более крупные. Наиболее значительным оказался памятник под названием Шахри Сохте, иначе "сожженный город", раскопки которого предприняла итальянская экспедиция. Многолетние раскопки установили, что наряду с гигантским, явно столичным городом Шахри Сохте, площадью около 75 га, к югу от него существовало свыше 20 небольших поселений.

Как оказалось, Шахри Сохте возник на рубеже IV-III тыс. до н.э., причем на протяжении всего III тыс. до н.э. он демонстрирует чрезвычайно яркую, развитую культуру древ-

невосточного типа. В начале II тыс. до н.э. город гибнет, как предполагают археологи, в результате пожара, но показательно, что практически одновременно с этим забрасываются и все мелкие поселения вокруг Шахри Сохте. Пока еще трудно с уверенностью судить о конкретной причине упадка жизни Сеистана, но и нельзя не сопоставить это с аналогичной ситуацией, отмечаемой примерно в это же время в Афганистане и южном Туркменистане.

Было бы заманчиво сопоставить упадок жизни в Сеистане с военным вторжением врагов, однако именно во II тыс. до н.э. отмечается перемещение дельтового верха реки Гильменд на север, что скорее всего и определило режим и динамику жизни Сеистана II тыс. до н.э. Как бы то ни было, но документально засвидетельствован факт прекращения жизни в Сеистане именно в начале II тыс. до н.э., что не может не быть поставлено в связь с южным путем расселения людей бактрийско-маргианского археологического комплекса из восточного Ирана. И, видимо, не случайно среди находок пожарища в зданиях заключительного этапа жизни Шахри Сохте были найдены сосуды, точно такие же, как в Шахдаде, указывая тем самым на их взаимную связь. Создается впечатление, что предполагаемые пришельцы не задержались в Сеистане, и неблагоприятные экологические условия заставили их переместиться далее на восток в Белуджистан, свидетельством чего являются уже упомянутые выше памятники типа Сибри и Мергар. И недаром В. Фаирсервис, основываясь даже на своих скудных материалах, пришел к выводу об однородности материалов Сеистана с Бампур-Мекраном, в том числе могильником Мехи. М. Тоси, присоединяясь к этим выводам, отмечает вместе с тем и северные пути, ведущие из бассейна реки Гильменд к предгорьям Гиндукуша и, добавим от себя, к речной системе Герируд-Теджен.

Сколь бы ни были еще малочисленны и отрывочны наши сведения, они приобретают определенный акцент в свете раскопок, проведенных в довоенные годы французскими археологами на поселении Нади Али в Сеистане, продолженные в недавнее время американской экспедицией под руководством профессора Г. Дейлса. Как оказалось, Нади Али, подобно Тилля тепе в Бактрии и Яз депе в Маргиане, представляют собой руины монументального здания, сооруженного наверху высокой кирпичной платформы. Сходство

не ограничивается близкими, если не сказать идентичными приемами строительного дела и общими архитектурными принципами, но прослеживается и в сходных традициях керамического искусства, в расписной посуде, а также в типах металлических изделий. Налицо вполне ощутимая культурно-историческая близость выработанного типа поселений с цитаделью наверху платформы, явно не случайно расположенных в Дрангиане, Бактрии и Маргиане. Хотя Нади Али относится к несколько более позднему времени, чем Яз депе и тем более Тилля тепе, все вместе они демонстрируют пример частного проявления одного общего исторического процесса: расселения родственных по культуре, а скорее всего и по происхождению, племен, с той лишь разницей, что Нади Али фиксирует его наиболее поздний этап.

Имеющиеся прямые археологические факты говорят о вполне ощутимой связи истории Бактрии, Маргианы и Дрангианы, связи, обусловленной общностью их исторических судеб. Возможно, сюда следует включить и Арахозию, где, как мы помним, на поселении Мундигак в начале II тыс. до н.э. жизнь едва теплится лишь на ограниченной площади, на руинах бывшего монументального здания, видимо, приспособленного под платформу, а бывшая высококачественная посуда заменяется лепной, в том числе расписной.

В свете приведенных археологических фактов и наблюдений следует рассматривать и уже упоминавшиеся теории лингвистов о родине зороастризма. Очевидно, что не противопоставляя один центр другому, не выделяя какой-то один центр за счет исключения всех остальных, а наоборот, в их культурно-исторической близости следует искать ответ на этот вопрос. Главным и определяющим являются основные признаки бактрийско-маргианского комплекса, которые помимо Бактрии и Маргианы прослеживаются в Дрангиане и Арахозии, причем здесь, как в Бактрии и Маргиане, также имеются памятники расписной культуры типа Нади Али. Очевидно, что в общей форме таким условиям отвечает обширная территория восточного Ирана, крайний юг Афганистана, Белуджистан, Бактрия и Маргиана.

В настоящее время сравнительно полные и представительные материалы происходят из Бактрии и отчасти из Маргианы, что по необходимости выделяет этот центр как наиболее перспективный в плане научного исследования. Это от-

нюдь не исключает другие в очерченной зоне, но изученные в археологическом отношении много слабее. Более того, как это уже отмечалось, возможно, что Заратуштра родился и вырос в Бактрии или Маргиане, но свое признание получил в Дрангиане или соседней Арахозии, где и была составлена первая редакция "Авесты". Не исключены и иные варианты, но на современном уровне наших знаний нет ни лингвистических, ни археологических доказательств для выделения одного единственного центра, единодушно признанного бы всеми специалистами. Ясно лишь одно, что зороастризм как этико-философское, религиозное учение возник и получил свое окончательное оформление в восточноиранском мире, подразумевая под этим выделенную зону, северные пределы которой ограничиваются Бактрией и Маргианой. Именно здесь в предшествующее время были распространены религиозные верования и культовые ритуалы, отчасти находящие свои соответствия в данных "Авесты".

Предполагаемое широкое расселение племен по времени совпадает с упадком хараппской цивилизации долины Инда, где несколько позднее появляется "Ригведа", письменные данные которой местами не только совпадают с "Авестой", а как бы повторяют ее тексты. До самого последнего времени многие авторы традиционно связывали гибель этой индийской цивилизации с так называемым арийским завоеванием. В специальной литературе уже неоднократно отмечались явные следы упадка в позднем, заключительном периоде столичного города Мохенжо Даро, когда на смену регулярной планировке внутри этого города приходят небрежно выстроенные дома, а на бывших магистральных улицах ютятся крошечные лавки уличных торговцев и мастерские ремесленников. Близкая картина явного упадка наблюдается в другом городе — Чанху Даро, где на смену регулярным городским кварталам приходят бессистемно разбросанные дома, а в другой столице, в Хараппе, отмечены признаки преувеличенного внимания к обороне города.

Сторонники гибели хараппской цивилизации вследствие арийского завоевания особый упор делают на обнаруженную во время археологических раскопок группу скелетов в бессистемном положении в нижнем городе Мохенжо Даро. В противовес этому другие специалисты подметили, что по крайней мере часть этих скелетов относится к периоду на

несколько веков позднее, чем предполагаемая гибель хараппской цивилизации. В другом случае одна такая группа скелетов, хотя и относится к хараппскому периоду, тем не менее и она оказалась перекрыта сверху зданием позднехараппского времени и поэтому не может относиться к финальной поре существования жизни в этом городе. К тому же наиболее внимательные из авторов, как например Ж. Жарриж, установили, что по крайней мере десятисантиметровая прослойка земли разделяет скелеты между собой, что, в свою очередь, указывает на их разновременность. Правда в верхнем слое Мохенжо Даро было обнаружено пять скелетов, погребенных под грудой кирпичей, но и они в равной степени могут быть жертвами простого обвала или даже какого-то убийства. Во всяком случае, руководитель раскопок Э. Маккей склонен был усматривать в этих скелетах не столько жертвы внешнего вторжения врагов, сколько жертвы грабителей, спускавшихся с гор для грабежа уже агонизировавшего города.

Приведенные наблюдения археологов, если и не опровергают драматическую гипотезу гибели хараппской цивилизации долины Инда, то ставят под сомнение абсолютную достоверность такого допущения.

С другой стороны, общеизвестно, что хараппские слои ряда древних поселений долины Инда сверху перекрывают слои более поздней культуры Джукар, общий пришлый характер которой признается большинством авторов. Английский ученый С. Пиггот первый отметил, что посуда культуры Джукар сочетает в себе керамические традиции как хараппские, так и Белуджистанские при вполне очевидных внешних связях, уходящих в северо-восточный Иран, к посуде жителей уже упоминавшегося Гиссара. В то время еще не были известны материалы белуджистанских поселений типа Мергар-Сибири и предполагаемого могильника в городе Кветта, находящие отдаленные аналогии в культуре Джукар. Не исключено, что действительно происхождение этой культуры (пришедшей на смену хараппской) до определенной степени было связано с вышеупомянутыми новейшими материалами, полученными в самые последние годы французской экспедицией в Белуджистане. Но если предполагаемая связь древней посуды культуры Джукар и Белуджистана еще требует дополнительных доказательств, то более определенно и явно прослеживается она в области глиптики.

Уже при первых раскопках слоев джукарской культуры, свыше полувека назад, Э.Маккей обратил внимание на каменные амулеты и печати, которые резко отличались от местных хараппских предшествующего периода, но зато близко напоминали такие же, происходящие из Ирана. Теперь становится очевидным, что гравированные изображения на таких амулетах далеко не случайны, а напротив, являются отражением далеких культурных традиций. Но в таком случае сходство их на столь отдаленных между собой территориях предполагает и определенную общность создававших их людей. Не противоречат такому предположению и хронологические рамки существования Джукарской культуры и бактрийско-маргианского археологического комплекса, что в свою очередь совпадает со временем появления памятников типа Мергар-Сибри в Белуджистане. Можно допустить, что люди джукарской культуры до определенной степени связаны с историей расселения племен в Белуджистане, но и в таком случае не следует излишне драматизировать предполагаемые события и связывать их с ужасами арийских завоеваний.

В самом деле, выше было показано, что в распоряжении археологов нет бесспорных данных, которые указывали бы на гибель хараппской цивилизации в результате исключительно военного вторжения. Более того, судя по результатам раскопок верхних и, в таком случае, наиболее поздних по времени слоев, люди джукарской культуры, кто бы они ни были, заселили город уже после того, как он был оставлен горожанами и какое-то время оставался полностью заброшенным. Иначе говоря, люди джукарской культуры реокупировали старые города уже после того, как они были полностью оставлены жителями. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: по каким причинам был оставлен город и куда ушло его население? Последний вопрос достаточно просто решается в результате археологических обследований далее на восток от долины Инда, на территории современной Индии, где выявлены многие десятки поселений позднехараппского времени. Среди специалистов нет никого, кто бы сомневался в том, что выходцы долины Инда колонизировали более восточные области.

Зато более сложен вопрос о причинах ухода коренного населения с насиженных мест в поисках новой родины. Ду-

мается, что частичный ответ дает уже отмеченный ксеротермический период, охвативший всю Переднюю Азию, и в том числе, по-видимому, долину Инда. В сущности уже были высказаны гипотезы, согласно которым запустение хараппских городов, возможно, является следствием природных факторов, возможно — катастрофы, связанной с наступлением ксеротермического периода и резким обеднением экологической среды. В подтверждение такой гипотезы, в частности, допускается образование естественной песчаной дамбы в главном русле Инда, вследствие чего изменился общий режим в распределении воды во всем индском бассейне.

Как видно из вышеприведенных фактов и наблюдений, в настоящее время вырисовывается следующая ситуация: предположительно вследствие естественных факторов, возможно, сразу нескольких, условия существования городской цивилизации резко ухудшаются. Изменение экологической среды могло привести к переселению местного населения далее в восточном направлении, где и располагаются постхараппские памятники. Вскоре с запада сюда вступают новые племена, которые еще раньше вынуждены были снаться с веками насиженных мест и также отправиться на поиски новой родины. Предположительно можно думать, что это переселение было обусловлено наступлением ксеротермического периода на их бывшей родине. Вступив на равнину долины Инда, пришельцы застали здесь незадолго до того оставленные города типа Хараппы или Мохенжо Даро, которые они частично заселяют. И совсем не обязательно связывать приход новых племен, которых мы по археологической номенклатуре называем принадлежащими к джукарской культуре, с погромом, в результате которого гибнет местная хараппская цивилизация. К сожалению, наши сведения об этой интригующей культуре минимальны, но все, что мы знаем, указывает на преимущественно мирный приход новых племен, что, разумеется, не исключает отдельных, сугубо локальных, стычек.

Казалось бы, в предложенной гипотезе слишком много племенных передвижений или, иначе, миграций, но достоверным фактом остается историческая картина, обозначенная новейшими археологическими открытиями. Пожалуй, все исследователи согласны с тем, что в начале II тыс. до н.э. приходят в запустение практически все крупные поселения

Ирана, Афганистана, индийского субконтинента, южных областей Средней Азии. Внешним проявлением этого процесса являются заброшенные древние города и поселки, перемещение центра жизни из одного региона в другие. Налицо появление совершенно новых археологических культур или, иначе, новых племен и даже племенных объединений. Конкретизация этого процесса — дело будущего, но уже сейчас можно говорить о том, что он носил глобальный характер и охватил практически всю Переднюю Азию. Причины этого, возможно, отчасти коренятся в исторических событиях, но, думается, основным являлись природные факторы, а именно — наступление ксеротермического периода и, как следствие этого, расселение древних племен в поисках плодородных земель. Подобно цепной реакции, в этот предполагаемый процесс вовлекались все новые племена, глухие отзвуки чего докатываются до бассейна Амударьи и Мургаба с одной стороны и Инда — с другой. И хотя детализация предложенной схемы потребует все новых доказательств, остается фактом, что лишь культура Бактрии, Маргианы и восточного Ирана находит свои впечатляющие соответствия в Белуджистане, и хотя и в меньшей степени, но и в культуре Джукар — уже на индийском субконтиненте.

Открытие археологов послевоенного времени имеет принципиально важное значение для решения арийской проблемы в целом, оно намечает совершенно новые аспекты старой проблемы — от чисто лингвистических построений появилась возможность перейти к археологическим доказательствам.

К сожалению, мы до сих пор не знаем с точностью, откуда эти родственные, скорее всего индоиранские, арийские племена появляются здесь после их разделения на бывшей родине. Наиболее вероятной промежуточной их прародиной можно считать восточный Иран, тесные многовековые связи которого с Эламом, а через него с Месопотамией не вызывают сомнений. Выше было установлено, что их пантеон, по крайней мере в Бактрии, содержит божества, восходящие к сирохеттским, частично митаннийским прототипам. Но и эти божества пришли к индоиранцам на их бывшей, общей прародине через эламское посредничество, когда они из северной Месопотамии проникают на юг страны. Во всяком случае, отмечаемые эламо-месопотамские связи бактрийско-марги-

анского пантеона, хотя и в опосредствованной форме, но бесспорно восходят к сирохеттским, и в том числе митаннийским, божествам, что никак не может быть игнорировано нами. И здесь следует отметить: широко бытующее мнение лингвистов, о том что зафиксированные в Митаннийском государстве индоиранские, арийские имена и термины были принесены сюда выходцами из степей Средней Азии, как это, например, предполагают такие крупные наши специалисты как И.М.Дьяконов или А.Парпола, — не отвечает прямым археологическим данным. Напротив, все, что сближает сирохеттский, и в частности митаннийский, мир с бактрийско-маргианским указывает, если и не на прямое влияние, идущее с запада на восток, то по крайней мере на их общую подоснову, пока еще не выявленную в науке. При всех возможных вариантах ничто с точки зрения археологии не указывает на влияние, идущее из среднеазиатских степей в Митаннию.

Кажется никто не ставит под сомнение вопрос о том, что зороастризм возник в индоиранской, арийской среде и в таком случае на это могут претендовать пришлые племена, которые в начале II тыс. до н.э. приходят в южные области Средней Азии вместе с Бактрией с одной стороны и на индийский субконтинент — с другой. Общие их религиозные представления и культовая обрядность подчеркиваются арийской триадой — наличием на всей этой территории печатей-амулетов мургабского стиля, миниатюрных колонок и культовых сосудов со скульптурными фигурками по бортику (рис. 59). И хотя в настоящее время окончательный ответ на точную родину Зороастра и зороастризма не имеется, думается, что Бактрия с Маргианой имеют предпочтительное положение, если даже сама "Авеста" получила окончательную редакцию и оформление в Арахозии или Дрангиане.

Новейшие археологические открытия Передней и Центральной Азии намечают новые аспекты старой арийской проблемы, и в частности, дают право пересмотреть устаревшие теории по этой проблеме.

Выше уже неоднократно отмечались черты сходства между изображениями и повествовательными композициями Бактрии и Маргианы с одной и Сирии и Анатолии — другой стороны. Вспомним изображения коленопреклоненных людей с птичьими головами, близко напоминающих гениев-ду-

хов сиро-хеттской глиптики. В еще большей степени на такие параллели указывает оттиск цилиндрической печати на одном маргианском сосуде с изображением крылатого птичье-человека с поверженными козлами. Близкие аналогии в Малой Азии находит композиция с акробатом, прыгающим через шест, одного маргианского цилиндра. Наконец, акробат, прыгающий через быка, одного маргианского амулета не оставляет сомнений в его сходстве с аналогичными сценами на печатях не только Анатолии, но и фресок критского дворца. Столь же показательна композиция "банкетной сцены" на косметическом флаконе Бактрии, находящая наиболее впечатляющие соответствия в изображениях сиро-анатолийского круга. В свою очередь, как это доказала М. Меллинк, подобные мотивы известны были и в эгейском мире, где подобно бактрийской сцене, в композиции участвуют обезьяны в роли культовых служек с сосудами в руках. Причем и здесь нередко из горлышек подобных сосудов торчат веточки растения, из которого готовилось само питье.

Добавим к этому печать с изображением рогатого божества, борющегося с пятиглавой змеей, вызывая в памяти миф о Геракле и лернейской гидре. Точно так же сцена на одном бактрийском амулете, где орел терзает поверженного на земле человека, близко напоминает миф о Прометее.

Эти чисто археологические наблюдения неожиданно находят соответствия в новой лингвистической теории, выдвинутой и обоснованной Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым, о бытовании еще в II тыс. до н.э. в Передней Азии греко-армяно-арийского языкового родства, что предполагает существование соответствующих родственных племен. В дальнейшем происходит их разделение и расселение в разных направлениях, когда греческие ахейские племена в начале II тыс. до н.э. проникают в материковую Грецию. А ведь именно в это же время бактрийско-маргианские племена появляются в Центральной Азии и именно около 1900 г. до н.э. в Анатолии археологи отмечают четкие свидетельства запустения многих старых традиционно земледельческих центров. Было бы заманчиво сопоставить между собой эти факты и наблюдения и предположить, что расселение греческих, ахейских племен в Эгеиде и появление новых, по-видимому, арийских племен в Бактрии и Маргиане явилось следствием одних и тех же причин. Думается, это могло произойти в результате разде-

ления былой греко-армяно-арийской племенной общности, когда одна такая волна достигает Греции, а другая — Бактрии и Маргианы, включая и соседние области от восточного Ирана до Белуджистана.

Но уже сейчас следует со всей определенностью отметить, что при этом налицо сходство в культово-религиозных мифах и представлениях при отличии общего облика комплексов материальной культуры. Иначе говоря, разделение могло произойти задолго до начала II тыс. до н.э., когда существенно изменилась их материальная культура, но сохранились старые верования и религиозные представления, самые живучие и консервативные в мировоззрении древних людей.

Будущие исследователи внесут коррективы в эту гипотезу, но уже сейчас нельзя игнорировать: отмеченные сходства не являются случайными и должны учитываться в дальнейшем. Вместе с тем следует прямо указать, что в настоящее время нам неизвестны промежуточные пункты между сиро-анатолийским и бактрийско-маргианским регионами и лишь юго-западный Иран (Элам) дает определенные соответствия бактрийско-маргианскому археологическому комплексу. И хотя конкретный механизм расселения арийских племен в Центральную Азию пока остается не совсем ясным, думается, что будущие исследования подтвердят общую линию расселения индоиранских, арийских племен в восточном направлении.

Еще десять-пятнадцать лет назад подобная книга не могла быть написана из-за двух обстоятельств. Первое: ведь до сравнительно недавнего времени наши знания о древностях Маргианы были минимальны, а о Бактрии эпохи бронзы мы практически вообще ничего не знали. Прогресс археологических исследований последнего десятилетия в Бактрии и Маргиане представил большое количество разностороннего археологического материала, бросающего новый свет на эту старую проблему.

Стало ясно, что на древнем Востоке существовали ранее неизвестные культурно-исторические центры с чрезвычайно высокой и оригинальной культурой. Это дало возможность соотнести ее с данными древнейших письменных текстов, и в первую очередь "Авесты", священной книги зороастрийцев. Второе немаловажное обстоятельство заключается в успехах мировой иранистики, и в частности — новых лингвистических изысканиях и комментариях текстов "Авесты". Для примера укажем, что еще десять лет назад сама личность Зороастра считалась мифической. Точно так же было широко распространено мнение, что в "Авесте" говорится о народе, который не только не знал оседлой жизни, но и был исключительно кочевниками-скотоводами. Утверждалось, наконец, что общество "Авесты" не знало ни кровавых жертвоприношений, ни культовых возлияний. Лингвистические изыскания последнего десятилетия дали основания пересмотреть эти, казалось бы, устоявшиеся положения и заменить их новыми, основанными на более углубленном изучении соответствующих текстов.

Таким образом на иных началах открылась возможность сопоставить новейшие археологические данные и лингвистические изыскания, возможность найти новые точки соприкосновения между ними. Нет необходимости перечислять материалы Бактрии и Маргианы в сопоставлении их с данными "Авесты". Важнее отметить документально установленный факт чрезвычайно высокого интеллектуального

уровня развития древнего населения Бактрии и Маргианы, отраженного в памятниках прикладного искусства, и в первую очередь — глиптике и сфрагистике.

Так, достаточно убедительно реконструируется трехчленная модель мира Бактрии и Маргианы, которая находит близкие соответствия в космологической концепции зороастризма. Ярко выраженный дуализм местного мифотворчества, извечная борьба змей и драконов, в конечном счете — Добра и Зла — за обладание жизнью и всем сущим на земле близко напоминает этико-философскую концепцию борьбы доброго и злого начала, составляющую основную сущность зороастрийского учения. Известны, наконец, уникальные в своем роде ритуальные сосуды со скульптурными фигурками по венчику, назначение которых в качестве сосудов, предназначенных для священного напитка зороастрийцев типа хаомы, представляется наиболее вероятным.

Можно и дальше продолжать подобные перечисления, но достаточно и имеющихся, чтобы сделать одно весьма важное заключение. Из всех известных археологических комплексов и древних народов с их специфическим обликом культуры Бактрия и Маргиана более всего подходят к тому центру, где до сложения самой зороастрийской религии существовали чрезвычайно близкие ей этико-религиозные представления, культовые воззрения и обряды. Все это отнюдь не исключает, а наоборот, предполагает возможность включения в эту зону других областей, и в первую очередь территории Восточного Ирана и Белуджистана, и лишь их слабая археологическая изученность препятствует конкретизации такого допущения.

В этом плане весьма показательно, что если одни данные "Авесты" находят свои соответствия в бактрийско-маргианском археологическом комплексе, то другие — в культуре племен расписной керамики раннежелезного времени. И видимо не случайно, что эта вторая волна расселения людей расписной керамики проходит по тем же путям и маршрутам, повторяя тот путь, что проделали почти за пятьсот лет до них племена бактрийско-маргианского археологического комплекса. Доказательством тому служат соответствующие памятники двух различных культурно-исторических кругов: в Бактрии — Дашлы и Тилля тепе, в Маргиане — Тоголок и Яз депе, в Белуджистане — Сибири и Пирак. В ассимиляции

этих двух конкретных традиций, которая подразумевает не только культурное, но и, что важнее, этническое смешение и следует предполагать сложение того нового народа, что вскоре назовет себя ариями.

В таком случае арии и индо-арии представляют собой два ответвления одного корня, и нет никакой необходимости выводить последних от первых. Именно в этой среде и следует искать истоки дозораострийских культов, которые затем, хотя и в переработанном виде, но вошли в последующую зороастрийскую религию. Храмы типа Тоголок-21 — это те дозораострийские храмы, в которых практиковались культовые церемонии и культовые обряды, что были затем в реформированном виде включены Зороастром в его новое учение. Уже сейчас очевидно, что среди известных культовых сооружений Передней Азии лишь Тоголок-21 демонстрирует почитание двух основных культов: огня и культовых возлияний. И именно эти два главные культа находят свое продолжение в текстах "Авесты" и "Ригведы", что исключает элемент случайного совпадения. И почти можно не сомневаться, что будущие археологические открытия в очерченной зоне приоткроют нам новые страницы в истории этой религии.

В свете приведенных выше фактов и наблюдений кажется, что нужно заново пересмотреть устоявшееся в науке мнение и считать, что родиной зороастризма является восточный Иран с прилегающими областями Средней Азии, откуда это учение затем распространяется на запад. И хотя пока еще трудно с точностью сказать, где же находилась родина Заратуштры, время его жизни не может быть ранее, чем первые века I тысячелетия до н.э. — где-то в пределах X-VII вв. до н.э.

Археологические открытия в Бактрии и Маргиане намекают и новые аспекты в дальнейшем исследовании митраизма. Лингвисты и историки религии доказали, что в дозораострийское время у восточноиранских племен существовали свои божества, среди которых главные: богиня Анахита и бог Митра. Выше мы попытались показать, что новейшие археологические данные из Бактрии и Маргианы дают основание предположить их глубоко местные прототипы.

Все эти новые направления в исследовании древних религий и верований далеки от окончательного решения, но они открывают совершенно новые перспективы в этом на-

правлении. И можно почти не сомневаться, что будущие открытия археологов внесут коррективы и уточнят наши нынешние предположения. Сейчас мы стоим лишь у самого начала этого многотрудного, но в высшей степени увлекательного пути общечеловеческого познания.

Пока еще трудно судить, где же конкретно находилась родина Зороастра и его учения — в Бактрии или Маргиане, восточном Иране или Белуджистане, — хотя академик В.В.Струве был убежденным сторонником того, что наиболее вероятным местом являлась Маргиана и соседние с ней области. Доказательство тому он видел в том, что только одна авестийская страна — Моуру, то есть древнеперсидская Маргуш, греческая Маргиана — определяется как верующая в Аша, т.е. в основу основ учения Заратуштры. "Закон Аша — персонификация незыблемого правопорядка, на котором зиждется все благое", причем подобная характеристика не дается больше ни одной из перечисленных стран в "Авесте". На основании этих и других данных академик заключал: "Я поэтому вижу в данном указании первого фаргарда Видэвдата свидетельство, подкрепляющее мое положение о том, что Маргиана являлась первой областью, в которой народные массы примкнули к учению Заратуштры". Закрывая свое исследование, академик В.В.Струве писал: "Я пытался доказать, что Маргиана и соседние с ней среднеазиатские области были родиной зороастризма", — что для своего времени имело значение крупного научного открытия. И хотя до сих пор существуют различные другие гипотезы, согласно которым родину Зороастра помещают от Мидии (западный Иран) до Дрангианы (крайний юго-запад Афганистана), думается, лишь комплексные археолого-лингвистические изыскания будущего смогут уточнить и конкретизировать эту сложную проблему. Пока же, с точки зрения чисто археологических наблюдений и фактических материалов, данным "Авесты" более всего соответствуют древности Бактрии и Маргианы, что, конечно, не исключает дополнительных уточнений в будущем. Но в конце концов, не так уже и важно, по каким пыльным тропинкам брел осмеянный всеми пророк Заратуштра в начале своей деятельности и по каким широким дорогам встречала его бурно ликующая толпа в конце его триумфальной победы. Важно, что основные концепции новой религии находят свои преимущественные истоки в эти-

ко-философских воззрениях, что были широко распространены до него в восточноиранском мире и в том числе — в Бактрии и Маргиане.

Литература

М. Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. 1987.
Бонгард - Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М. 1983.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М. 1980.

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М. 1982.

Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М. 1961.

Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М - Л. 1965.

Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира. //История Иранского государства и культуры. М. 1971.

Лившиц В.А. //История таджикского народа. М. 1963.

Погодин А.Л. Религия Зороастра. СПб. 1903.

Фрай Р. Наследие Ирана М. 1972.

Рис. 1. Карта расположения древних стран по Авесте

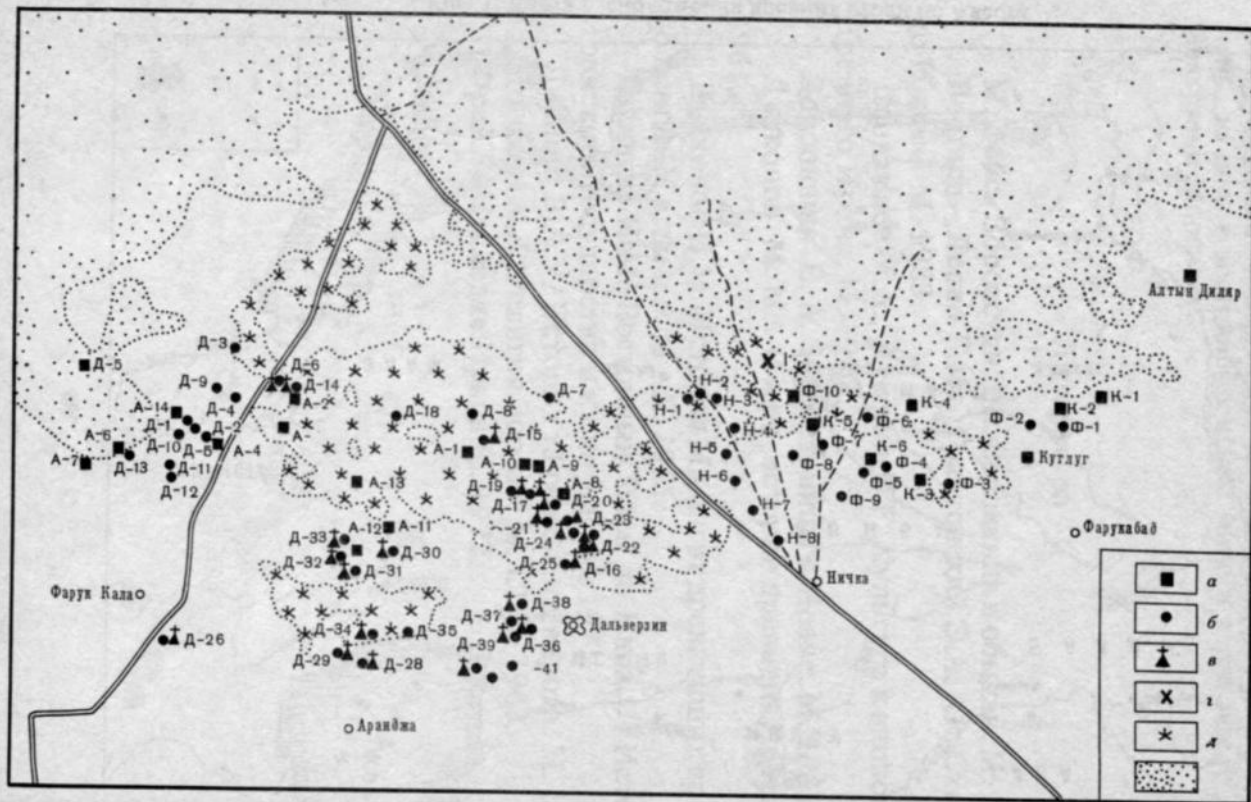

Рис. 2. Карта-схема памятников Бактрии. Д- памятники эпохи раннего железа. Б- памятники эпохи бронзы

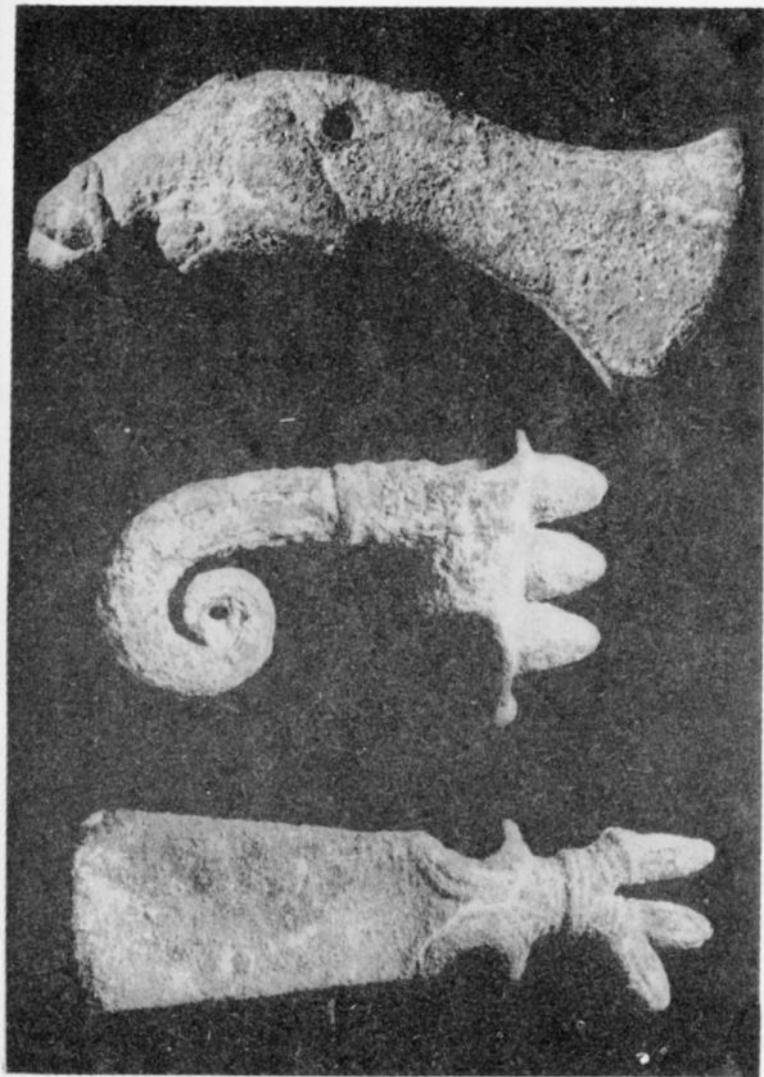

Рис. 3. Бактрия. Бронзовые, церемониальные топоры

Рис. 4. Бактрия. Бронзовый, церемониальный топор. Общий вид (1) и деталь (2)

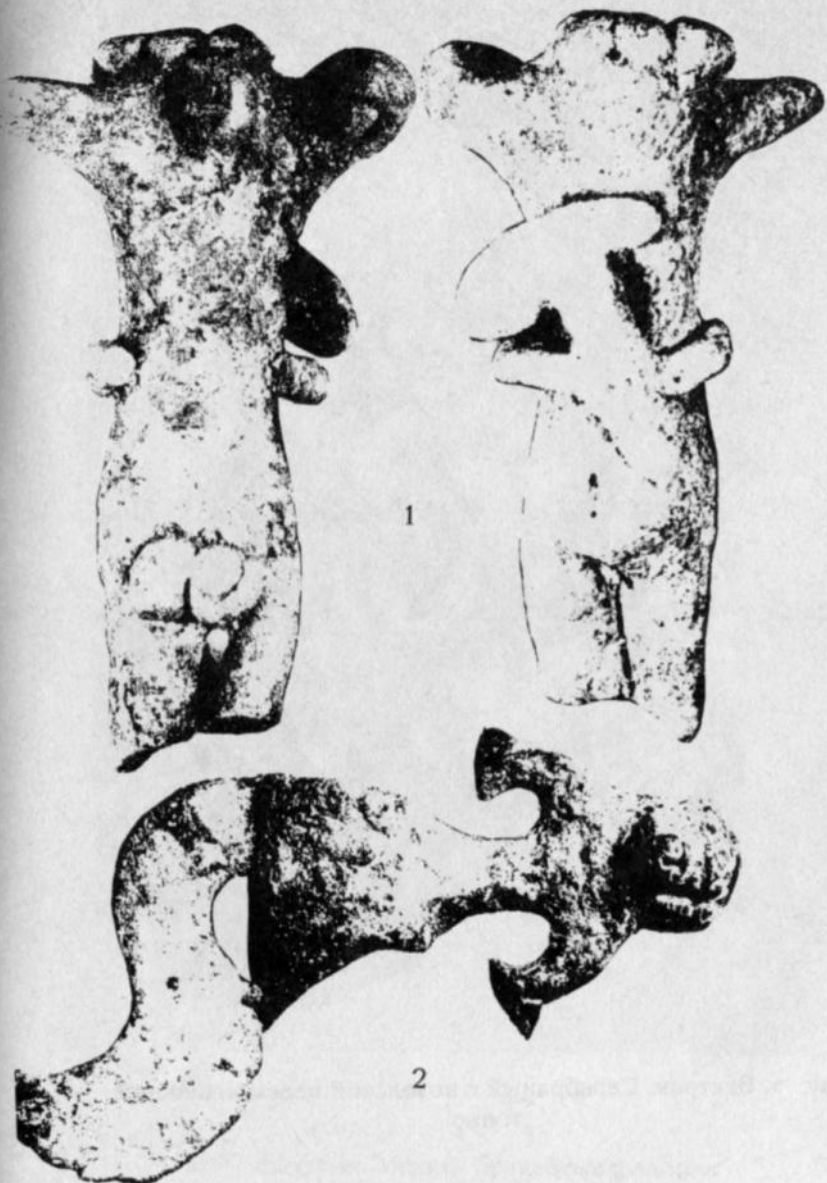

Рис. 5. Бактрия. Мужская терракотовая фигурка предположительно бога-громовержца от культового сосуда (1). Бронзовый церемониальный топор (2)

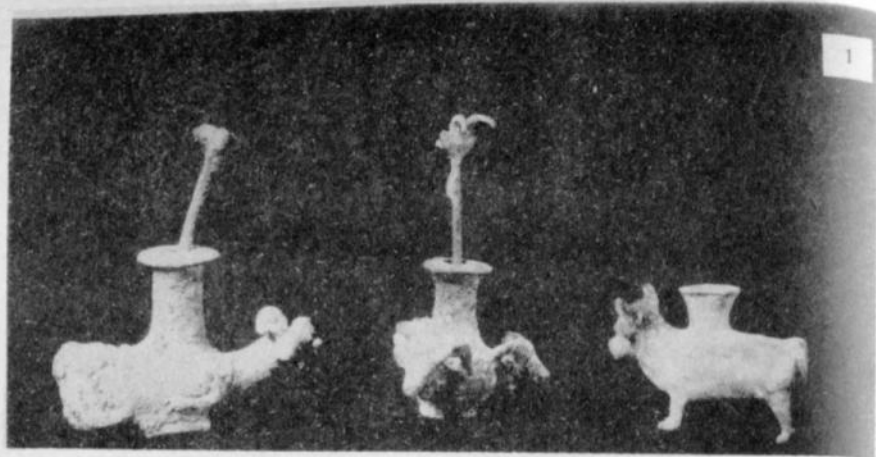

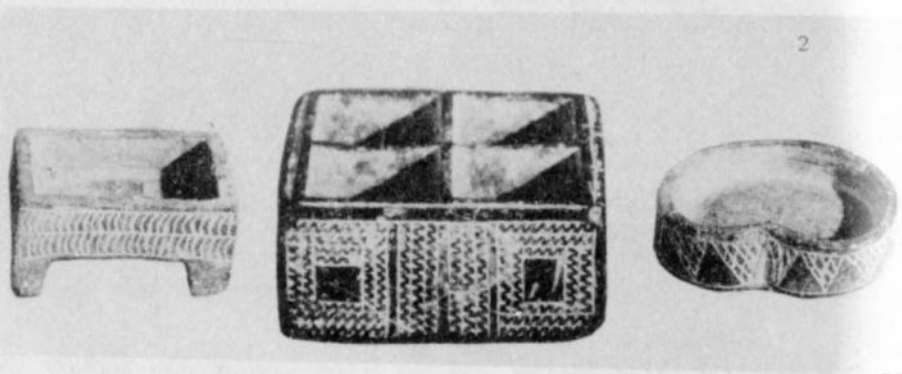
Рис. 6. Бактрия. Серебряный с позолотой церемониальный топор

Рис. 7. Бактрия. Медно- бронзовые флаконы

1

2

Рис. 8. Бактрия. Медные косметические флаконы (1)
и каменные коробочки (2)

1

3

4

Рис. 9. Бактрия. Медные косметические флаконы (1,2),
фигурка обезьяны (3) и золотой сосуд с фигурами орлов (4)

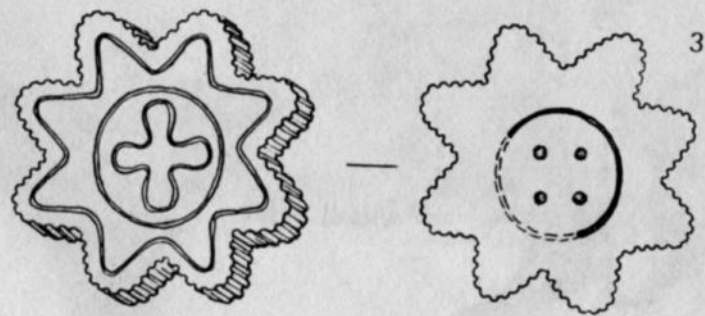

Рис. 10. Бактрия. Банкетная сцена на косметическом флаконе (1) и драконы, пожирающие зайца на другом флаконе (2). Маргиана. Стеатитовая эмблема из храма Тоголок- 21 (3)

Рис. 11. Бактрия. Серебряные сосуды со "сценической охоты" (1) и сценой охоты (2)

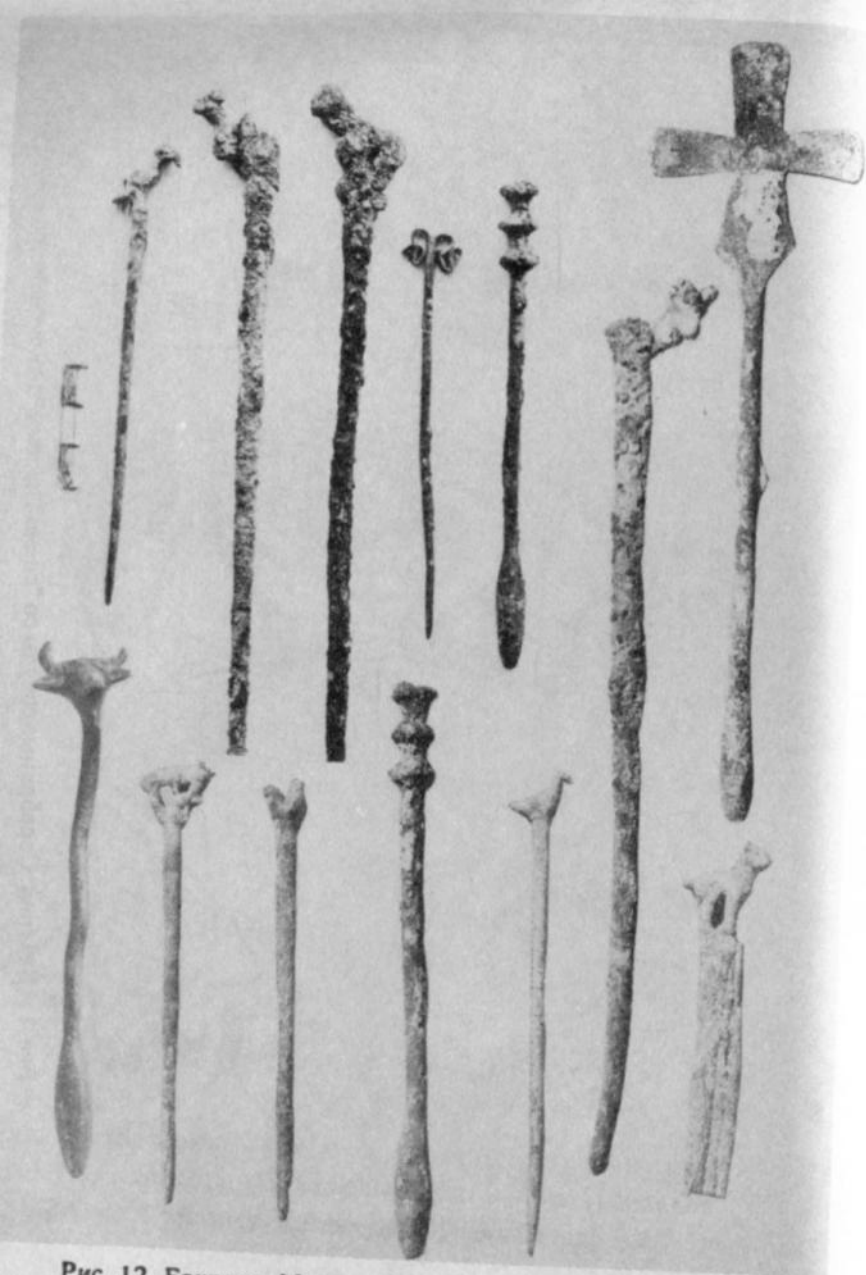

Рис. 12. Бактрия. Медные булавки и туалетные палочки с фигурными наконечниками

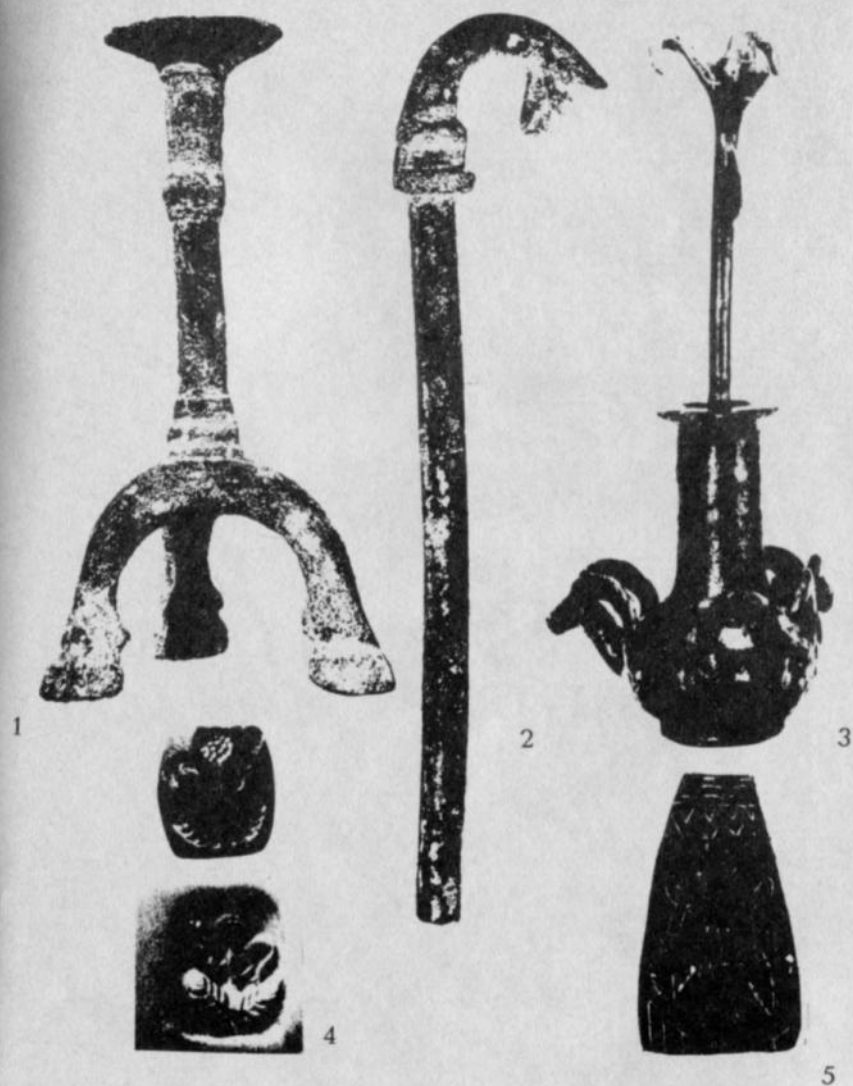

Рис. 13. Бактрия. Бронзовая подставка (1), жезл (2), косметический флакон (3), амулет (4) и каменный флакон (5)

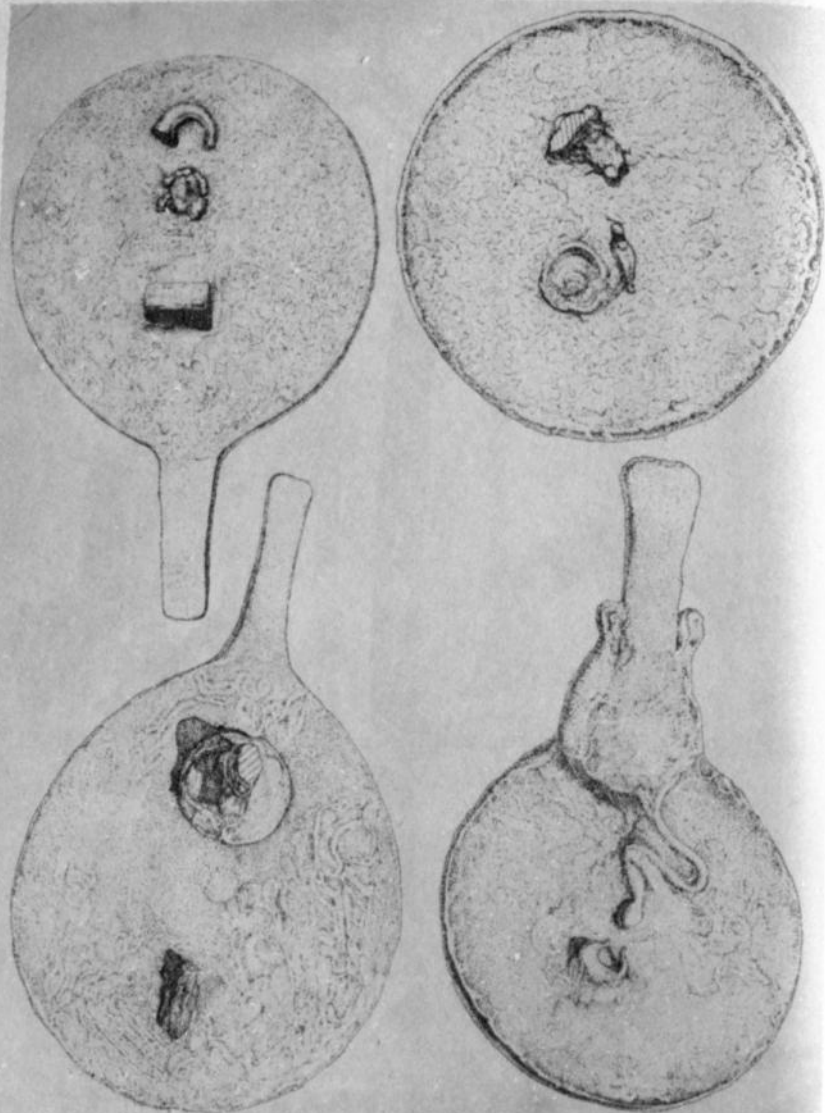

Рис. 14. Бактрия. Уникальные зеркала с тематическими композициями

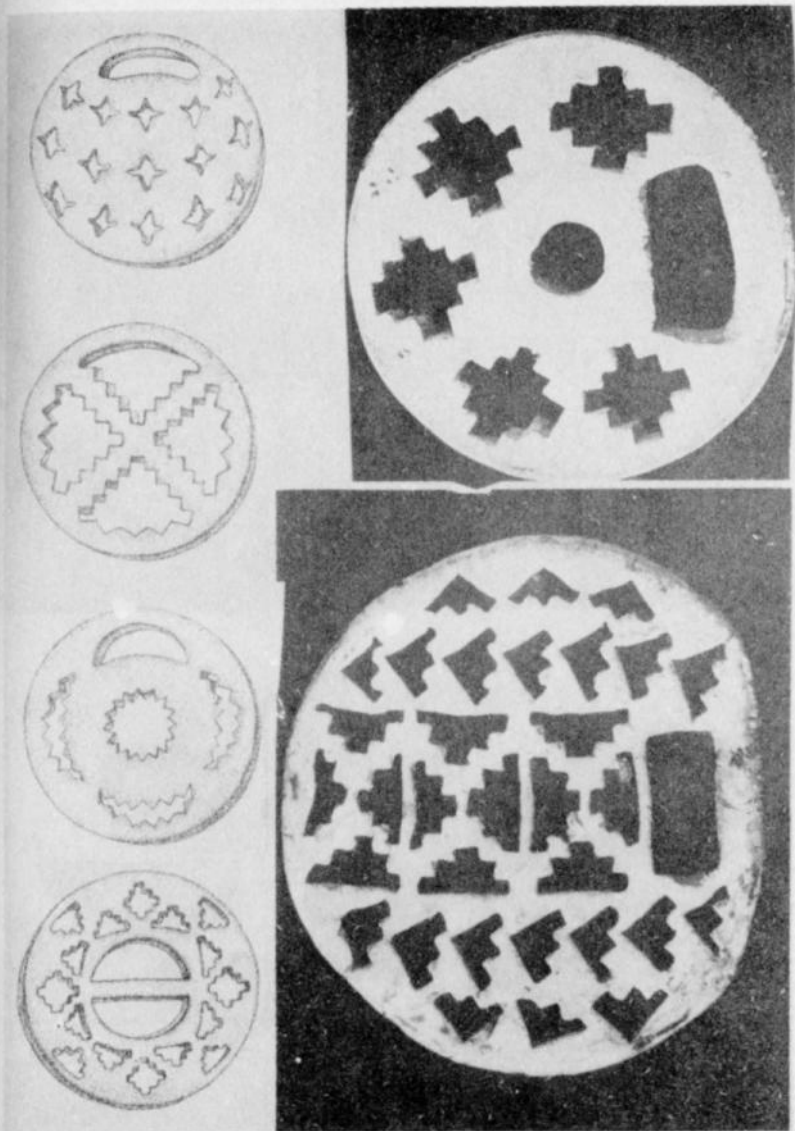

Рис. 15. Бактрия. Свинцовые "гири" культового назначения

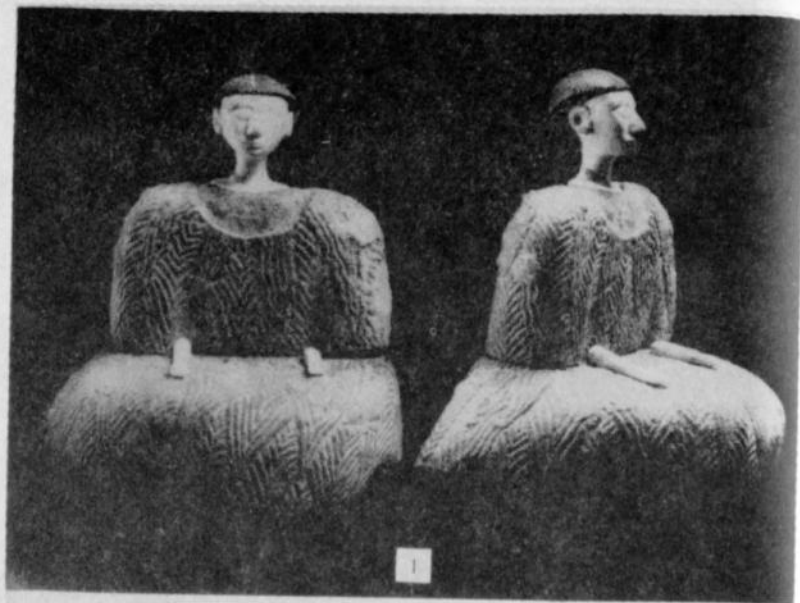

Рис. 16. Бактрия. Каменная "составная" статуэтка (1) и каменные сосудики и флаконы (2)

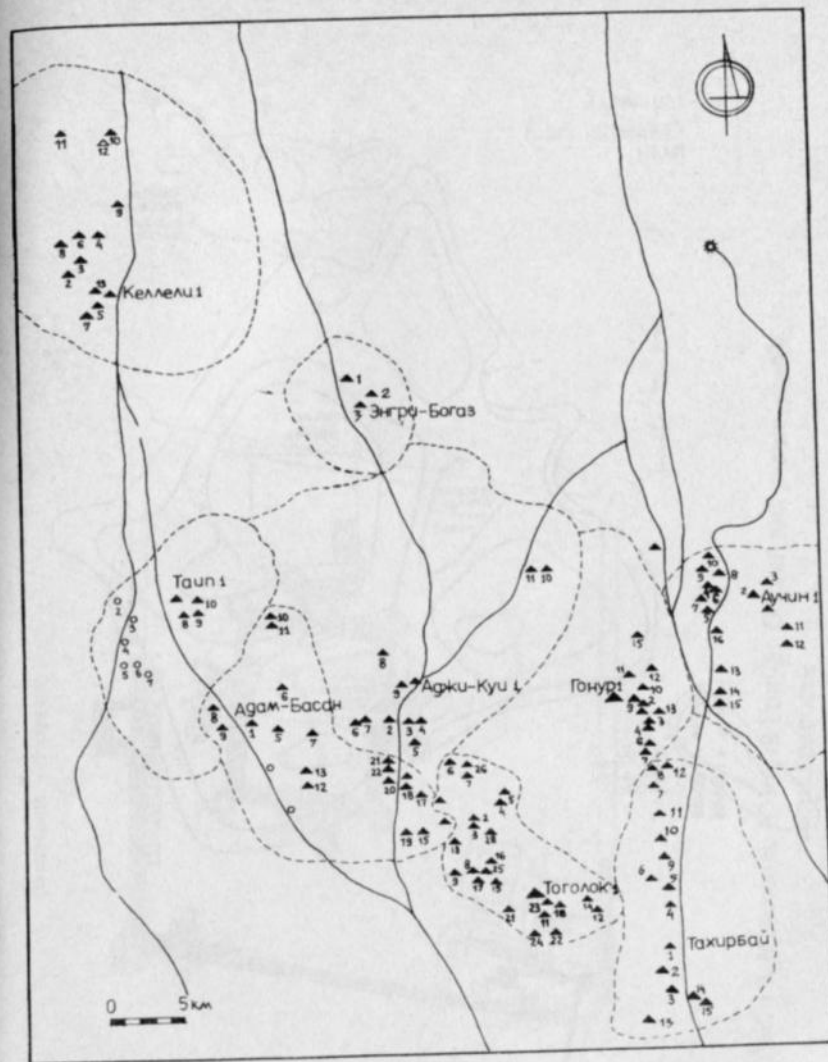

Рис. 17. Карта-схема памятников Маргианы

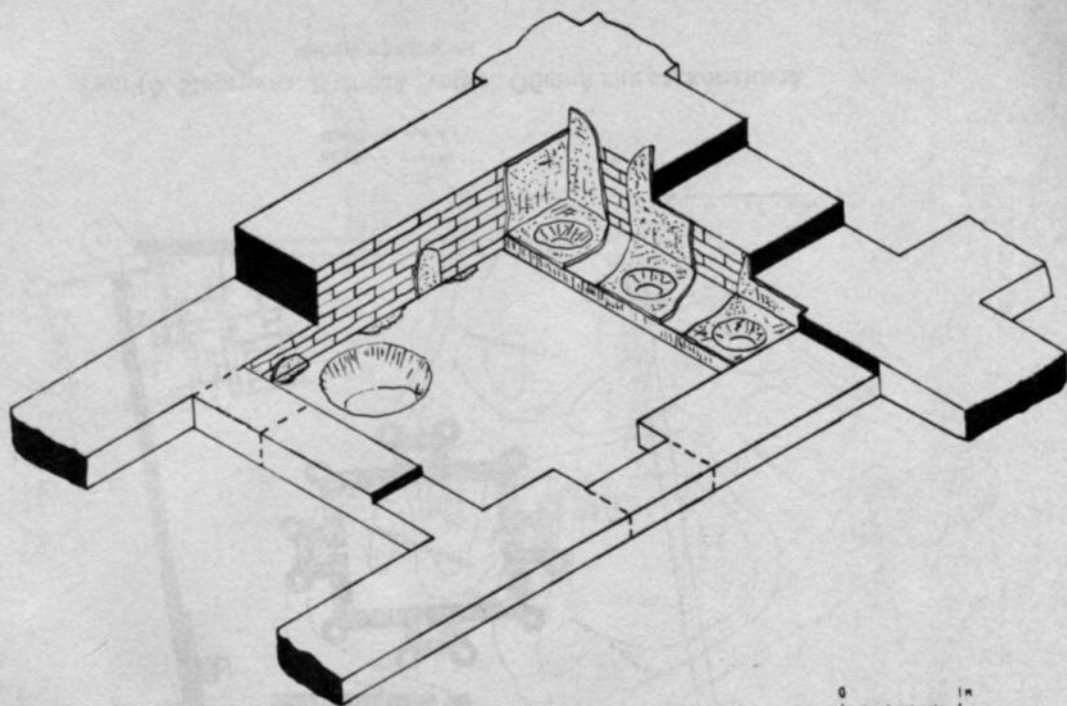

Рис. 20. Маргиана. Южный гонур. "Белая комната".
Аксонометрия

Советско-Авганская экспедиция 70-73 гг.
Дашлы-3
Храм
Аксонометрия

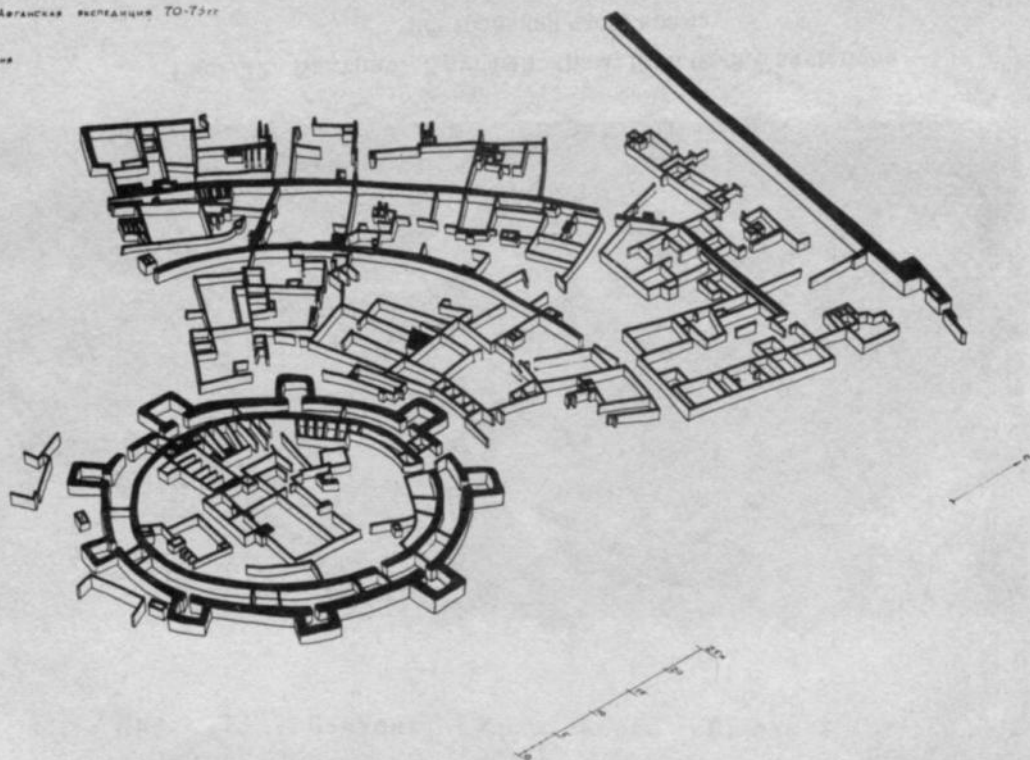

Рис. 21. Бактрия. Круглый храм Дашлы-3. Аксонометрия Я.М.Паромова

Рис. 22. Бактрия. Круглый храм Дашлы-3. Священная центральная часть храма

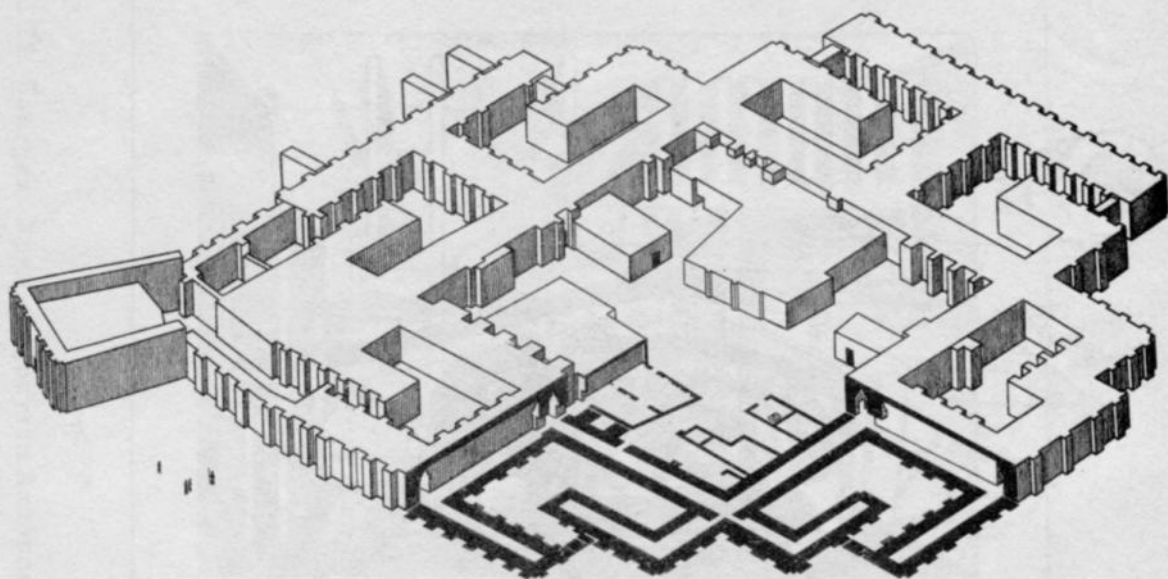

Рис. 23. Бактрия. Храм-дворец Дашлы-3.
Реконструкция Я.М.Паромова

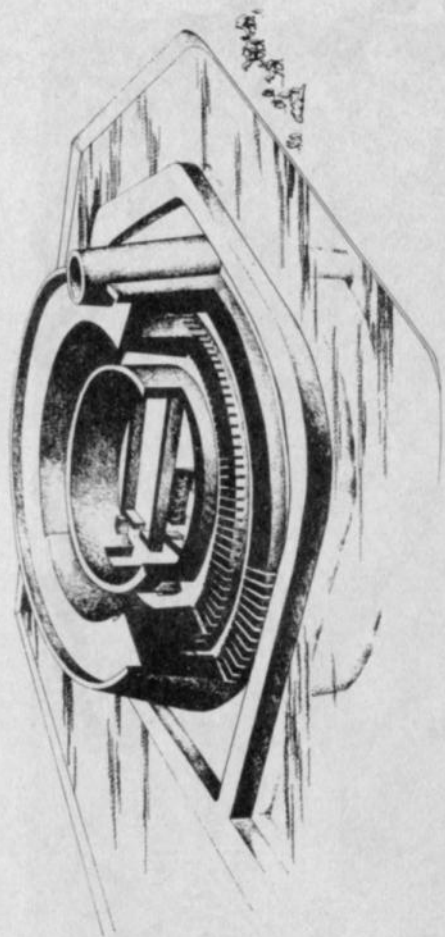

Рис. 24. Бактрия. Храм Кутлуг депе. Реконструкция
В.Л.Антонова

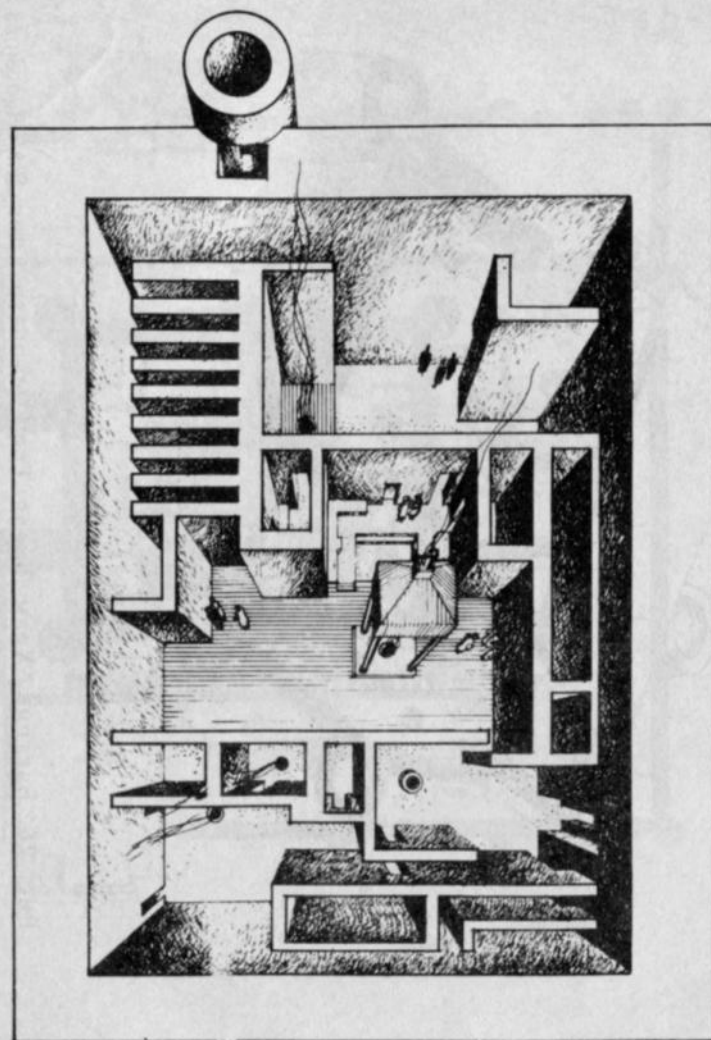

Рис. 25. Бактрия. Храм Джаркутан. Аксонометрия
В.Л.Антонова

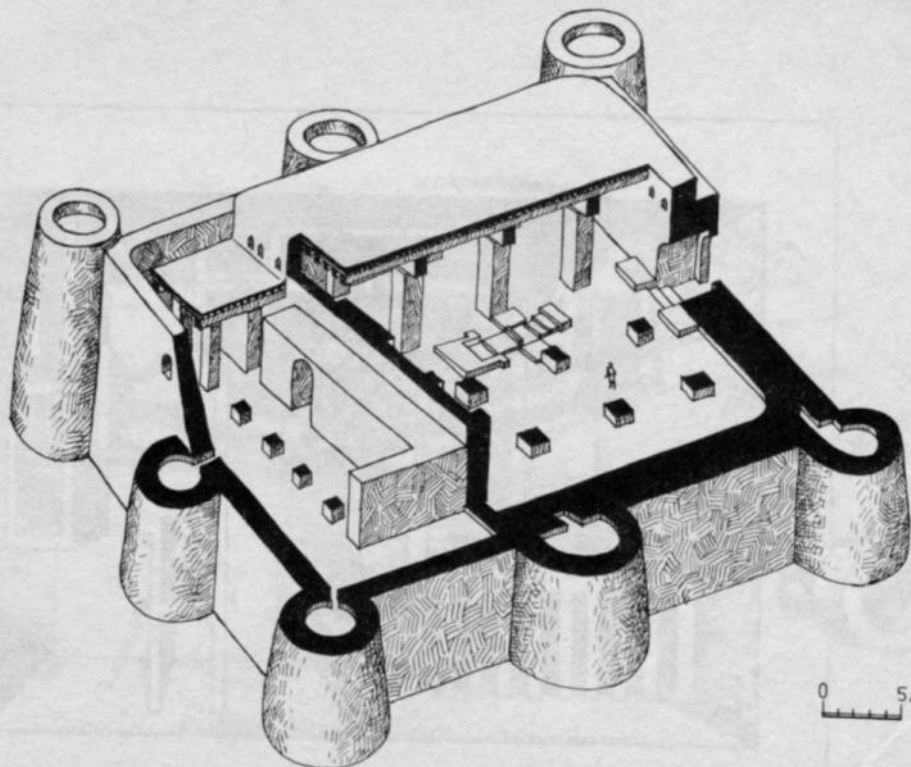

Рис. 26. Бактрия. Храм Тилля Тепе. Реконструкция Я.М.Паромова

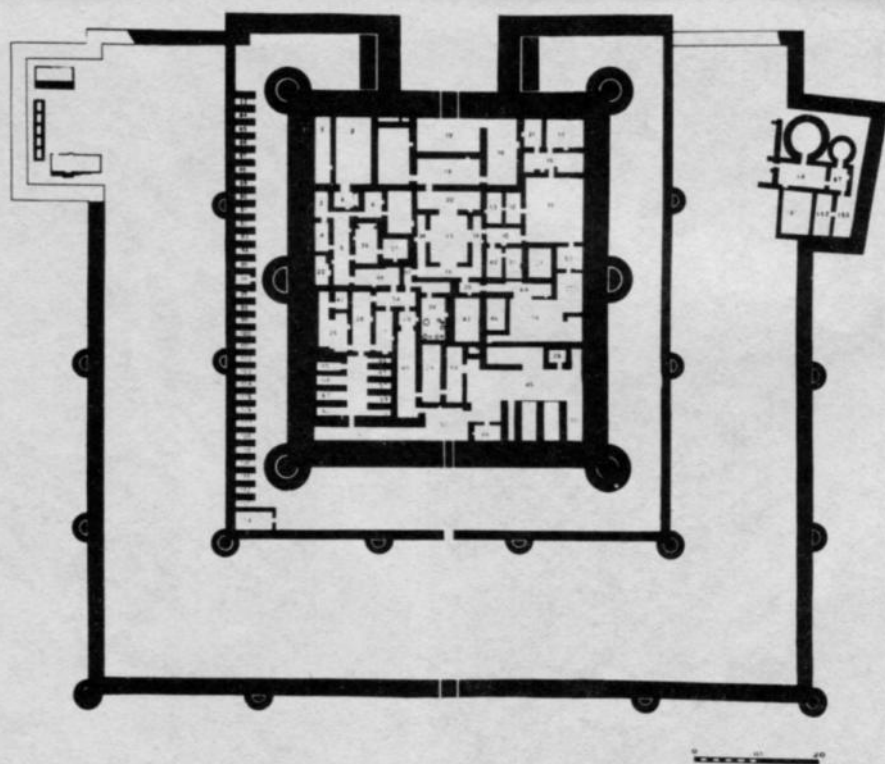

Рис. 27. Маргиана. Храм Тоголок- 21. Общий план после раскопок

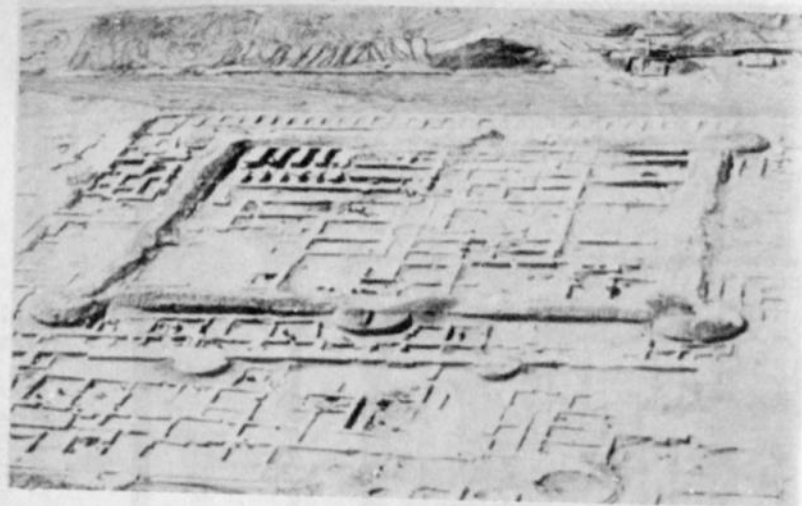

Рис. 28. Маргиана. Храм Тоголок- 21. Аэрофото (1) и общий вид раскопок (2)

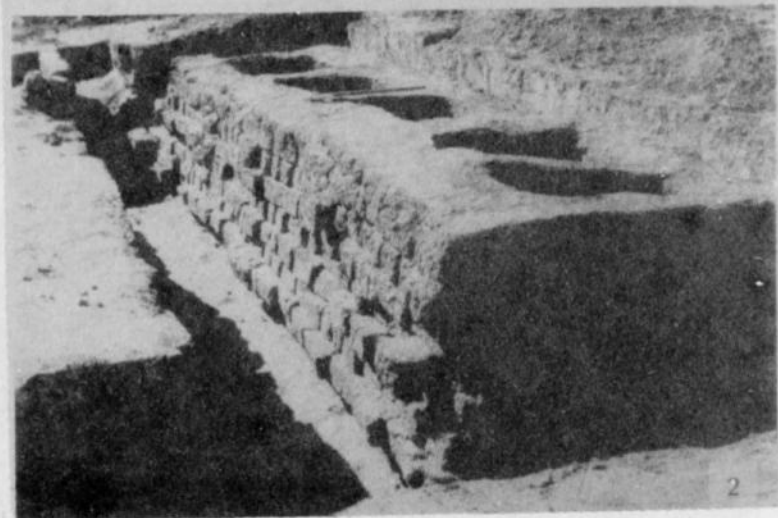

Рис. 29. Маргиана. Храм Тоголок- 21. Малый алтарь(1) и алтари огня (2)

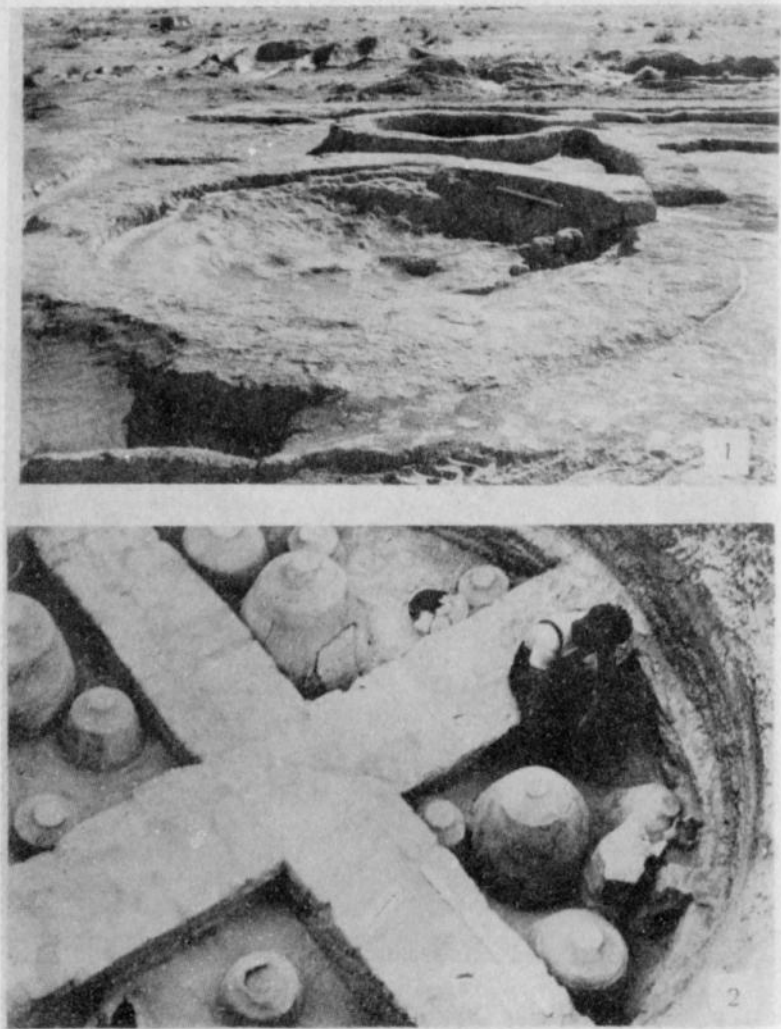

Рис. 30. Маргиана. Храм Тоголок- 21. Большой алтарь. Вид верхней (1) и нижней (2) частей

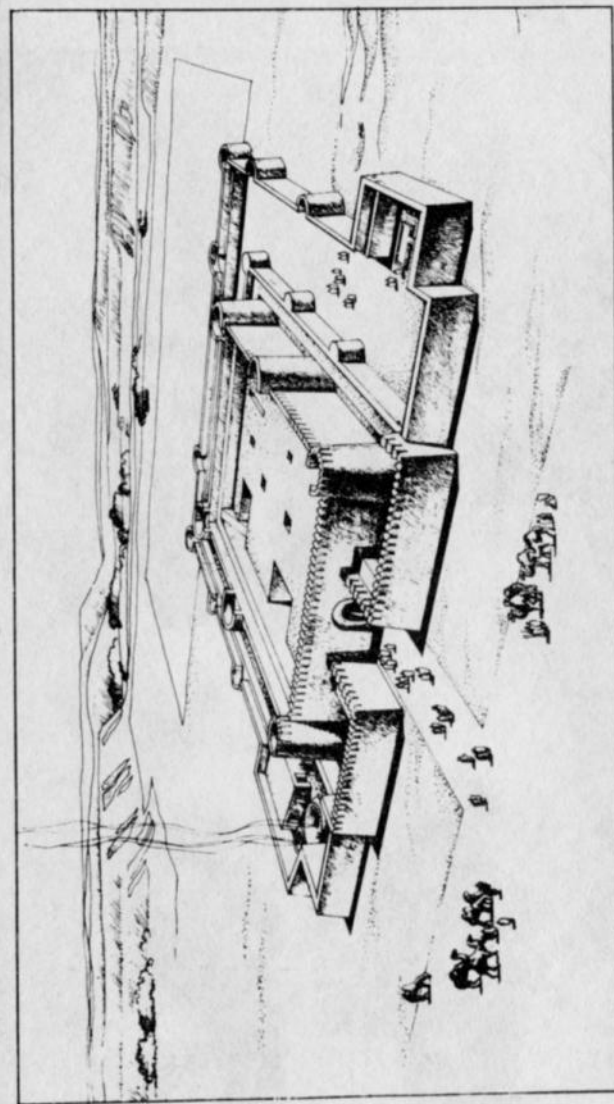

Рис. 31 Маргиана. Храм Тоголок- 21. Реконструкция В.Л.Антонова

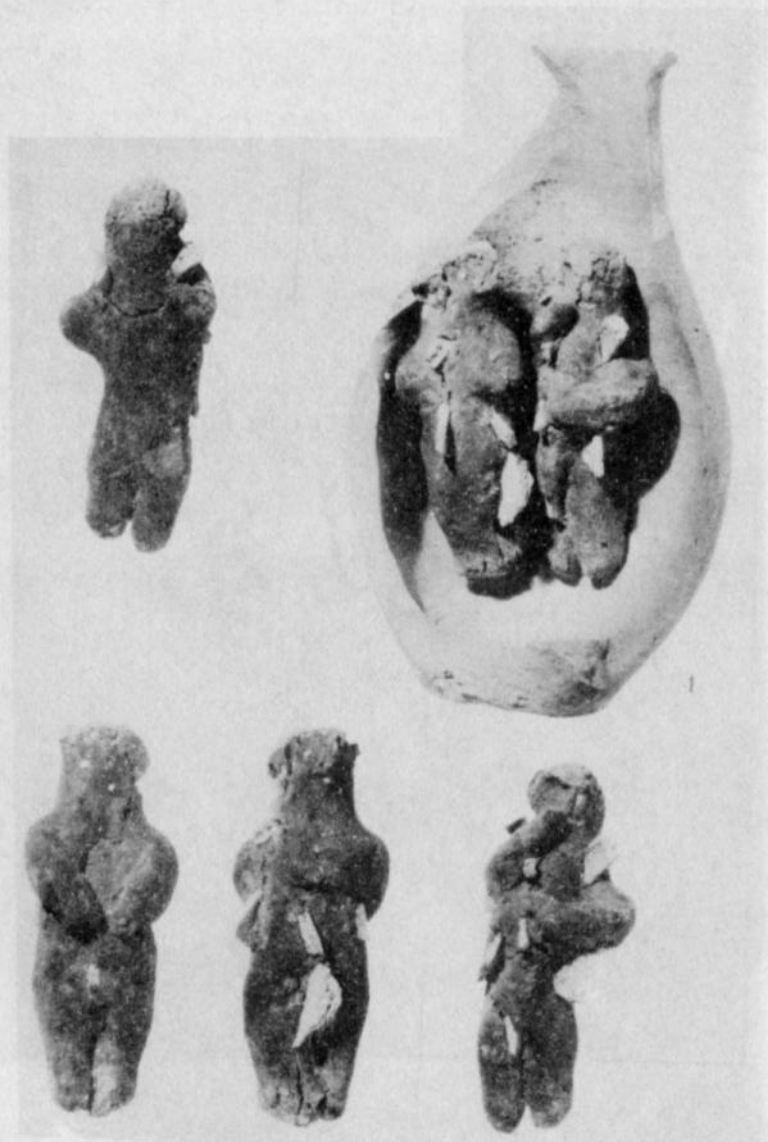

Рис. 32. Маргиана. Храм Тоголок- 21. Сосуд с человеческими фигурками (1) и сами фигурки

Рис. 33. Маргиана. Храм Тоголок- 21 Каменные "миниатюрные колонки"

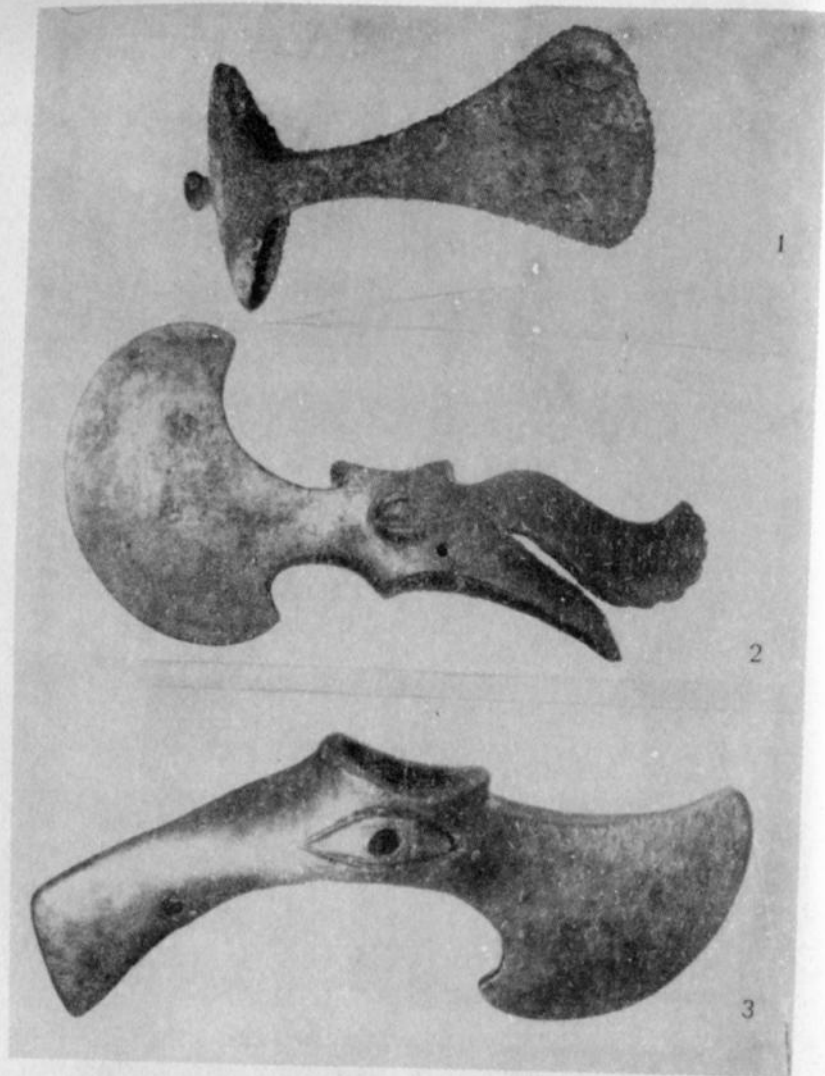

Рис. 34. Маргиана. Бронзовые церемониальные топоры храма Тоголок- 21 (1,3) и Гонур депе (2)

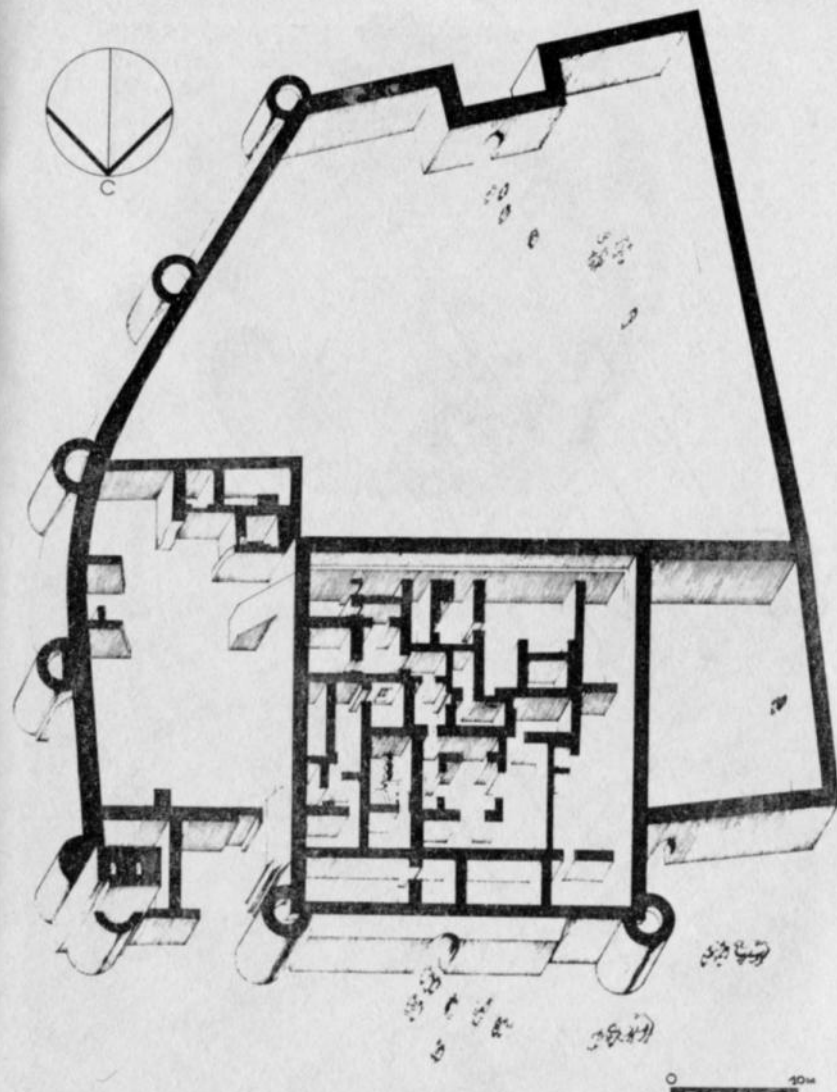

Рис. 35. Маргиана. Храм Тоголок- 1. Аксонометрия В.Л.Антонова

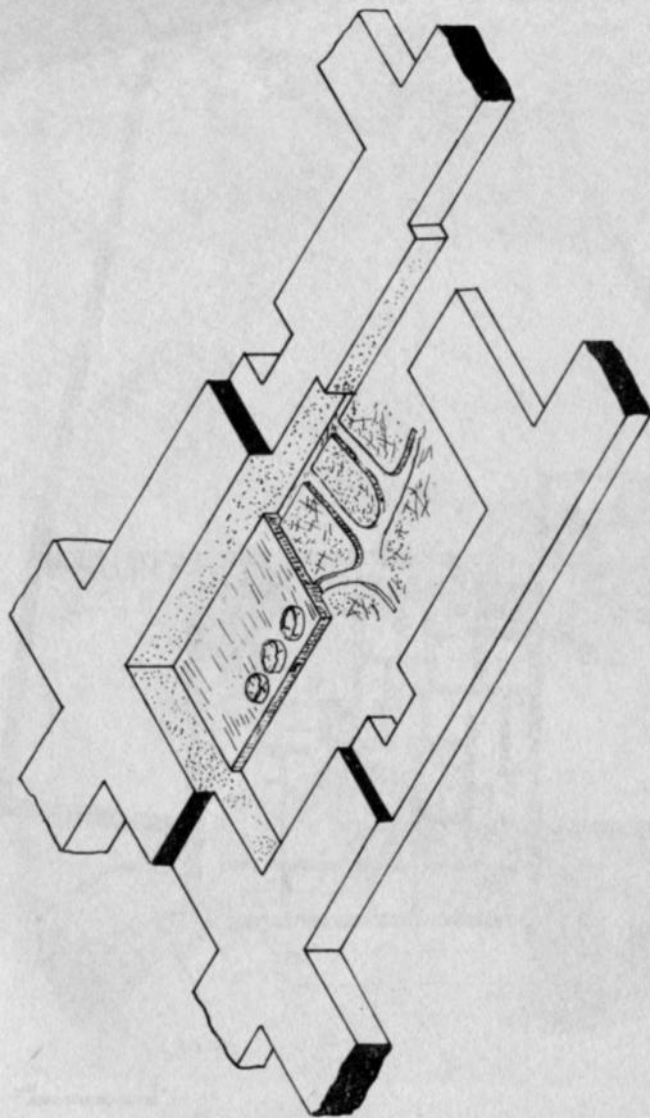

Рис. 36. Маргиана. Храм Тоголок- 1. "Белая комната".
Аксонометрия

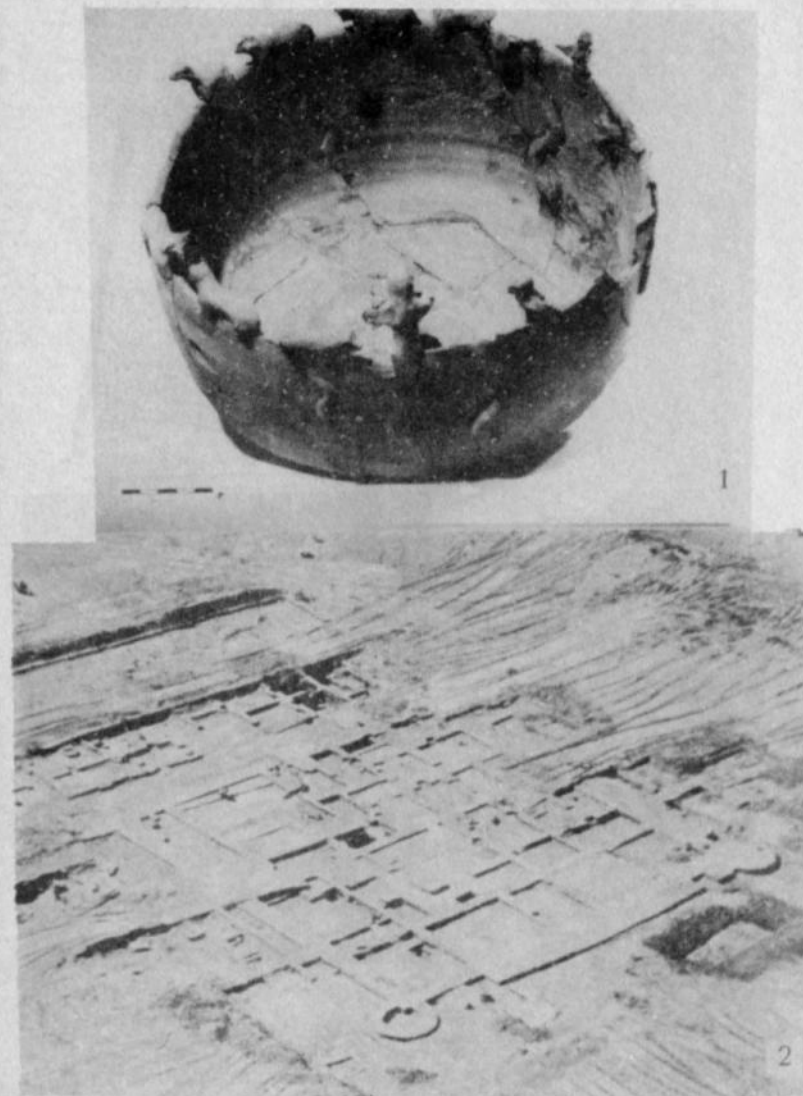

Рис. 37. Маргиана. Храм Тоголок- 1. Культовый сосуд (1)
и аэрофото (2)

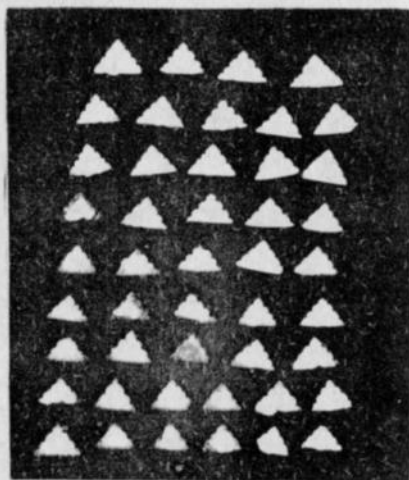
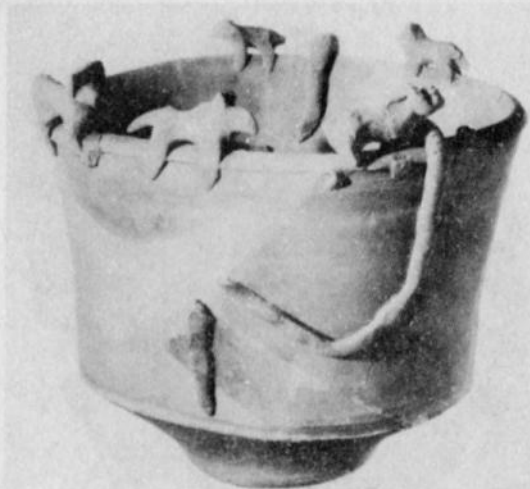

Рис. 38. Маргиана. Храм Тоголок- 1. Культовый сосуд (1), фрагмент "миниатюрной колонки" (2) и инкрустации из могилы жрицы

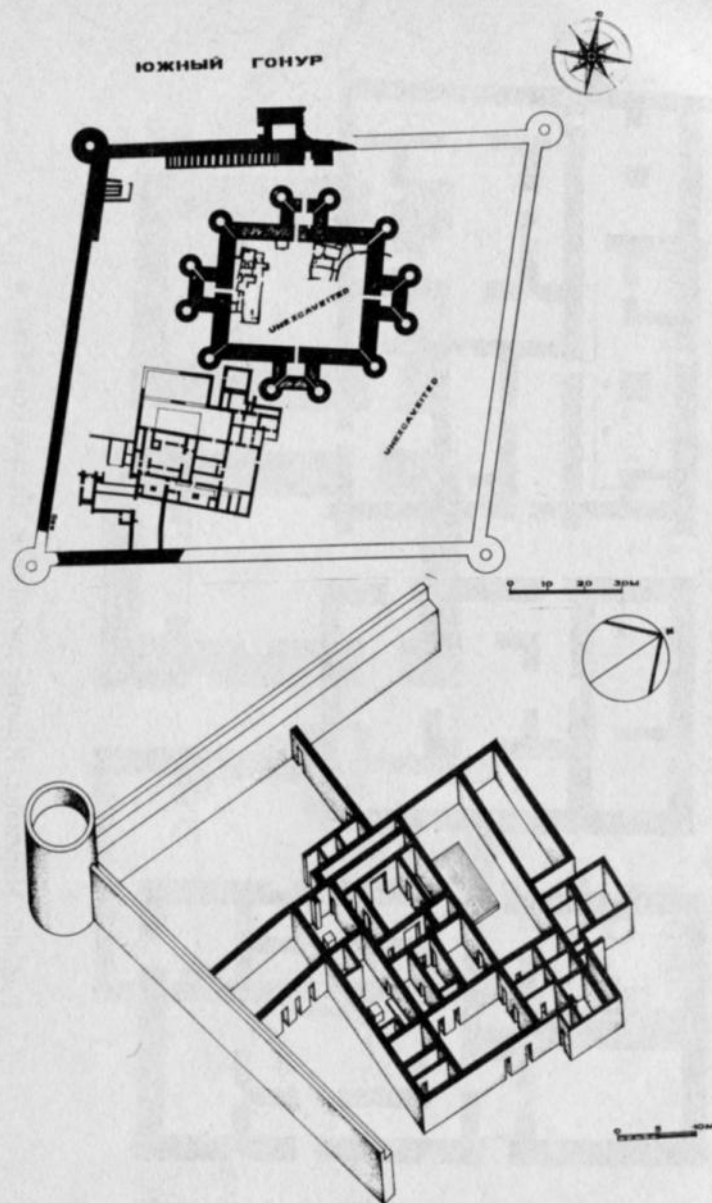
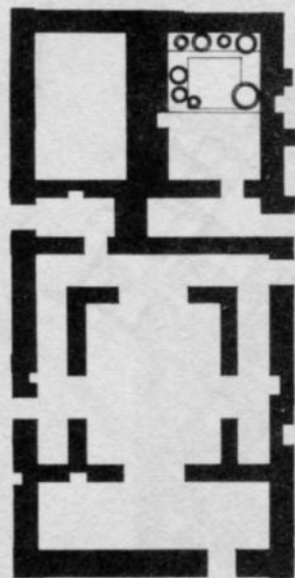
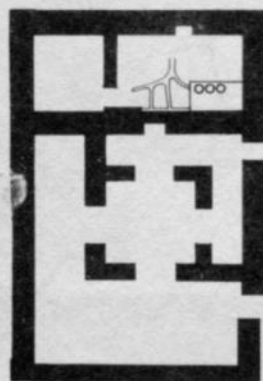

Рис. 39. Маргиана. Южный Гонур. Храм. План аксонометрия В.Л. Антонова

1

2

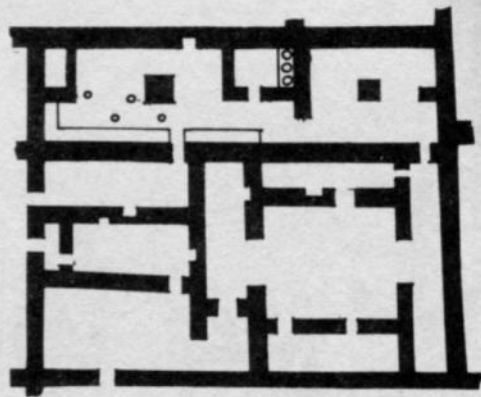
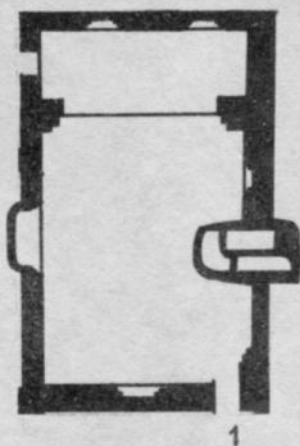
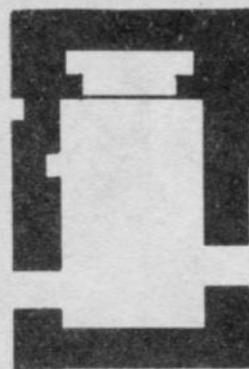

Рис. 40. Маргиана. Крытые дворики и "белые комнаты" в храмах Тоголок-21 (1) и Тоголок-1 (2)

1

2

3

Рис. 41. Сходные типы "моделен" в круглом храме Дашлы-3 (1), Тоголок-21 (2) и Тоголок-1 (3)

Рис. 42. Маргиана. Каменные амулеты храма Тоголок- 2
(1,5) и медные печати

Рис. 43. Бактрия. Каменный амулет (1), серебряная (2) и
медные (3,4) печати

Рис. 44. Бактрия. Печати из разграбленных могил. Золотая (1), каменная с золотой обтяжкой (2), медная (3) и серебряные (4,5)

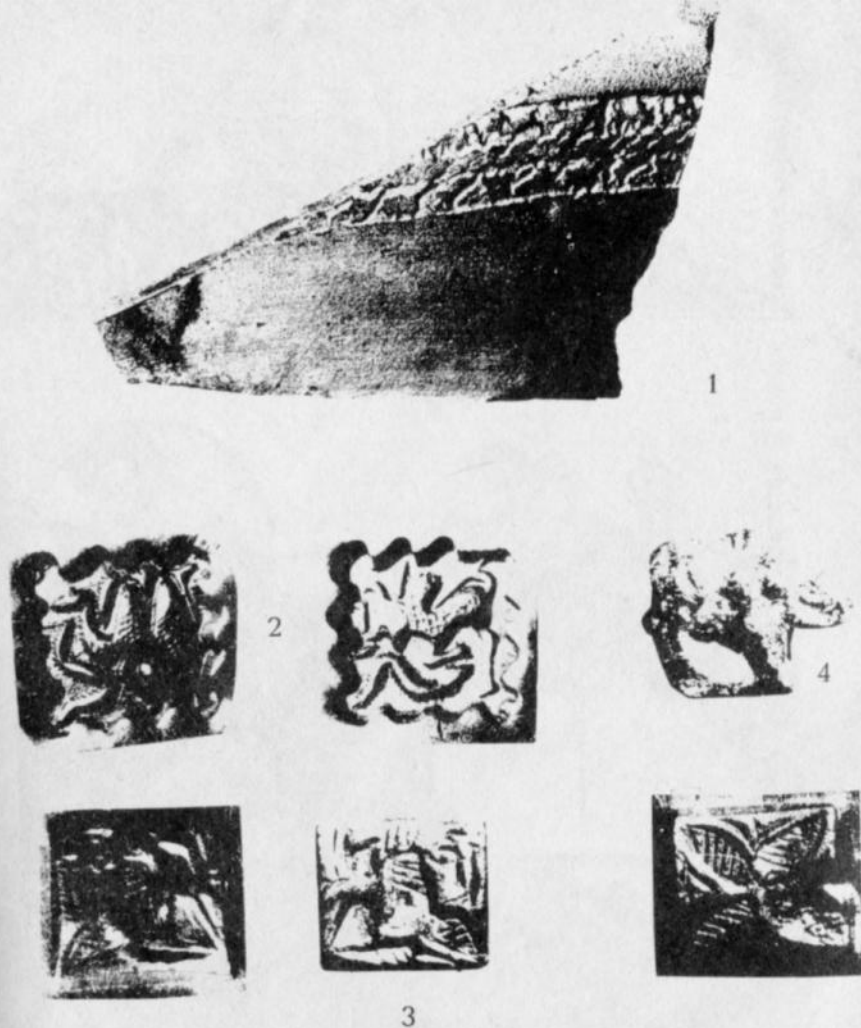

Рис. 45. Маргиана. Оттиск цилиндрической печати (1) и каменные амулеты (2-4)

1

2

Рис. 46. Маргиана. Южный Гонур. Оттиск цилиндрической печати (1) и общий вид сосуда с оттиском (2)

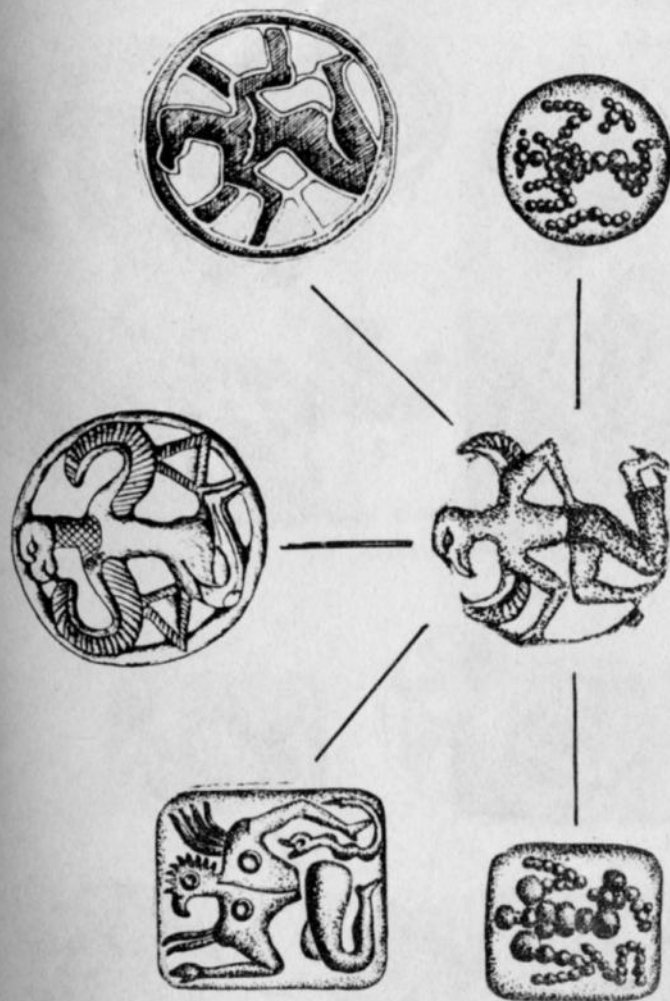

Рис. 47. Бактрия. Коленопреклоненные божества. В центре - сирохеттский прототип

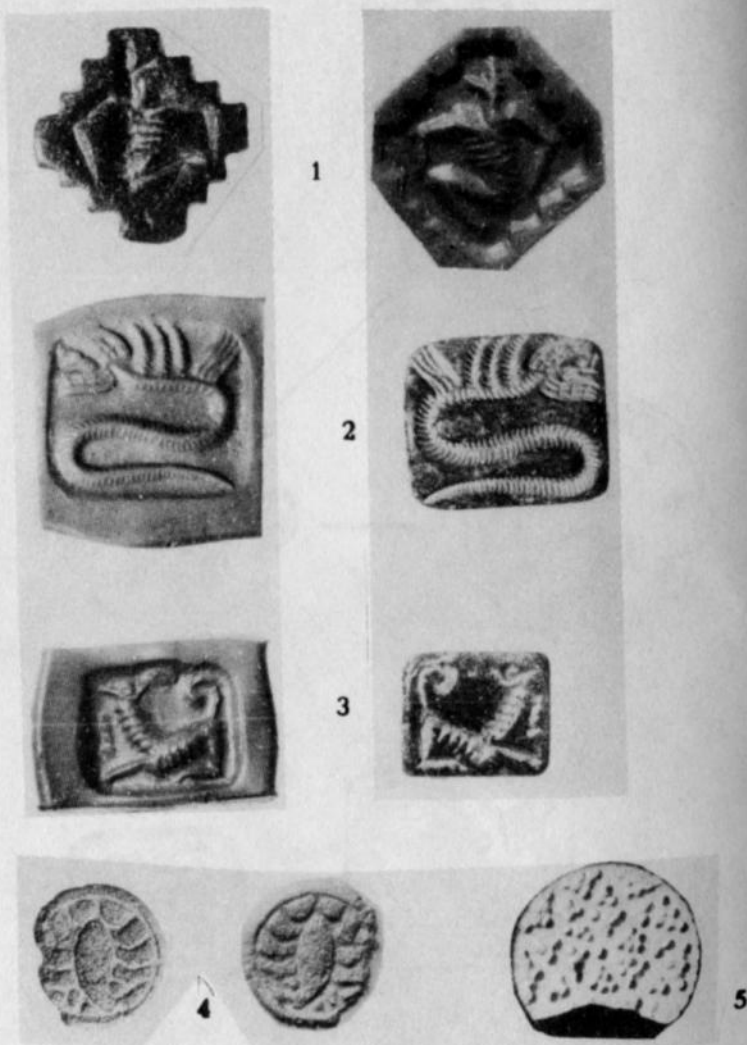

Рис. 48. Маргиана. Амулеты с Гонур дпе (1,2,3) и
Тоголок-1 (4,5)

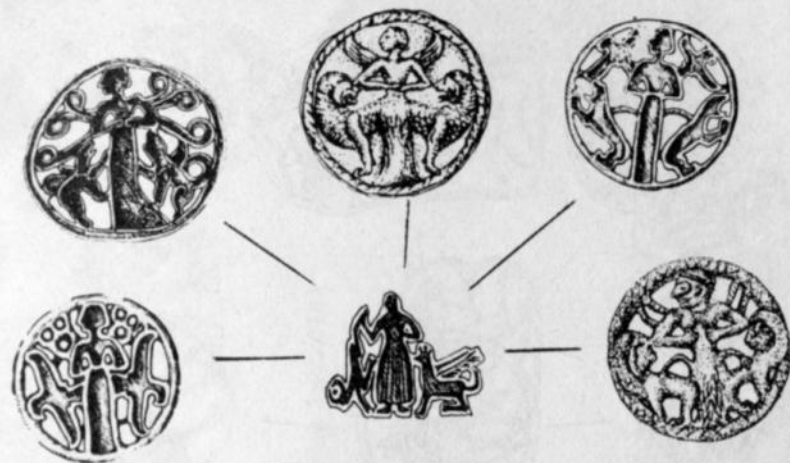

Рис. 49. Бактрия. Печати с изображением "хозяйки
животных" В центре - сиро-хеттский прототип

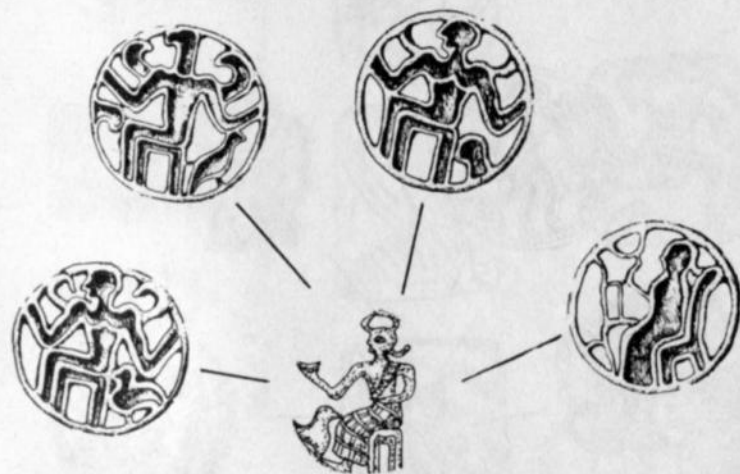

Рис. 50. Бактрия. Печати с изображением антропоморфных
божеств и месопотамский прототип

Рис. 51. Бактрия. Печати с изображением сидящих на животных божеств. В центре - иранский прототип

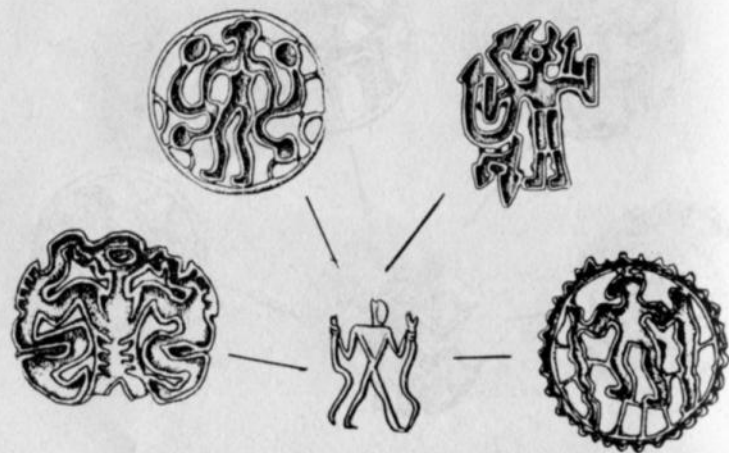

Рис. 52. Бактрия. Печати с изображением драконоборцев. В центре - северо-месопотамский прототип

Рис. 53. Бактрия. Изображения драконов на амулетах

Рис. 54. Бактрия и Маргиана. Изображения животных, у которых рептилии похищают "живительное семя"

Рис. 55. Бактрия и Маргиана. Драконы, охраняющие свои жертвы

1

2

Рис. 56. Маргиана. Изображение чудища с поверженными людьми (2) и аналогичное изображение на одном сиро-хеттском цилиндре (1)

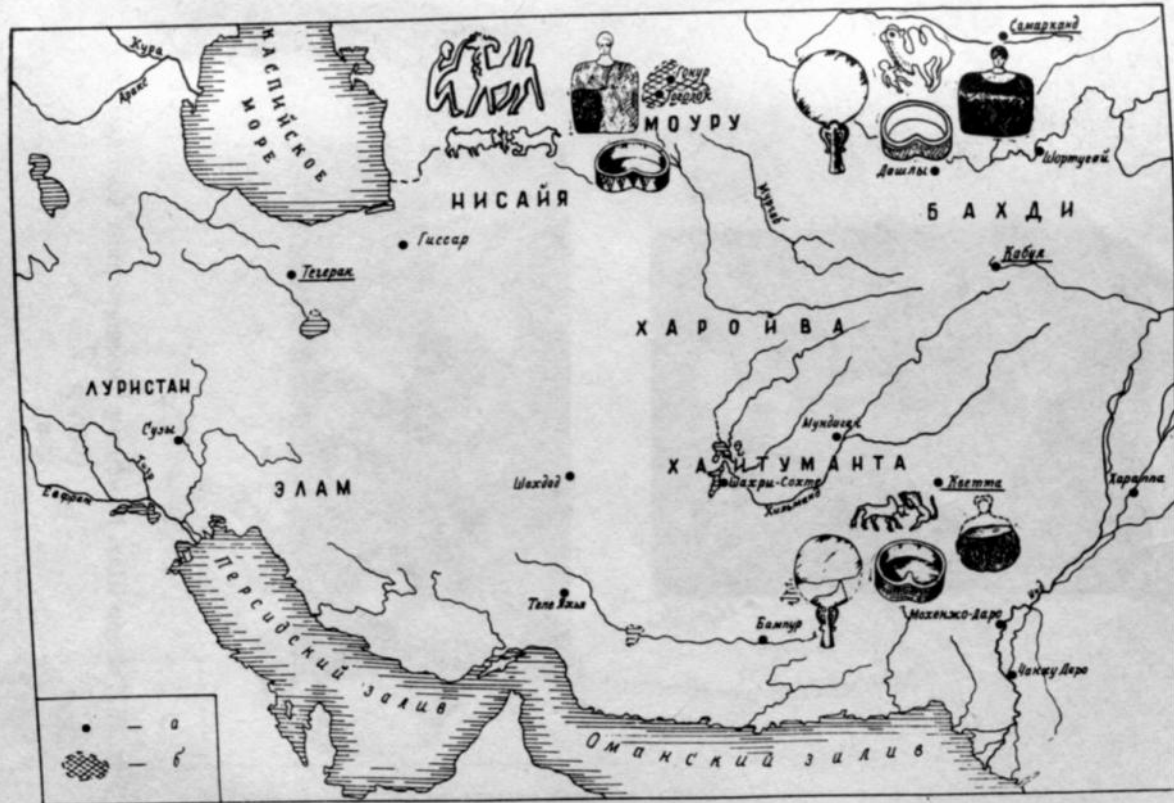

Рис. 57. Карта расположения однотипных изделий

Рис. 58. Годари Шах. Каменные "миниатюрные колонки" и "гири"

